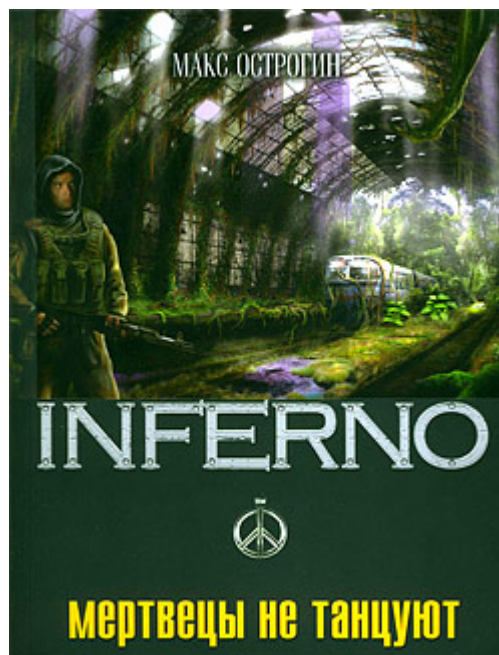

Острогин Макс

Мертвецы не танцуют

Москва; 2010
ISBN 978-5-699-46593-4

Аннотация

Поход на Запад, к Центру, заведомо провальное дело. Мрак там сильнее. Настоящий, жирный и бесспорный. Не мелкая грязная погань, назойливо повисающая на ногах и пытающаяся выклевать глаза, — настоящая тьма. Община уже посылала туда людей. Три отряда по восемь человек — все сгинули. А людские ресурсы надо беречь. Свои все наперечет. И главное тут слово «свои»... Чужака никогда не жалко. А он в клане чужой. Да, метко стреляет и быстро бежит. Да, умеет выживать в любых условиях, спать в земле, дышать под водой. Но не «свой». Значит, он и пойдет туда, откуда никто не возвращался. Но смерть снисходительна к героям. Как будто дает им шанс показать, чего они стоят.

Острогин Макс

Мертвецы не танцуют

Глава 1. Землетряс

Винтовка сработала непривычно мягко, почти без отдачи, почти без звука. Негромкий шелест. Точно в левое плечо, не мне, тетке. Тетку развернуло, секунду она пыталась балансировать, размахивала сумкой.

Интересно, ее с сумкой, что ли, похоронили? Чего она ее таскает-то? Вроде вполне мреческая тетка, почерневшая, подгнившая, заросшая этой паскудной мертвецкой коростой, а с сумкой. Нашла, видимо, где-то. Шла себе дохлая, вдруг видит — сумка, ну и взяла. Рефлекторно. Иногда такое случается, сам видел. Мрец с костылем. А другой с велосипедом, я его даже за человека сначала принял — идет человек, велосипед рядом с собой катит. Я к нему познакомиться, а он как кинется. Велосипед, значит, как маскировку использовал,

хитрость проявлял. Хотя, может, он раньше велосипедистом был знаменитым, раньше люди на велосипедах только так гоняли...

Тетка с сумкой не удержалась, сорвалась в провал. Жаль.

Патрона жаль, на мреца — и целый патрон! Расточительство. Хотя плевать, у меня этих патронов... Четыре ведра.

Простые. Трассеры. Разрывные. Бронебойные. Это чтобы не скучно, это чтоб весело. Я тут уже неделю сижу, дежурю. Погань лезет и лезет, а я стреляю и стреляю. Тоска, поэтому разные патроны и использую. Вот, к примеру, разрывной. Здесь надо подкараулить, пока тварь не подберется к провалу поближе, и только тогда стрелять. Башка у мреца в клочья, а сам он аккуратненько в яму, хорошая работа.

Или трассер. Трассером красиво. Видно, куда стреляешь, можно даже в прицел не смотреть, трассеры я больше всего люблю.

Или бронебойный, с сердечником. Им легко сразу нескольких завалить, главное, подловить, пока они на одной линии расположатся — бац — и сразу три штуки. Хотя обычно только первый успокаивается окончательно, остальным кому руку, кому ногу отрывает, мерзкое зрелище получается. Потому что шевелятся. И мрецы, и руки-ноги ихние. За день набьешь сотню, а они шевелятся, скребутся, аж тошнит, вечером приходится идти к провалу, чистить, чтобы не скапливались, огнеметиком.

Они на той стороне беснуются, до меня добраться стремятся, а я на этом берегу. И с огнеметом. Плюк. Смесь тоже беречь нечего, Петр ее много наварил. Вот я и не берегу, поливаю щедро. От огня они бегать начинают, не любят огонь, как и любая погань. Туда-сюда, туда-сюда, друг о друга стучаются, в провал проваливаются. Вообще мрецы хорошо горят. Утром, когда прихожу, один пепел остается, да и тлеет еще кое-где. Ими, наверное, печь топить можно. Вот если не думать, что это мрец, а думать, что полено. Надо предложить проект Япету — топить мрецами. Только топить у нас нечего, все на электричестве...

Девять.

И снова в провал. Непонятно, мужик или тетка, старый уже мрец, мумифицированный. В ногу ему, в колено, сразу в ров полетел.

Вчера сорок шесть штук подбил. Из винтовки все, из карабина я по этой погани не стреляю, не достойны они. Винтовкой обхожусь, не скучно.

Тут у нас постоянный пост, засечная черта. Постепенно зачищаем территорию, огораживаемся. Провалы, машины, в домах двери завариваем, ловушки устанавливаем, баррикады. Тут самое важное — чтобы естественно все это выглядело, будто само оно образовалось. Чтобы человеческое отребье не лезло. А погань, конечно, пробирается, но немного. Так что днем вокруг Варшавской разрешается даже немного погулять. Особенно если стрелки на постах.

Порядок. Хоть какой-то.

Был.

До прошлой недели.

Неделю назад к северу от нас проревел торнадо. Небо загустело, почернел воздух, и в молниях и грохоте сатана явил свой разрушительный палец. Серафима отмечала — четыре километра прошел, с востока на юго-запад. Снес два квартала. Ну, и кладбища причесал. Два. Ободрал весь верхний слой. И теперь они бродят. Много, сотни, может, тысячи удивительно хорошо сохранившихся мрецов. И все прут, чуют мясо.

А я их отстреливаю. Возле провала. Улица тут широкая, провал чуть наискосок, глубокий, метров двадцать. Я на кране сижу. Рядом к недостроенному дому прицеплен кран, в кабине оборудован пост. Ничего, уютно, запросто дней пять продержаться — даже диван кто-то втащил, что удобно, — сиди на диване, постреливай.

Провал как на ладони, и едва поганец приближается к краю, я его успокаиваю. С одного, разумеется, выстрела. И летит он в яму. А я в журнал записываю — Япет велит учет производить для научных целей.

Десять.

Сразу двоих, но записываю как одного.

Серафима вчера приходила, стрелять училась. Встала возле провала и давай палить из автомата. Два диска расстреляла, набила кучу, ко мне забралась с довольным видом, учись, говорит, как надо, сразу полсотни штук Дура. Сегодня тоже прийти грозились, отрабатывать стрельбу с обеих рук.

Ну пусть приходит, все веселее. Болтает много, анекдоты рассказывает, увлечение у нее такое — анекдоты сочинять. Несмешные, кстати.

Одиннадцать.

Двенадцать, тринадцать, еще два выстрела.

Я высунулся из кабины.

Вспомни Серафиму — она тут как тут. С пистолетами. Вся просто увешана пистолетами, наверное, по-оружейки приволокла.

Рукой мне помахала — и к провалу. Мрецы почуяли, оживились, стали поближе подбираться, а что, в Серафиме килограмм, наверное, пятьдесят, ценный продукт.

Мрецы наступали, Серафима дождалась, пока они не подойдут к краю провала, выхватила пистолеты, заорала что-то воинственное и начала отстрел. Дура.

Бестолковое занятие — стрелять вот в упор, да еще по почти неподвижным мишеням. Тупой и бессмысленный расход патронов, мне совсем не нравится, один выстрел, один труп, так всегда Гомер говорил.

Я старался сначала всего этого безобразия не замечать, но Серафима развела настолько оглушительно беспорядочную стрельбу, что у меня голова заболела. Даже Папа недовольственно мяукнул. Я плюнул и полез вниз.

Серафима упражнялась. Довольно неуклюже. Старалась стрелять из-за спины, из положения лежа, на звук. Грому много, толку мало.

— Ну как? — поинтересовалась Серафима, когда я подошел. — Шестнадцать штук уже завалила.

— Бестолковое занятие, — сказал я.

— Почему же? Сокращаю численность — это полезно.

— Это бесполезно. Трупов на каждом кладбище по несколько миллионов. Разной степени разложения. На всех патронов не хватит.

— Ты это Япету скажи.

— Я говорил, он не слушает.

— И правильно делает.

Серафима застрелила длинного мреца, никогда таких длинных не видел, две пули ей понадобилось, перерасход.

Неприятно все-таки. Когда они вот, в пяти метрах. И вонь слышно, и зубы видно — ногти, зубы и волосы продолжают расти. У некоторых. Хорошо хоть прыгать не умеют.

— Правильно делает, — повторила Серафима. — Тебя слушать... Неизвестно, что ты за человек пока, чтобы тебя слушать... А правда, что ты с навкой гулял? Говорят, у вас любовь...

Серафима захихикала, мне немедленно захотелось столкнуть ее в ров. Но я только сказал:

— Дура ты.

— Ага, дура... А правда, что она тебя тоже? Ну, типа, любит?

— Я же говорю — дура. Ты дура.

— Ага. Говорят, что она тоскует без тебя. Когда ты уходишь, она на стены кидается. Любовь, точно. Чудовище и красавец!

Едва не замахнулся. Честно, еще бы секунду, и влупил бы ей, прямо в лоб, в лобешник..

— Спокойно, спокойно! Это так трогательно, что я не могу просто.

Серафима снова стала стрелять. Пистолеты дергались у нее в руках, кисти слабые, никуда не годится. Но попадала. В упор любая дура попадет.

Патроны закончились, она спрятала пистолеты и достала револьвер. С коротким стволом, черный. Я позавидовал, сам давно хочу себе револьвер, даже у Петра одна рухлядь, а самоделку не хочется.

А у этой есть.

— Говорят, ты и сейчас к ней ходишь...

Бук Револьвер звучал совсем по-другому, серьезнее. И убойнее, мрецов отбрасывало на несколько метров, видимо, Серафима подточила пули.

— Говорят, ты ее выкрасть два раза пытался...

— Такие же дуры, как ты, и говорят.

Я разозлился и направился обратно, к крану. Зря она приперлась, только настроение портит. Бестолковая. Все они тут бестолковые, один другого хуже. Но эта Серафима... И чего она ко мне привязалась?

Мяв. Папа мяучил. Громко. Отрывисто.

— Кошака пора кормить, — усмехнулась Серафима. — Скорее, а то он тебе в ботинки нагадит!

При чем здесь ботинки? Нет, все же дура...

И тут же звук. Протяжный и страшный, как будто со всех сторон, и с неба, и из-под земли.

Я остановился. Оглянулся.

Мрецы замерли. Окоченели, как-то головы наклонили. Тоже, что ли, слушают...

Серафима перестала стрелять. Отбежала от провала. Ко мне поближе.

— Опять смерч, что ли... — перезаряжала револьвер. — Вот привязались... Про дожди из мертвецов слышал?

— Нет.

— А они бывают. Шнырь рассказывал. Один смерч разрывает кладбище, труперы вылезают, а другой их подхватывает. А потом они сыплются. Здорово?

— Здорово.

— А правда, что Петр за твой «Эндфилд» предлагал любую пушку, какая у него есть?

— Не «Эндфилд», а «Энфилд», с одним «д»...

— Это ты с одним «д», раз отказался, — перебила Серафима. — Выбрал бы вместо этого старья нормальную пушку, Петька электромагнитный резак сейчас как раз изобретает, можно труперов валить, как серпом по лебеде. И он с двумя «д» — «Эндфилд», по-английски «Конец поля»!

— Какого еще поля?

— Футбольного, что непонятно. Через все поле бьет, отчего и называется. Изучай английский, кошатник.

— Зачем мне английский?

— Как зачем? Есть пилюльки от дурусти, а там инструкции всегда на английском. Вдруг повезет найти?

— Сама ты... С двумя «д»...

Папа уже орал. Звук повторился. Громче, даже глаза заболели.

— Что это?! — Серафима побледнела.

— Конец поля!

Звук. Прямо из-под ног.

— Тряс!! — заорал я. — Лежать!

Быстренько лег на бок, натянул противогаз. Серафима выругалась, упала рядом, тоже противогаз нацепила.

Вой не прекращался. Постепенно к этому вою прибавлялась вибрация, словно в глубине под нами выгибалась гигантская пружина. Заныли зубы и остальные кости, вибрация перешла в толчки, и теперь мы подпрыгивали, стучаясь бронешитками и фильтрами противогазов об асфальт.

Под нами побежали мелкие трещины, вой оборвался, толчки тоже оборвались, и тут же

грохнуло уже совсем оглушительно. Серафима что-то орала, я поглядел направо и обнаружил, что обвалился недостроенный дом, кран остался стоять, наклонившись набок, и тут же ударила пыль, плотная и почему-то горячая.

Стало темно и жарко, не знаю почему, наверное, из щелей в земле бил горячий воздух. Тряска прекратилась, я вскочил на ноги.

Ничего не видно, пыль, серая, почти синяя, густая, вокруг. Кран по правую руку, точно.

Серафима поднялась, стала отряхиваться и ругаться, она только сегодня почистила комбез, а тут эта пакость...

Движение. В пыли. Что-то темное. Серафима выругалась еще страшнее. Я вскинул карабин.

Серафима выхватила пистолеты.

Еще движение. И еще.

Из пыли показался мрец. И Серафима тут же пустилась

стрелять. Плохо! Почти все мимо, мрец заметил нас, захромал быстрее.

Серафима заорала, перешла на автоматический огонь и выпустила очередь. Мрец заплясал под пулями, упал.

— Так вот! — крикнула Серафима.

Еще два. Первого завалила, второй шагнул на меня.

Карабин. С пяти метров. Голову оторвало. Мрец осел. И сразу же движуха. Со всех сторон. Отлично.

— Что это?! — замычала Серафима. — Что?! Почему?!

Она задышала быстро и хрипло. Паника. А может, фильтр давно не меняла. Дура, точно дура. Сейчас-

Слева.

Я заряжал карабин. Винтовку оставил на кране, тащить не хотелось.

Серафима завизжала и стала стрелять. Мимо, мимо, мимо! Патроны кончились, Серафима бросила пистолеты, выхватила другие.

Тряс. Провал завалило. И теперь они здесь.

Серафима стреляла. Плохо, дырявила воздух, косая. Мрецы дергались от пуль и продолжали наступать. Если ускорятся, придется туго, а тут еще эта пыль...

Пистолет замолчал, Серафима лупила из другого, патроны закончились. Мрец кинулся к ней, она завизжала, съежилась и присела, я выстрелил.

Попал.

Серафима задохнулась и содрала противогаз, и тут же втянула жгучую пыль, покраснела, потеряла сознание.

Закинул за спину карабин, забрал у Серафимы пистолеты. Неплохие, с магазинами увеличенной емкости, в каждом по тридцать патронов.

Я отступал к крану. Серафиму тащил за собой, как мешок, за ворот. Стрелял скупой. По коленям. С развороченными коленями они начинают биться, корчиться, мешать друг другу. Пять метров тащу Серафиму, затем стреляю. Не успели еще окружить, повезло. Пять метров, еще пять, еще.

Пыль оседала. Я видел, что их много. Но я уже успел. Забросил эту дуру на противовес, залез сам. Все, здесь не достанут.

Теперь приятное. Отхлестал Серафиму по щекам. Хорошенько, чтобы завтра синяки проявились. Побрызгал водой. Снова отхлестал. Очнулась, промычала что-то протестующее, я добавил. Велел лезть на кран.

Поползла.

Я остался на бетонных плитах. Пострелял еще немного, но бессмысленно, конечно — провал затянуло, и теперь все, что скопилось на той стороне, перебрались сюда.

Ладно.

Дождлся, пока Серафима спрячется в будке, забрался сам. Серафима валялась на диване, пила воду. Морда у нее была красная, но я с удовольствием отметил, что и синеть

уже начинала. Папа сидел спокойно. Не спал, но и не мяргал, в состоянии ожидания.

Снял противогаз. Воздух вонял цементом, известью и какой-то горечью, захотелось пить. Отобрал бутылку у Серафимы, сделал несколько глотков, остальное вылил на голову.

— Сволочь... — просипела Серафима. — Сволочь... Надо тебя к твоей девке посадить... Вместе сгниете, в зверинце. Там вам и место.

Открыл шкаф, достал баллон. Тяжелый. Выставил замедление в минуту, вышвырнул наружу. Баллон звякнул и задрезжал, покотившись по асфальту.

Через минуту зашипело, газ стал растекаться по окрестностям. Хороший газ, тяжелый и текучий. Я ждал. Еще через три минуты проскочила искра, и под нами разлилось широкое огненное озеро.

Мертвецы горели, они же хорошо горят. По пояс в огне бродили живые факелы. Тоже, в общем-то, красиво.

Я столкнул Серафиму на пол, устроился на диване поудобнее и стал стрелять.

Сорок четыре. Скука, скука.

Глава 2. Бросок на Запад

Япет приказал явиться. Но не в кабинет. Обычно он в кабинете беседует, а сейчас к Доктору велел, уровнем ниже. К Доктору так к Доктору, мне сказали — я пошел.

Смердило у Доктора. Как-то... Пельменями. Точно, пельменями.

И на столах четверо лежали, прикрытые пленкой. Дохлые. А Япет у стены сидел, на скамейке. Кивнул, я сел рядом.

Япет он и на самом деле старик, настоящий, я таких и не видел никогда. Морщины, нос длинный, на руках пятна стариновские, пальцы длинные, сухие и волосатые. Раньше все люди такие были. Дряхлели, умирали сами по себе. Вокруг одни старики, я видел фотографии, молодых на них вообще нет почти. Сейчас по-другому, все помолодело. А у Япета даже колени хрустят — он шагает, а колени хрустят, того и гляди рассыпаться начнет, палку использует, чтобы раньше времени не развалиться.

Само собой, на поверхность Япет почти и не кажется. Это понятно, что ему на поверхности делать — он там и получаса не продержится, поверхность для молодых, для нас. Хотя некоторые, ну тот же Петр, рискуют. Но Петр в хорошей форме, мне с ним, наверное, не справиться, ну если без оружия, конечно.

Минут пять молчали. Доктор курил, Япет жевал карандаш, я на столы поглядывал. При чем здесь эти трупы? Или я вчера кого не того поджарил? Серафима уже донесла бы, я ее видел, вся синевой светится...

А может, из-за самой Серафимы. Нажаловалась. Что я ее поколотил. А я ее не просто поколотил, я ей сначала жизнь ее бессмысленную спас, а затем уже поколотил. Она мне должна, если бы не я, ее бы уже где-нибудь в подвале доедали...

Почему все-таки к Доктору? Прививки рано еще делать, а насчет остального можно было легко в кабинете побеседовать.

Значит, все-таки трупы.

А если трупы, то чего молчать? Нет, Япет старик, конечно, мудрый, но все эти его воспитательные паузы...

Я выразительно вздохнул и сразу же еще более выразительно зевнул, ноги вытянул.

Япет достал книжку и прочитал без выражения:

— Есть люди, есть нелюди. Твари,двигающиеся сквозь мир лишь попущением Божьим, шлак, ходячие язвы. Отсеки их, чтобы не повредили они малым сим...

Посмотрел на меня.

— Так?

— Так, — ответил я. — Отсеки. То есть отсечь надобно. С полной безжалостностью, под самый корень. А потом еще порохом. Или каленым железом. Чтобы зараза не распространилась. Вот вы пальцы отмораживали?

Я люблю неожиданные вопросы задавать, это с него мудрость сбивает. Вроде бы мудрый-премудрый получается, а пальцев не отмораживал. А я ему напоминаю — есть, мол, и другая правда, более правдивая.

— Нет... — растерянно сказал Япет.

— Вот видите, — вздохнул я. — А если бы отмораживали, то знали бы. Начинает палец чернеть — тут его и надо отпиливать. А если не отпилить, то и рука начнет загнивать, и человек целиком сгинет из-за какого-то бестолкового пальца. Чем раньше вжик, тем здоровей мужик.

Япет закашлялся, бедняга, это все от курения, пагубное пристрастие.

— А вы что, думаете, что не надо отсекасть? Пускай загнивает?

— Да нет, надо, наверное... Просто...

Я сделал оловянные глаза, паялся совершенно бессмысленно. Япет стал читать дальше:

— Есть люди, а есть нехорошие люди, помеченные тьмой, соблазняющие малых сих... Да... Имя им легион, грешники, падшие черные овцы. Узнать черную овцу легко, узнай ее по делам ее. И да будет тверда твоя рука, вырежь ее из стада, ибо если будешь мягок ипустишь в сердце свое ложное добро, скоро и остальные овцы покроются паршой, и вынужден ты будешь забить их всех...

Япет посмотрел на меня.

— Правильно?

— Правильно, — ответил я.

Япет вздохнул. Постучал пальцем по обложке.

— А что, вам что-то не нравится?

Старик пошевелил бровями, седыми и кустистыми. Ну и пусть себе шевелит. Я на эту книжку, между прочим, почти неделю потратил. Сидел за машинкой, набивал, набивал, все пальцы чуть себе не протер. А еще месяц до этого сочинял. То есть вспоминал, что мне Гомер рассказывал. Чтобы даром не пропало, чтобы опыт передать. Раньше древние всегда вот так и делали — чуть какой опыт накопится — они сразу книжку сочиняют. Чтобы потомкам перешло. Вот и я. Вспомнил, записал. Опыт. Наследие, вроде.

— «Наставления в Правде», — прочитал Япет. — Однако...

— А что? Наставлять надо только в правде, во лжи не наставление получается, а растление душ сплошное.

— Но у тебя тут... — Япет обмахнулся книжкой. — Выжечь, вырезать... Да не дрогнет рука, да не иссякнет усердие...

— Ну да, — опять согласился я. — Да не иссякнет, это само собой. У меня усердия на восьмерых хватит.

Это, наверное, Серафима. Она передала, вряд ли Шнырь стал бы. Серафима, она меня не любит.

— А Облачный Полк? — спросил Япет.

— А что Облачный Полк?

— Ты пишешь: «Затрубят златокованные трубы, и подастся твердь, и сойдет вниз, сияя алмазной броней, Облачный Полк, и побежит погань...» Ну и так далее.

— Все так и будет, — кивнул я.

— А тебе не кажется... — Япет почесал бороду. — Не кажется ли тебе, что ты внушаешь вот этим... Необоснованные надежды?

— Лучше необоснованные надежды, чем обоснованная безнадежность, — твердо сказал я.

И красиво, Гомер учил выражаться красиво, мужественный юмор помогает в бою, так он всегда и говорил.

Япет запутался в бороде пальцем, уставился на меня, как волк на волкера. Приятно. Они все тут думают, что если я из Рыбинска, то и дикий совсем. А я не дикий, я способный. Я времени зря не терял, развивался. И книжки разные читал, и с людьми разговаривал, тут

есть с кем поразговаривать, взять безногого — говорун лучше не придумаешь, как говорит — заслушаешься, мозг затрясется. Правильно, с оборотами разными, как раньше люди говорили, вот если бы ему пальцы вовремя отрезали, сейчас бы бегал как новенький.

— И ты в это веришь? — спросил Япет.

— Да.

— Что воды разойдутся по мановению руки? А облака изменят свой бег?

Доктор кашлянул.

— Чего? — не понял я.

— Вера — это прекрасно, — сказал Япет. — Она всем миром двигает...

— Точно.

— Понятно, — Япет оставил бороду в покое и книжку мою в покое оставил. — Понятно все. А как вообще?

— И вообще нормально, — ответил я. — Вчера зачистили третий выход, вынесли двух шейкеров. Еще какая-то дрянь объявилась, не успели, сбежала. Проверили секретки, ловушки насторожили, все как полагается. Патронов много ваши расходуют, стреляют почему зря, а это нехорошая привычка, сами знаете. Вы им скажите, а то они меня не слушают.

— Кто у тебя?

— Серафима и Шнырь. Проныра то есть. Вы же знаете...

— Знаю? Наверное... Как они? Вообще?

Про Серафиму и Шныря он каждый раз спрашивает, а я ему каждый раз отвечаю. Почти всегда одно и то же.

— Так они. Совсем бестолковые, а бить их нельзя...

— Да, — кивнул Япет, — бить нельзя...

Бить их нельзя, это их может обидеть. А то, что они суются куда не следует, то, что голову в любой момент им снести могут, это их не обижает.

— Бить человека нельзя, ему и без битья плохо живется, — сказал Япет поучительно. — Но я с ними поговорю. Чтобы дисциплина была, ну, и... И дисциплина. Как с четвертой базой?

— Работаем. Сделали четыре ходки. Продовольствие, вода, патроны, лекарства, все как надо. Готовимся помаленьку. Сами знаете, времени мало, работы много. А тут еще эти смерчи. Кладбища расковыряли, мрецы лезут, как тараканы по осени, я вот целую неделю на кране просидел. А Серафима...

— Что Серафима?

Хотел я на вчерашнюю ее глупость пожаловаться... Но не стал. Получается, что я на девчонку жалуюсь, тьфу.

— Серафиме надо больше в стрельбе упражняться, — сказал я. — Она сплетница и склочница, а стрельба от этого помогает.

— Ладно, я ее направлю.

— Направьте, направьте.

Мы готовимся к Броску На Запад. К БНЗ. Это самое важное. От этого зависит будущее, Япет прямо так и говорит. Там, на Западе, все. Техника, лекарства, оружие, склады. Здесь запасы уже истощаются, все, что нашли, уже подобрали, разграбили, сожгли, а там...

Там всего много.

А еще там ответы на вопросы. Которые гораздо важнее оружия и антибиотиков. Вот и готовимся. Пробраться туда. Нет, некоторые одиночки там уже побывали, но толком рассказать ничего не смогли. То ли недалеко заходили, то ли мало видели. Надо хорошо проникнуть, плотно, массированно, взять Запад за жабры... Бросок, короче.

Хотя с кем бросаться, я, честно говоря, не вижу — народа на Варшавской много, но все это не тот народ. По большей части. Есть человек пять, если Петра считать, крепкие мужики. И стреляют неплохо. Но уже не очень быстрые. Здесь, на Востоке, это решающей роли не играет, на Западе такое не пройдет. Между жизнью и смертью всегда полсекунды.

А остальные... Небоепригодные особо. Расслабленные. Что Серафима, что Шнырь, что

остальные. За МКАДом дня бы не продержались. Отдыхать любят, ноют все время, без завтрака на поверхность не выбирают. У них пинг-понг даже есть. Внизу, в кают-компании. Стол, ракетки, шарики. Я как первый раз увидел, думал, болезнь какая. Дрыгаются, пыхтят. Потом я уже понял, что так оно и должно все быть. С пинг-понгом. Человек прошел через дебри для того, чтобы играть в пинг-понг, греметь на гитарах и рисовать картины. И в пинг-понг я выучился, причем довольно неплохо, картины теперь рисовать начну, точно. Но все равно, при подобном воспитании и общей расхлябанности думать о походе на Запад рано. Далеко не уйдем. Но все равно готовимся, базы создаем, пути разведываем. Одно непонятно — что искать там, на Западе? Мне кажется, что Япет сам толком не знает.

— Времени мало... — Япет грыз карандаш. — Мы даже не знаем, сколько. И есть ли оно вообще...

— Есть, — уверенно сказал я. — Нас без времени бы не оставили. Часы-то тикают, значит, время есть.

— Ну да, — улыбнулся Япет. — Петухи кукарекают, солнце восходит... Это серьезно. Гораздо более, чем тебе кажется. Ты же знаешь, мы туда последние два года пытаемся пробраться. А четвертая база совсем рядом с Фианом...

— Да не переживайте вы, — довольно нагло перебил я — это оттого, что тоже распустился. — Все пройдет нормально. Там на самом деле рядом, в бинокль видать. Спокойно сходим в этот ваш Фиан, посмотрим, что там, как там. Это ведь и не Запад почти.

Япет вздохнул. Головой покачал.

— И ты туда же. А ты знаешь, что мы туда двоих посылали? И оба не вернулись?

Япет попытался придать голосу тверди, не получилось, не Гомер. Конечно, не Гомер.

— Так это когда было-то? — сказал я. — Сколько времени прошло? Три года? Четыре? Вы не переживайте, я там пройду. Я куда хочешь пройду, никто меня не остановит. Только этих ко мне не цепляйте, а? Пройду. Только без Серафимки и без Шныря. Потому что они... Они бестолковые! И только мешаются. Вы меня от них на месяц освободите — и я вам и в Фиан, и куда хотите...

Доктор закашлялся. Они начали переглядываться, и я вдруг окончательно понял, что они меня сюда не просто так пригласили. Дело есть у них.

И Япет сказал:

— Мы как раз по этому поводу.

— В Фиан? Могу хоть завтра.

Действительно, могу, надоело сидеть тут без толку, в стрельбе практиковаться, жир накапливать, в стрельбе я и без этого мастер, а от жиру мысли ненужные заводятся, ну их.

— Как раз по этому поводу, — повторил Япет. — Доктор, покажите.

Доктор поменял папироску, направился к столам.

— Осябя. Хват. Перебор.

Доктор закурил, втянул дым, жадно держал в себе, не выпускал. От нервов курит. Хотя они все тут курят, лохматая Серафима и то. Поганая привычка, несомненно.

— Осябя.

Доктор сдернул черную пленку.

Осяблю я не очень хорошо знал. Здоровый мужик, нечего сказать. Весь стол занимает, руки свисают. Глаза выкипели.

— Хват.

Та же картина. Кожа красная, в желтых гнойных волдырях. Но странные волдыри какие-то.

— Перебор, старший группы.

Перебор, он на аккордеоне играл. Теперь не поиграет.

Четвертый. На крайнем столе. Про четвертого Доктор ничего не сказал. Безымянный герой, что ли?

Япет уселся на раскладной железный стульчик, расположил перед собой такой же

раскладной железный столик, разгладил карту.

— Вот тут их нашли, — ткнул карандашиком. — Одежда цела, оружие, а сами... Изнутри будто сварены.

— А четвертый? — спросил я.

Доктор поглядел на Япета, тот кивнул. Доктор сдернул пленку.

Четвертый был голым. Совсем.

— Перед группой Перебора стояло задание проникнуть... — Япет замолчал. — Вот сюда.

Он отметил на карте. Запад. Ближний Запад, но все равно...

— А почему...

— Не перебивай, — сказал у меня из-за спины Доктор.

— Хорошо.

— Ты, наверное, заметил, что этим летом жарко, — Япет вытер лоб, точно и здесь жарко было, а тут не жарко, скорее прохладно. — Аномальная жара. И аномальное количество смерчей.

— Заметил.

— Возможно... — Япет пожевал карандаш. — Мы предполагаем, что это... Не совсем природные явления.

Интересно, подумал я, а он хоть раз настоящий смерч видел? Вблизи? Когда по воздуху летают тяжеленные старинные грузовики, а дома складываются, как картонные коробки? Вряд ли. Не совсем природные... Это что, смерчем управляет кто-то? Вряд ли смерчем реально управлять.

Подумал я, но промолчал.

— По нашим данным, вот здесь, — Япет ткнул карандашом в Запад. — Вот здесь, да... Раньше располагался центр управления погодой. В этом районе. И не исключено, что кто-то взял его под контроль. Перезапустил. Мы предполагаем, что там, в районе зоопарка, расположилась колония выживших. Причем большая и технически продвинутая. Отряд Перебора должен был установить контакт.

Я взглянул на Перебора и на его группу. Контакт явно не пошел им впрок.

— Команда должна была вернуться четыре дня назад. Но не вернулась. По маршруту отправили поисковый отряд...

Поисковый отряд. Чтоб у нас за кем-то поисковый отряд отправили — небывалое дело, наверное, на самом деле что-то важное.

— Два дня назад поисковый отряд наткнулся на группу Перебора. И на четвертого.

Четвертый.

— Поближе подойди, — сказал Доктор.

— Зачем? Что я, мертвяков не видал, что ли...

Япет вздохнул разочарованно, я подошел. Здоровый. Здоровый вареный мужик...

Не вареный. Глаза не выкипели, кожа цела, дырка на груди. Прямо в сердце. Значит, убили. Белобрысый какой...

— И что? — не понял я.

— Они рядом лежали. Друг от друга. Метрах в десяти. Эти...

Доктор указал на наших.

— Эти сварились, а этот нет. Не кажется странным?

— Ну... Может, он... Огнеупорный.

— Обычный. А пуля...

Доктор закрыл тело.

— Пуля выпущена Перебором. Мы предполагаем, что чужой каким-то образом убил наших, но Перебор успел застрелить его самого.

Отлично. Все друг друга убили. Лучше не бывает.

— И как же он... — я кивнул на чужака. — Каким оружием?

Япет сунул руку в карман, достал коробочку. Черную, с синим экраном.

— Это ей, что ли?—

— Это навигатор, — сказал Япет.

— Что? — не понял я.

— Навигатор. Мы предполагаем, с помощью него управляют спутником. Правда, похоже, он не рабочий, пуля задела. Но, наверное, нетрудно его починить.

Ну да, спутники. Навигаторы. В небе болтаются спутники, на них мертвецы, очень весело, плюют нам на голову.

— Зачем нам управлять спутником? — спросил я.

Я вообще очень плохо знал, что из себя спутник представляет, что он там в небе делает. Да и не верил я в эти спутники, если честно.

— Видишь ли... — Япет почесал бороду. — Это...

Он кивнул на тела.

— Это, скажем, не первый случай.

— То есть? — опять не понял я.

— То есть шестой, — ответил за него Доктор. — За последние полгода. Шестеро сварились. На ровном месте. С этими уже девять.

— Ага, — я почесал голову. — Наши сварились, а этот не сварился, и теперь вы думаете, что он управляет спутником?

Доктор и Япет промолчали. Считают.

— А спутник-то при чем? Он, что ли, сжег?

Япет сделал задумчивое лицо.

— Понимаешь, Дэв... — опять стал бороду трепать. — Мы считаем, что спутник — это как раз часть погодной установки. Те, кто нашел, как им управлять, используют его как оружие...

— А я при чем?

Япет сунул руку уже в другой карман. Сейчас он покажет мне, при чем я. Листок бумаги. Карта.

Самодельная.

— Если это оружие и если чужой мог им управлять, то... То сам понимаешь.

Понимаю. Таким спутником что хочешь выжжешь. Кладбище, например. Спалить — и уже никто не поднимется. Да все, что угодно! Можно здорово территорию зачистить...

— Этот человек отмечал свой путь, — сказал Япет. — Откуда он вышел и куда направлялся.

— И откуда он вышел?

И снова Япет ткнул в карту. В ту же самую точку. В зоопарк.

— Совпадение более чем странное. Угрожающее. В случае, если эта община настроена к нам враждебно, придется принимать особые меры... Нам нужна информация. Что и как. К сожалению, у Перебора ничего не получилось...

— А почему я?

— Метко стреляешь и быстро бегаешь, — довольно грубо ответил Доктор.

— Сложная ситуация, — вздохнул Япет. — Смерчи вскрыли кладбища, приходится много времени проводить на поверхности, все люди заняты. А если этот спутник зависнет над нами...

Придется переселяться под землю. Окончательно. Окры сиваться.

— Это опасно, — сказал Доктор. — Ты можешь отказаться.

Это он специально. Чтобы я не отказался. Даже обидно.

Я бы и так согласился, на крапе сидеть надоело просто до невозможности.

— Задание чрезвычайно сложное, — Япет взял меня за руку. — Но не невыполнимое — на Запад люди проникали неоднократно. А этот чужой человек... Он смог пробиться к нам. Твоя задача — добраться до места. Только добраться. Провешать путь, составить свою карту, отметить ночлеги, отметить опасности. Посмотреть. Ничего и никого искать не надо, просто посмотреть. И сразу обратно. Ясно?

Ясней не бывает.

— Больше ничего не предпринимать, — это сказал уже Доктор.

— Добраться до зоопарка — и все?

Доктор и Япет кивнули.

— И все? — спросил я с разочарованием.

Доктор затушил папиросу о ладонь.

— Это не так просто...

— Ерунда, — отмахнулся я. — Если прошел этот белобрысый, пройду и я. Туда-обратно. Все просто.

— Хорошо, — Япет улыбнулся. — Если вдруг по пути...

— Конечно, — я улыбнулся в ответ. — Если опасность будет непреодолимой, я поверну. Обещаю.

Я поднялся.

Япет поглядел на меня с вопросом. Ну да, понятно.

— Гораздо лучше, — сказал я. — Доктор считает, что динамика налицо.

— Прямо так он и считает? — с недоверием поинтересовался Япет.

Доктор промурлыкал неразборчивое.

— Да, точно, — сказал я. — Она крысу приручила.

— Крысу приручила?

Я кивнул. Алиса действительно приручила крысу. Не знаю, каким боком там крыса оказалась, но Алиса ее приручила. Теперь откармливает. Надеюсь, что просто, без целей. Здоровая уже крыса, наглая. Вчера заходил, а она на меня так смотрит... Недружелюбно.

— Ладно...

— Она безвредная совсем, — сказал я. — Алиса то есть. Клетка крепкая, я сам каждый день проверяю. Можно, если хотите, двойную сделать.

Япет молчал. Доктор курил.

— Безвредная... — повторил я.

— Ничего себе безвредная, — Доктор выпустил под потолок дымное кольцо. — Скольких она там? Или уже забыл?

Я не забыл. Темные коридоры убежища на Варшавской, люди мертвые. Много мертвых. Темнота, звуков никаких. Но она ведь...

Я хотел сказать, что Алиса не виновата. Настоящая Алиса, она веселая. Хорошая добрая девушка, сколько раз мне жизнь спасала. А потом это чудовище... Ведь с каждым могло случиться. Она на самом деле не виновата. Она мне уже почти...

— Она изменилась, — сказал я. — Ее можно вылечить, Доктор сказал, что никаких видимых изменений...

— Это потому, что определить не получается, — заметил Доктор. — Но она не изменилась. Ты видел прутья клетки?

Она их вырвала почти с мясом. Это существо... Она уже не Алиса. И уже не человек, Япет прав. И она опасна, ты не можешь этого отрицать.

Но я отрицал.

— Она даже полезная, — продолжал я. — В том месяце один в рогатку влетел, лепешка осталась. А сейчас уже ходит, как новенький почти. Это же неправильно вот так ее...

— Да не собираемся мы ее ликвидировать... — сказал Япет устало. — Можешь не переживать. Только без толку все это.

— Ничего не без толку.

— Ну, — Доктор выпустил дым. — Конечно, на нашем техническом уровне сложно делать прогнозы. Вот если бы хороший микроскоп, должное оборудование...

— Она не человек, — напомнил Япет.

Доктор пожал плечами.

— Это еще не доказано.

— Не доказано... — усмехнулся Япет. — Ладно, иди. Нет, постой. Тут некоторые

говорят...

Япет замялся.

Все же он очень стеснительный старик. Другой бы уже несколько раз на меня наорал или за уши оттащил бы за непочтительность, а этот ничего. Улыбается, сомневается. Нет, он наверняка не зря в руководителях, руководитель должен сомневаться, но строгости ему чуток не хватает. Без строгости вожаку нельзя.

— Вот я слышал, что ты... Как бы это сказать... Предлагал Серафиме какие-то зажимы...

— Вериги, — подсказал я.

— Да, вериги. Ты считаешь, что это благо? Ну, все вот эти ущемления? Цепи, колючая проволока...

— Да никакой проволоки! Это только совсем праведные могут проволокой обматываться! А для начинающих как раз вериги, я могу показать...

— Не надо! — Япет вздрогнул. — Я в общих чертах представляю...

— Это очень полезно. Укрепляет здоровье, причем очень сильно, если хотите, я вам тоже сделаю...

— Готовься к выходу, — оборвал меня Япет. — Завтра. Выйдете прямо с утра...

— Выйдете? А кто еще? Только не Серафима! Она вообще...

— С тобой пойдет Курок.

Удачный день.

Глава 3. Поход

Запад чувствуется. Чем ближе к Центру, тем сильнее. Сизота там будто сгущается. И вообще...

Мне даже смотреть туда не хочется. А Курку, наоборот, интересно. Едва на рельсы выбрались, сразу стал туда пялиться. Хотя чего там особо выглядывать, дым и есть дым. Вообще этот отрывок пути, от выхода до моста, стоило пройти побыстрее, здесь ближе всего к Западу, всего несколько сотен метров, нечего раньше времени соваться.

Но Курок не торопился.

Лениво так шагал, жевал гудрон. Тут многие жуют. Дрянь, даже если правильно сварить, зубы застревают. И чернеют, у Курка черные.

Вот уже почти три километра я думаю, зачем его ко мне прицепили. Этого увальня. Я с ним почти не знаком, пару раз в коридорах пересекались. Ничего про него не знаю, вообще, кажется, он технарь. Народа у нас мало, а все равно разобщение. Как раньше.

Хотя нет, уже знаю много. Все время жует, курит и рыгает. Омрачает путешествие. Только я начинаю о чем-нибудь возвышенном думать, как он сразу за свое. То икает, то рыгает, то черной гудронной жижей плюется.

Снаряжен кое-как. Шлем к поясу пристегнут, на голове берет, под беретом волосы. Длинные, чуть ли не до плеч, грязные, кое-где свалывшиеся в косички, смотреть противно, из-под берета все время вываливаются, как толстые черные пиявки.

Болтает еще, не замолкает.

— Груздя помнишь? Он рассказывал, что видел, вообще убьешься. Действительно, редкое зрелище, слышь?

— Слышу.

— Он видел их. Здесь.

Курок подпрыгнул на рельсе.

— Здесь.

— Кого?

Хотя я знал кого, Курок мне уже сообщил, еще с утра. Про сумеречных тварей. Сумеречников. Сумраков. Тех, про кого слышали все, но никто не видел. А те, кто видел, уже рассказать не могли. Легенды подземелий. Почему все придурки с черными зубами так

обождают легенды подземелий?

— Он шагнул к Варшавской оттуда...

Курок указал в сторону моста.

— И почти в этом месте был, как вдруг смерч. Просто ниоткуда возник, вот как позавчера, только с гвоздями...

Смерч с гвоздями, или с железками какими — легко опознать по молниям. Лучше от молнистого подальше, конечно, держаться, даже не подальше, а поглубже, чуть зацепит — в фарш перемелет.

— Груздь сразу дренажку заметил, туда забился. А смерч что-то застоялся, над поездом работал, пыль потом потекла, Груздь противогаз надел и уснул от этого. Проснулся, уже когда солнце заходило. И сразу увидел — как они появляются. Сумраки. Они прямо из стен появились, вдруг. Приволокли одного дядьку...

— Курок, — перебил я. — Я всю эту дрянь не намерен слушать...

— Знаешь, Дэв, мне пофиг. Намерен ты, не намерен. Не намерен — прыгни в люк. Можешь не слушать, твои проблемы. Меня мама в детстве в скороварке хранила, чтобы не сожрали раньше времени. И один раз с другой кастрюлей перепутала. Я вообще дурак, сам понимаешь, мне ерунду молоть можно. Вон там...

Курок указал в сторону запада.

— Там их территория. Эти сумраки — они только внутренними органами питаются. Сердце, печень, легкие... И за этим сюда ходят, у себя они всех людей уже сожрали...

Курок вдруг замолчал. Пожал плечами, посмотрел направо, выплюнул гудрон, достал папиросу.

— Раскаркался что-то... Знаешь, отчего эта гарь?

Курок понюхал воздух.

— Это земля горит. Вокруг все горит, и скоро до нас доберется. Тогда-то конец света и наступит. Однозначно.

— Это просто лес горит, — сказал я. — Жарко, вот и горит. Такое часто случается.

— Весь мир выгорит, — не услышал меня Курок. — Когда очень горячо, даже воздух начинает гореть. Воздух кончится, и мы все задохнемся.

Последнее Курок произнес с каким-то удовольствием.

— Сейчас обкусанный поезд начнется, — сообщил он. — Вона. Три недели назад еще необкусанный был, а на прошлой неделе уже обкусанный.

Поезд действительно показался, и последний вагон срезан, точно его скусил кто-то большой, зубастый. Курок наклонился и поднял горсть блестящих гвоздей. Откуда гвозди? Ну, когда головастики из туч, или кровавый дождь, или снег летом, я понимаю, как это происходит. А гвозди...

Мертвецы еще падают, а люди варятся вкрутую.

— Я же говорил! Это тут и произошло. Вот прямо на этом месте... а, плевать, прыгни в люк...

Двинулись вдоль состава. Не только последний вагон был скушен, но и остальные раздерганы, хорошенько над ними поработал кто-то.

Курок продолжал про сумраков.

— Сумрак он тоже когда-то человеком бегал, только с некоторыми отличиями. Некоторое генетическое отклонение, пальцы на руке всегда срастались, и кости гнили, и кожа гнила. Раньше это лечили, а потом перестали, неразбериха началась. А кости у них все болели и болели...

Добрались до моста. Две железные дороги пересекались, наша уходила к центру, другая текла на запад и северо-восток.

— Вот здесь их больше всего и встречается, — Курок ткнул пальцем. — Именно вот под этим мостом. Они мясо любят... Знаешь Шныря? Он сома поймал. Подземного, само собой. Достал из этого сома пузырь, надул его горячим дымом, а снизу крысу привязал, не придурок ли?

Голова заболела. Сильно. Думал избавиться от скуки и Серафимы. От Серафимы избавился, теперь Курок есть. Еще лучше, еще веселее.

Сползли по насыпи. Под мостом стояла древняя ручная дрезина, с колесами, с рычагами, свеженькая.

— Ух ты! — Курок ткнул пальцем. — А я думал, сказки! А она существует...

Он тут же поспешил к тележке, забрался на нее и начал дергать за ручку. Дрезина принялась издавать восклицательные звуки, чрезвычайно пронзительные и живые, мне страшно даже как-то стало.

— Это она, адская телега! — орал Курок. — На ней черти грешников прямо в ад забирают!

Идиот какой-то.

Сколько мечтал о настоящем деле и вот домечтался. Иду в зоопарк с придурком. Отлично. С другой стороны...

С другой стороны, задание важное. Если действительно есть боевой спутник, которым можно управлять...

Только зачем ко мне этого идиота прицепили?! Уже надоел! Я его...

Я выдохнул и стал читать тропарь смирения.

После чего решил больше не думать. Зачем? Жизнь расставит все на свои места, она всегда всех по нужным полочкам сортирует.

— Слушай, Дэв, когда вернемся, ты поговори с Япетом, ладно?

— О чем?

— Ну это... Чтобы пак нам усилили. Мы же жизнью идем рисковать, нам положено.

— Поговорю...

— Нормально. Старик тебя, кажется, уважает.

— А ты чего вызвался? — спросил я.

— Я? А фиг знает... Чего-то решил, прогуляться, что ли...

Не понимаю. Что-то я ничего не понимаю. Ладно, поживем.

Курок дернул за ручку дрезины еще несколько раз, дрезина не ответила никакой взаимностью, Курок спрыгнул, вернулся ко мне.

— Смотри, — Курок протянул руку.

Очки.

— На дрезине лежали.

Курок натянул очки на нос и сразу стал выглядеть умнее. В очках, в берете.

— Глаза болят, — Курок снял очки. — А в общем, ничего... Это та самая, наверное.

— Какая та самая?

— Дрезина Смерти, ты что, не слышал? Она увозит людей на Запад, а потом возвращается вся в крови! Но это все вранье...

Курок был явно разочарован.

— Никуда она не поехала, — сказал он. — Ни крови, ничего, только очки эти.

Дрезина скрипнула, Курок вздрогнул.

— Кто-то на ней ездит, — сказал я. — Возможно, бомбе-ры... Или другие, те, кто выжил...

— А, плевать. Пошли дальше, жрать охота, тут попрыгун скоро, до него лучше не жрать.

Впрочем, по этой дороге нормально продвигаться уже не получилось — метров через триста начинались поезда. Они стояли друг за другом, сливаясь в бесконечный состав. Черные, выгоревшие на солнце. Я видел старые фотографии, с этими самыми поездами. Как они тут раньше стояли, после того как попрыгун возник. Новенькие зеленые вагончики, только-только покрашенные, блестят. И мертвецы. Целые вагоны мертвецов. Стоят. Плотно стоят, друг за дружку цепляются, упасть не могут. Не верится просто. Япет объяснил. Людей раньше было много, больше, чем нужно, и все они в городе не помещались, как ни старались. И каждый день из загорода ездили внутрь кольца. Кто на обычных поездах, кто на

подземных, кто на машинах, а некоторые и на кораблях приплывали. И везде впритык все стояли, чтобы больше влезало. Вот здесь тоже. Поезда. Ехали, а как в попрыгун попадали, сразу все и умирали.

Так потом и стояли, мертвые. Постепенно, конечно, гнили, падали, потом время прошло — лета-зимы, солнце-мороз, и костей не осталось. Страшное место. А попрыгун здесь до сих пор остался, даже разрастается, тоже постепенно, метра на два в год.

— Стоим, — сказал я.

Остановились.

Попрыгун начинался сразу за двойным скрещенным столбом. Чтобы кто-нибудь посторонний, забывчивый или просто дурак не сунулся, столбы были обвешаны знаками, в той или иной степени изображавшими смерть и прочие запреты. В основном черепа, пробитые молниями, черепа с перекрещенными костями, надписи «stop», знаки, изображающие две ступни, перечеркнутые красной линией, и большой белый квадрат с устрашающим черным зайцем — чтобы все видели, что попрыгун.

Сам попрыгун никак не выдавал присутствия, такая же сухая трава, рухлядь разная. Вдоль путей тропинка. Все, ничего необычного. Папа только очнулся, замурчал, завозился, шерстью зашевелил. Ну, и труп еще. Метрах в сорока. Воняет, слышно даже.

— Трупяк, — указал Курок. — Влетел кто-то. Не наш.

Ясно, что не наш. У нас совсем уж безграничных дураков

нет — в попрыгун сунуться. Может, северный какой...

— Северные тоже не дураки, — услышал мои мысли Курок. — Посторонний дурачок, прыгнул в люк, барашек.

— Он что, знаков не видел? — спросил я. — С той стороны тоже есть.

— Может, ослеп, — предположил Курок. — От дурости.

— Запросто мог ослепнуть. На солнце вспышка раз — он и ослеп. И в попрыгун. Вот и поджарился.

— А какая разница, труп как труп, — Курок пожал плечами. — Ясно, что не наш. Да мало ли тут у нас народу болтается, не считаешь. И что?

— Надо, наверное, достать, — сказал я. — А вдруг что полезное на нем?

— Точняк, — обрадовался Курок. — В прошлом месяце Черепаха в трубе трупак выловил, а у него шагомер! Чтобы шаги мерить. Вдруг у этого тоже шагомер?

Курок достал кошку. Кошка у него отменная оказалась, мне бы такую. Титановая, механическая и еще с таймером. От двух до шестидесяти секунд, очень удобно. Устанавливаешь, кидаешь, а она раскрывается уже в нужном месте.

Курок принялся раскручивать кошку над головой, кошка засвистела, и Курок метнул ее в труп. Кошка в труп не полетела, а полетела в столб, попала в знак с ухмыляющимся скелетом и с грохотом его обвалила, застряла за трупом. Курок дернул, тросик натянулся и зазвенел, Курок пустился дергать, извлекая глухие вибрирующие звуки, совсем как в старинной музыке, а я еще подумал, что слишком много что-то сегодня звуков, все звучит — то дрелина, то этот шнур.

Но кошка села плотно, сколько Курок ни дергал, ничего у него не получилось. Отобрал у него трос, сам стал тянуть. Сначала плохо шло, потом, наоборот, заскользил просто. Вытянул труп за столб. Курок снял автомат.

— После попрыгуна никто не выживает, — усмехнулся я.

— А этот может, выжил. Воняет, как Паша...

Кто такой Паша, я не стал спрашивать.

— Не выжил.

Это сразу видно. Распухшее туловище, поломанные ноги, ботинки... Странные, я таких не видел — будто с когтями железными.

— Надо перевернуть. Карманы спереди, ща блевану...

Курок выразительно плюнул.

Я огляделся, отыскал палку, уперся в трупий бок, навалился. Перевернул.

Курок облизнулся.

— Это же... — Курок ухмыльнулся. — Это... шахтер... Самый настоящий! На когти его погляди! Не, я прыгну в люк, дайте люк...

Когти.

Руки. Пальцы срослись, и ладони заканчивались длинными черными когтями, каждая рука — коготь. Лицо тоже, рыло, забранное резиновой маской с выпуклыми фиолетовыми очками, глаз не видно. Да и не хотел я видеть эти глаза, и это лицо, с меня и рук вполне хватило.

Интересно, как они под землей ориентируются?

Папа фыркнул, шахтер ему не понравился.

Каска. Оранжевая, стертая, исцарапанная. На месте этого подземельника я бы все ценное в каске хранил — самое надежное место. Сбил каску. Наружу вывалилась круглая штука, похожая на часы, только без стрелок, и без стекла, и чуть выпуклая.

— Ладно, не все горилле колокольчик..

Курок опустил на колени, принялся шарить по карманам, мурлыкать. В карманах шахтера ничего не находилось, Курок мурлыкал все рассерженнее, потом радостно вскрикнул, извлек коробочку. Красную и плоскую.

Открыл.

Внутри лежали длинные капсулы, прежде чем я успел что-то сказать, Курок уже закинул в рот две штуки. И проглотил.

— Ты чего?!

— А, — отмахнулся Курок, — вряд ли отрав.

Он закрыл глаза, прислушался ко внутренним ощущениям.

— Ничего, — сказал Курок. — Наверное, от глистов. Хочешь?

Он протянул мне пилюли.

— Нет, в другой раз.

— Как знаешь, — Курок спрятал коробку в карман.

И продолжил ковыряться в шахтерских карманах. Следующей вещью был еще один блестящий кругляк, Курок потянулся к нему, пришлось его по рукам — а вдруг это шахтерская граната? Или еще чего хуже.

— Чего...

Я пнул кругляк. Ничего. Не зажужжало. Раньше встречались поганые и гадские штуки, уж не знаю, кто их делал, ножики, допустим. Берешь такой ножик, он красивый, золотистый, достаешь лезвие — и тут раз — бритвы в разные стороны — и пальцев нет уже. Или шар. Блестящий, полированный, смотреться можно, легкий. Тронешь шар — а в стороны иглы отравленные. Кто такой пакости наделал?

Я снял с пояса секиру, подцепил кругляк, отшвырнул в кусты.

— Ну его, — сказал я. — Кто знает... Оно уже давно не в человеческом...

— Интересно, они все такие?

Курок продолжал ощупывать шахтера.

— Надо на обратном пути забрать его, если не сожрут... сожрут. Ладно, мне плевать.

Курок достал карту, отметил место расположения полезного трупа буквой «Ш». Он штурман. У него карта. Нет, у меня тоже есть, но Курок отвечает за выбор курса, мне лень голову загружать. К тому же я не местный.

— Они докопались до преисподней и выпустили дракона, — сказал я. — За это были прокляты и утратили облик Его.

— Да он мутант просто, — зевнул Курок. — Эксперименты тут проводили... Говорят, их специально делали, чтобы Нижнее Метро копать. Вон когти какие...

— Надо пристрелить, — сказал я.

— Зачем? — не понял Курок — Он же дохлый, как бревно в июне...

— Из прыгуна его вытащили, полежит месяцок — оживет. Одним трупером больше. Мрец-шахтер — куда годится?

Я отобрал у Курка автомат, перевел на разрывные. В шею. Голова шахтера отделилась от туловища, я запнул ее обратно, в попрыгун. Теперь не будет безобразничать.

— Ладно, попрыгали.

— Можно я первым? — спросил Курок. — А то пятки остолбенели.

— Нет.

— Да ладно, Дэв, это же всего лишь попрыгун. Я тут тысячу раз уже проходил. Ничего опасного. Я на одной ноге могу сколько хочешь скакать, хоть до Рыбинска твоего. А? Первым?

Действительно ведь ничего опасного. Семьсот метров, на одной ноге, любой может. Да и ногу можно поменять. А если Курку постоянно все запрещать, он рано или поздно во что-нибудь вляпается. Непременно. Он явно влипучий тип. Пусть идет первым, привыкает к ответственности, а то на всю жизнь дурачком и останется.

— Ладно, — сказал я. — Ты первый. Попрыгали на месте.

Мы попрыгали. Прыгать — это вроде как на счастье. Попрыгать перед прыгуном — обычай. На самом деле, смысл этого обычая чрезвычайно прозрачен — проверить колени и голеностопы. Нет ли скрытых растяжений, надрывов и прочих повреждений, способных в самый ответственный момент подвести.

— Как? — спросил я.

— Порядок. А почему тут бегать нельзя? Когда бежишь, все равно одна нога только на земле.

— Легко движения не рассчитать, — ответил я. — А когда на одной ноге прыгаешь, организму сразу ясно, что на одной ноге будешь скакать — равновесие, главное, удерживать. Давай, вперед, с песнями и плясками.

Курок попрыгал.

Можно прыгать и на двух, но тогда надо прижимать их друг к другу, а это неудобно, лучше попеременно, раз-два-раз. Не торопиться, но и не тянуть. А самое главное — не думать о ногах. Как начнешь думать, какой ногой наступать, сразу и запутаешься.

Больше прыгай, меньше думай. По очереди только, чтобы не запутаться, друг на друга не наткнуться.

Курок прыгал.

Зря мы этого шахтера выволокли, подумал я. Шахтер — он вообще не к добру, подземное существо. Мерзость. Мерзость никогда к добру не бывает, мерзость она к мерзости и тянется...

Курок остановился. Прыгал, прыгал — и вдруг остановился, застыл на одной ноге.

Ступор. Сам я не встречался, но люди рассказывали. Что в прыгуне такое случается. Скачет себе человек, скачет, почти уже доскакал, но тут бац — останавливается. Сначала как бы отдохнуть. Стоит, отдыхает, а потом раз — и чувствует, что не получается у него сдвинуться. Как он ни старается — психика отказывает. Так и стоит. И даже другую ногу приставить не догадывается. Хотя, может, и правильно, в прыгуне лучше всегда на одну ногу рассчитывать.

Я допрыгал до Курка, остановился. На одной ноге, надеяться надо на одну ногу, на каждую ногу персонально.

— Ну? Что с тобой?

— Ничего, — ответил Курок. — Просто думаю. В животе чего-то... Точно таблетки от глистов, зашевелились, паскуды.

— Баран.

— Да ладно, Дэв, нормально все. Знаешь, я однажды у Доктора целый ящик подгузников видел, у него понос...

Курок принялся хохотать.

Я плюнул, попрыгал дальше.

— Мы все сдохнем, — кричал мне в спину Курок. — От глистов. Нас съедят глисты. Всех подряд!

Псих. Зачем Япет навязал мне психа? Может, он тоже псих? Может, они все тут психи.

Курок отсмеялся и попрыгал ко мне. Допрыгал, осторожно поставил на землю вторую ногу, затем упал. Задышал, быстро и громко, достал портсигар, задымил. С видимым удовольствием.

— От глистов помогает дым, — сказал он через минуту. — Они задыхаются... Тут уже недалеко, сто сорок пять километров.

На самом деле недалеко. Чужак двигался от зоопарка. Останавливался четыре раза. Последняя остановка в библиотеке, обведена кружком.

Курок выдохнул дым, оглянулся на попрыгун.

— Дурь это все, — он плюнул. — Прыгаем, прыгаем, а мы и не знаем — есть этот попрыгун или нет. А если нет?

— Ну так проверь, — посоветовал я. — Проверь, попробуй.

— Даже кошка не зафырчала. Кошка должна чують, а он валяется... Как его зовут, а? Блохастер? Вшига? Спокойный, как трупер, ты что, его на транках держишь?

И правда — Папа держал себя вполне умеренно, глаза не засверкали, шерсть не встопорщилась. А коты, между прочим, электричество не жалуют.

Курок курил. Полузакрыв глаза.

— Что делать будешь? — спросил Курок.

— В каком смысле?

— В прямом. Когда найдешь этих, которые спутником управляют?

— Сказали же только посмотреть...

— Ты что, дурилка?

Курок выпустил дым в Папу. Папа закашлялся. И чего они все к Папе привязываются? Просто мимо не могут пройти.

— Ты что, дурилка, совсем ничего не понимаешь? Если научишься этим спутником управлять, ты сразу главным станешь. Главней Япета. Кто такой Япет, вообще? Старый вонючий бобик, вот и все. Указывает, указывает, тошнит давно уже. Я к нему в прошлый раз пришел, дай, говорю, грядку, табак развести, все такое, а он не дал. Приходится на поверхности выращивать. А ведь неизвестно, что там вырастет, покуришь — и все...

Я промолчал. Согласен я был с Япетом. Насчет курения, нечего полезную землю под махорку занимать, пусть лучше помидоры.

— Ты из-за этого пошел? Чтобы спутниками управлять?

— Угу, — кивнул Курок. — А что еще?

— Ничего. Двигаем дальше.

— Не, погоди, может, пожрем малехо, а то у меня от этих таблеток внутри что-то. Глисты бунтуют.

— Потом пожрем, — сказал я. — Послезавтра.

— Так нельзя, Дэв. Нельзя все время идти, может приступ приключиться. Лето-то жаркое.

Лето выдалось жарким, действительно.

Город раскалился, бетон выпил воду, трава, кусты и деревья высохли и пожелтели, активная мертвечина почти вся попряталась и выползала только ночью, дни были заполнены тишиной и пылью, ну, мрецы пображивали. Иногда в переулках возникали неожиданные вихри, ветер подхватывал ржавый песок и шелестел им по мятому железу машин, это мне больше всего нравилось. Остановиться в полдень, забиться в щель где-нибудь уровне на пятом, лежать, слушать. Все равно в жару передвигаться много нельзя — солнечный удар поймать, как нечего делать. Лучше лежать. Вечером, кстати, тоже интересно — когда раскаленное царство начинает остывать. Железо и камень трещат и даже как-то подвывают, точно разбуженные грядущей прохладой жрецы, поднимающиеся из нор на вечернюю охоту. Но днем лучше.

— ... Клопов! Я знаю, где они живут! Здоровенные! Этих клопов да Япету в койку! Будет весь искусанный ходить, как собака...

Неужели получше кого не нашлось? Ну почему всегда ко мне этих прицепляют? То Серафима, стрелять не умеет, зато спорит на каждом шагу. То Шнырь, того и гляди убежит куда. То этот...

Курок. Окурок. Укурок. А ведь на самом деле Курок — это ведь скорее всего сокращение. Окурок. Почему у меня всегда Окурок?

Глава 4. Выдрин пух

— Тут уже рядом, — сообщил Курок. — До того места.

Он сверился с картой.

— Направо.

Повернули направо.

Улица была заполнена пухом. Примерно таким же, какой от тополиного цвета получается, только красивее, к каждой пушинке приделана маленькая сияющая капля. Ветра не было, и пух висел в неподвижном воздухе, покачиваясь и вращаясь, медленно, как часовая стрелка. Как-то все это выглядело ненастояще, вот как снег в стеклянном пузыре.

— Выдрин пух, — сказал Курок. — Не сезон ведь еще вообще-то...

— Жарко, вот и вырос.

Я задрал голову. Самой выдры не видно, ее всегда не видно, притаилась на чердаке или в квартире пустой и расцвела.

— Надо осторожно ходить, — Курок кивнул на пух. — Он на движение летит. Жирный уже, может и слипнуться... Смотри.

Курок подобрал камень. Осторожно, без резкого замаха швырнул в скопление.

Булыжник сбил несколько пушинок, другие вдруг пришли в движение, как будто схлопнулись, и вот уже вместо камня по асфальту катился небольшой пушистый шар.

— Потом три часа выбирались бы, — усмехнулся Курок. — А эти капли еще и едучие, всю рожу бы разъели... Знаешь Валеру? Она из этой пакости носки вязать умеет. Вот к ней Япет приходит и говорит: Лера, всем известны твои носки, а трусы тебе не трудно связать? Валера отвечает: нет, не трудно, только он же едучий, сами знаете, можно пострадать. Одно дело пятки, другое дело... А Япет и отвечает: да мне это не страшно, у меня пять лет назад все уже отвалилось... Давай, потихоньку.

Мы двинулись через выдрин пух. Неприятная штука, аккуратнее надо с ней. И капельки эти жгучие, и сам опасный, легко в такой ком закататься, что и не вылезти. Хотя и польза есть — из капель горючку добывают. Причем хорошую очень, медленную, долго горит, и горячо очень, если требуется, к примеру, сейф прожечь. Если бы в сейфах что-то Ценное лежало, то и прожигали бы, а то там, в сейфах, дребедень одна обычно. Алмазы, золото. Нет, конечно, от золота тоже польза есть. Если вот желудок прихватило, то надо делать вот что: столовую ложку золотого порошка, ложку спирта, ложку меда. Все смешиваешь и глотаешь. Помогает здорово. Или зубы золотые делать, короче, от золота польза есть, а алмазы только на блесны годятся, подземных рыб удить. Петр пытался как-то алмазную броню построить, красиво получилось. Непрактично только. Тяжело, блестит здорово.

Я шагал первым. Пух касался одежды, покачивался над головой, складывался в узоры. Говорили, что при определенных условиях пух образует огромные сети-ловушки. И стоит какому-нибудь неудачнику в эту сеть забрести, как срабатывает спусковой механизм, что-то щелкает — и весь пух устремляется к тебе. Химические ожоги, удушение, переломы, почему выдра — непонятно.

Улица выдрины пуха осталась позади, удивительное разнообразие все-таки погани, подозрительное разнообразие. Точно сидит где-то в подвале психопат и придумывает все это омерзительное великолепие. Мы остановились посреди дороги и стали стряхивать пух, осторожно.

— Зебру знаешь? Ну, рожа у него полосатая еще, он в рогатку попал, и его в колючку

зашвырнуло. Так вот, он наделал из выдрятника самогона и нажрался. А если из выдрятника пьешь, надо углем сразу закусывать, а у него уголь кончился! Ему все кишки и прожгло! Доктор ему резиновые вставил, из клизмы. Теперь можно спокойно нажираться.

Зебру я знал, рожа у него действительно полосатая.

— Слышь, Дэв, а что это Серафима вчера с синей мордой, а? Ты настучал?

— Она с лестницы упала, — ответил я. — Слишком залюбовалась своей красотой, вот и обвалилась. Лицом ушиблась.

— Ага, знаю я, как лицом ушибаются. Она Япету, небось, наболтала. Поговаривают, что она Япетова внучка, между прочим.

— И что?

— Как что? Не въезжаешь? Ты настучал по морде внучке начальника, а на следующий день тебя в зоопарк отправляют. Туда дойти нельзя, это стопроцентно. Так что на полпути ты развернешься и воротись с позором!

Курок руки потер даже, видимо, представил, как я вернусь с позором.

— Вот почему нельзя напрямик идти? — Он достал карту. — Гораздо ближе ведь получится, вот так. Нет, придумали какие-то зигзаги. Зачем на север, а?

— Вдоль кольца всегда удобнее пробираться. И заблудиться сложнее.

— В Москве вообще заблудиться нельзя, это не Старые Блевотины. Тут либо кольца, либо проспекты... А, что тебе говорить...

Курок собрался произнести еще что-то, но не получилось, чихнул от пыли, резко вдохнул, несколько пушинок ворвались в легкие. Курок замер. Лицо покраснело, затем посиреневело.

Он закашлялся, сильно и неприятно, я попробовал похлопать по спине, но Курок отодвинулся, не любит, когда до него дотрагиваются. Частый недуг среди наших — это оттого, что под землей живем. Подземность на психику сильно действует, да и не на психику — вон, шахтеров вспомни.

— Готов, — сказал уныло Курок. — Теперь она внутри вырастет.

— Кто вырастет? — не понял я.

— Выдра. Знаешь, почему это выдрой-то называется?

Я не знал.

— Ясно, — покачал головой Курок. — Счастливчик... Сейчас я тебе объясню. Вот такая штука в горло попадает, потом в желудок лезет, сидит, откармливается. Потом распространяется, больше становится, а потом все и выдирает.

— Что все? — спросил я.

— Кишки, — Курок достал красную коробочку. — Всякий знает, что выдрин пух нельзя вдыхать...

Курок вытряхнул на ладонь капсулу, глотать не стал, обратно спрятал.

— Придется теперь на Вышку топать, — сказал он. — Только там мне помогут, только там. На Вышке есть умельцы-живорезы — пузо разнимут, личинки... то есть пушинки вытащат и чревеса тебе промоют марганцовкой...

Курок огляделся.

— Вышка там. Надо срочно пожрать. Знаешь, раньше была поговорка — заморить червяка. Мне требуется срочно заморить червячков, пока они меня самого не заморили...

— Может, тогда...

— Это шутка, — Курок расхохотался. — Шутка. Этого пуха надо здорово наглотаться, чтобы выдра внутри поселилась. Килограмм слопать, не меньше. Давай пожрем, а? А то внутри как-то екает...

Он прав, пора пожевать.

— Ладно, — согласился я. — Давай перекусим.

Курок тут же достал кружку, кинул в нее пищевой кубик, залил водой. Обед. Здесь у них все так — завтрак, обед, ужин, порядок — цивилизация. Там, у себя, я ел, когда получится. Кролика прибьешь — и сыт на два дня, карася прожуеть — и жизнь хороша.

Здесь все по-другому, регулярно. Каждый день обязательный витаминный бульон, чтобы энергия повышалась и чтоб с желудком проблем не возникало. Каждое утро белковая скрутка — для тонуса мышц. Иногда я, конечно, жарю крысу или кабана, чтобы не забывать настоящую еду. Кубик, конечно, полезная штука, удобная опять же, но все равно не мясо. И даже не макароны.

В кружке забурлило, Пошел пар, Курок понюхал воздух, облизнулся, сунул кружку мне.

— Ешь, давай, — кивнул Курок. — По правилам на обед отпускается двадцать минут, это если без компота.

Он постучал по часам грязным ногтем. Часы — тоже штука полезная, хотя я и по солнцу неплохо определяюсь, но с часами удобнее. Единственный минус — тикают, а у погони чрезвычайно тонкий слух.

— Сегодня рыбный суп, — сказал Курок. — То есть из сушеных головастика. Очень, очень питательный.

В питательности супа я не сомневался, смущали головастики. Конечно, Курок врал, не головастики, рыба, правда, рыба у нас приключается разная. Однажды мы с Шнырем отправились на рыбалку. Почти три часа ползли по тесным трубам, вниз, на двести метров. Выбрались к реке — в широченной трубе катился мощный поток, мы повисли над ним в железной люльке, погасили большой свет и зажгли карбидные лампочки, прилаженные к шлемам. Шнырь достал короткие удочки, и мы опустили в воду крючки с бриллиантами. Клев начался почти сразу, и за полчаса сумеречной ловли мы натягали почти по пуду на каждого. Рыба, правда, попадалась необычная — безглазые прозрачные сомы, с неожиданно красными плавниками, с короткими щупальцами вокруг рта, с острым, как бритва, хвостом. Но на вкус они оказались, кстати, вполне ничего, главное, про вид не вспоминать. Головастики...

Головастики почти как лягушки, есть можно.

Курок наverted супа и себе, мы чокнулись по древнему человеческому обычаю, накрошили в кружки кукурузных сухарей и принялись есть. Привлеченный запахом еды, очнулся Папа, я сунул ему сушеную рыбку голову.

Я ел спокойно, медленно, чтобы усваивалось, Курок болтал и плевался косточками:

— Чужак добрался до библиотеки, на карте она обведена кружком. В библиотеке живет один хмырь, его Ткач зовут. Вполне может...

Вполне может быть, что этот самый Ткач что-то знает. Про чужих, про спутники, вот уж не думал, что когда-нибудь буду иметь дело со спутниками.

— Они еще тогда рассорились, я маленький был, хомячков разводил. А может, вообще еще не был, не помню. Тогда плохо жилось, жрецы расплодились, прямо так и лезли, так и лезли, из вентиляции высовывались, все только и делали, что отбивались. Мы, кстати, тогда еще не на Варшавской жили, а в трубе какой-то, не знаю. Все со жрецами воевали, а этот Ткач не хотел, говорил, что это бесполезное занятие, надо по-другому. И книжки все читал, те еще, старинные. Ну, его и выгнали.

Курок захрустел сухарями.

— Ткач ушел, а потом вернулся и показал дорогу на Варшавскую, мы туда и переселились. С тех пор его все уважать очень стали, но он все равно не вернулся. Стал жить сам по себе. Тут, в библиотеке.

Курок показал кружкой.

— Этот Ткач — еще вонючее Япета, я его один раз видел. Он книжки читает, бродит туда-сюда, календари ищет, вынюхивает... Разгадать хочет.

— Что разгадать?

Курок повертел пальцем вокруг.

— Все. Про все то есть. Поэтому Япет его и не любит.

— Не любит?

— Угу, — кивнул Курок. — Япет про то, как сейчас, думает. Как помидоры зреют, как

кабанятина коптится. А Ткач про то, как потом. Прозирает грядущее.

Курок расхохотался.

— Сначала прозирает грядущее, потом его же просирает! Так вот, Ткач как-то в очередной раз прозрел грядущее и явился к Япету с советами, как очистить пространства, а Япету советы не нужны, вот они и поссорились. И даже подрались, Ткач нашего за бородашку оттащил, да.

— А как же Поход на Запад? — перебил я. — Япет же собирался разведывать...

— А, — Курок махнул рукой. — Я про этот Поход всю жизнь слышу. Собираются, собираются, да никак не соберутся. С кем в поход-то идти?

Курок поморщился.

— Запад — это тебе не тут, это круть. Чуть зазевался — и все, суши ногти. Да сам увидишь...

Курок замолчал, болтал кружку.

— Кстати, вполне может быть, что Ткач нам чего и подскажет, опытный чумарез. Только сумасшедший. Если жив, конечно, его года четыре уже не было видно, а ходить к нему Япет запретил.

— Почему?

— Чтобы умы не смущать.

— Как это? — не понял я.

— Ну... — Курок почесал подбородок. — Я не очень хорошо знаю... Короче, этот Ткач, он очень много читал. Не просто много, а очень много. Четыре книжки в день. Вот он читал-читал, читал-читал и сдернулся. Он вдруг понял, что все решают герои.

— Кто-кто?

— Герои. Ну, герои. Такие простые сверхличности, как ты, как я.

Курок хохотнул.

— Как?

— Герои, — повторил Курок. — Они все решают. Вот смотри. Живет какой-нибудь там народец, рыбу ловит, корову доит, а тут чудище. И давай это чудище жрать мужиков, а девок в пещеру таскать с паскудными целями. Никто ничего не может, все только стонут и лбами стучаются. Короче, все, тупик, кажется — и вдруг бац, Беовульф приехал.

— Кто? — спросил я.

— Беовульф, кто еще.

Курок почесался, отхлебнул бульону.

— Беовульф — это дядька такой беспощадный. Приехал — и раз-два, разобрался с пакостью по-быстрому. А потом еще дракона зарубал, ну, короче, времени даром не терял. Старинная история, достоверная. И в другие времена тоже очень похоже все происходило — герои всегда проблемы решали. Вот Ткач и решил, что у нас то же должно быть. То есть должен появиться такой вот герой, который положит предел этому всему.

— Как именно положит?

— Ну, не знаю, — Курок икнул. — Например, так. Герой проникнет на Запад — и выяснит, как именно.

Я поглядел на него.

Рожа у Курка была прыщавая и оплывшая, как он жив до сих пор с такой рожей? И с такими космами.

Курок рассказывал дальше:

— Япету не нужно, чтобы народ на Запад сигал, ему не нужны герои, ему нужны твердые выживатели. К тому же...

Курок поморщился.

— Этот Ткач все эти свои идеи не просто так рассказывал, а с призывами. Ну, у нас человек пять понаслушались — и на Запад двинули. Никто их с тех пор не видел. Вот Япет и рассвирепел. Велел Ткача не пускать и самим к нему не ходить. Ясно?

— Вполне. Но нас не отправили на Запад. Тот не Япет. Значит...

— Значит... Ничего это не значит! Бросок на Запад, как же. — Курок поболтал кружку. — Ты вот собираешься спасать мир? Собираешься, знаю. Все собираются. Только никак не соберутся.

— А ты?

— Само собой. А почему нет? Почему не я? Кто-то же должен положить предел всему этому безобразию? Наверняка ведь есть способ...

— А сколько лет было этому Беовульффу? — спросил я.

— Не знаю, — пожал плечами Курок. — Вряд ли он был стариком.

Это точно. И остальные герои тоже до морщин не доживали. Герой — он всегда молод. Чем старше человек, тем меньше он на героя годится. Зрение ухудшается, руки дрожат, скорость не та. Взрослый герой не может быть физиологически. Так что получается, что я вполне подхожу. В Беовульффы эти.

Мы доели обед, ополоснули кружки и направились дальше.

— Я тоже раньше думал, — болтал Курок. — Тоже думал — вот вырасту, и всех спасу. Вырос. Прихожу к Япету, спрашиваю — что делать, а он мне говорит — капусту жрут бабочки...

Мы пробирались через старый и скучный город, однообразный и безликий, не выделявшийся ни архитектурой, ни высотой, ни зеленью, тяжелый город. Я это только сейчас стал замечать, раньше город казался совсем одинаковым, теперь я стал различать ступени, некоторые районы были гораздо хуже.

Вот как этот. Одинаковые, серо-коричневые.

— А мне совсем не так хотелось. И всем у нас не хочется, но Япет всех заставляет репу сажать... Вот поэтому он и Ткача выгнал — тот мечтал слишком много, а репу сажал мало. Давай скорее, тут надо быстро. Кладбище рядом, сам понимаешь... Вон, смотри, пришли уже почти, вон там.

Я прочитал — «Ткацкая улица», понятно теперь, почему Ткач.

Ткацкая оказалась совсем небольшой. Узкая, невысокие дома с обвалившимися балконами, почерневшие непонятно от чего деревья, то ли от засухи, то ли в корнях завелось что, не понять. Преодолели ее без труда, шагали по правой стороне.

Библиотеку я сразу узнал, не узнать трудно. Невысокое, этажа в четыре здание, пристроенное торцом к полуразрушенной многоэтажке.

Бумаги много. Под ногами, вокруг. Давно началась уже, с полкилометра. Выцветшая, слипшаяся, скатанная в шары, сложенная в высокие стопки, совсем новая и древняя, распадающаяся в прах от солнца, даже на деревьях, вместо листьев. А потом...

Бумага почернела.

— Так... — протянул Курок и снял с плеча автомат.

У Курка интересное оружие. Самодельная штурмовая винтовка. Облегченная, со складным прикладом, с четырехкратным прицелом, с необычным магазином — вокруг ствола. Калибр небольшой, отчего почти сто двадцать патронов влезает, безгильзовых, конечно. Два запасных магазина, стреляй — не хочу. Я к такому оружию не склонен, остальные часто используют. Ленивые потому что, настолько ленивые, что иногда даже не чистят, к Петру волокут. Вот и Курок к своему автомату прохладно относится, то в песок уронит, то об асфальт ушибет, говорит, что у Петра в карты выиграл.

Курок устроил автомат под мышкой и пнул пепел.

Пепел был везде. Никакого плавного перехода между бумагой и пеплом, вот бумага, вот пепел. Выгорело все.

Сквозь окна самой библиотеки, из первого и второго этажа выдавливалась паленая бумага, отчего казалось, что здание залито ей под самую крышу.

— Выгорело все, — поморщился Курок — Этот Ткач... Тут раньше центр библиотечный располагался... Места всем не хватало, вот и укрупняли. Книжки в одно место свозили, тут и под землей тоже есть... Ах ты...

Воздух колыхнулся, с крыш прыгнул смерч, поднял бумагу, Ткацкая улица мгновенно

стала непроходимой, пришлось сесть на асфальт, вертящийся пепел старался залепить лицо и выцарапать глаза. Смерч гулял долго, минут пять мы сидели в центре шуршащего угольного водоворота,

убаюканные странным звуком и тишиной, повисшей за этим звуком, как купол.

Прекратилось все разом, смерч умер, стало совсем тихо, некоторое время мы наблюдали, как вокруг оседает черный снег, бывший когда-то газетами и книгами. Курок поймал уцелевший лист, спросил:

— Какая строка?

— Что? — не понял я.

— Номер строки. Погадаем. Прозрим будущее, плюнем в глаз настоящему. Давай, Дэв, не дрягайся.

— Ну, восемнадцатый.

Курок распялил лист на коленке, прочитал:

— Редкие вспышки молнии выхватывали из сумрака сгорбленные фигуры людей... Все. К чему бы это?

— Что непонятного? Молния, гроза, все сгорело... Дожда в этом году еще нормального не было, так что к дождю.

— Что делать будем?

Курок скомкал лист, спрятал в карман. Достал карту.

— Похоже, что Ткач немножечко испарился...

Курок зачерпнул горсть пепла, дунул.

— Что делать будем... — я оглядывал улицу. — Делать будем... Устраиваемся на ночлег, вот что. И поскорее.

— Рано ведь еще.

— В самый раз. Торопиться нам некуда, хороший сон — залог здоровья. Вон туда.

Я указал на четвертый этаж дома напротив библиотеки.

— Почему четвертый? — спросил Курок. — Четвертый ведь не очень...

— Можешь на пятый, — пожал я плечами.

— Да не, мне все равно, четвертый так четвертый.

Подъезд был закрыт, пролезли через второй этаж, выбили дверь квартиры изнутри, выбрались на лестницу. На четвертом этаже располагались три номера, мы вошли в сорок пятый.

Квартира была пуста, без мебели, без скелетов, похоже, что в ней вообще не жили, хотя в большой комнате в углу догнивали дрова, а в другом углу газеты и журналы. И книг стопки, посредине кострище и прогоревший котелок.

Курок потрогал пальцем сажу, сказал:

— Недавно останавливались. Может, этот чужак и ночевал. Костер разводим?

— Нет, в газеты завернись, в них тепло.

Курок так и сделал. Бухнулся в угол, нагреб вокруг бумаги, привалился к стене.

— Люблю спать сидя, — сказал он. — Даже стоя, очень удобно.

Я устроился напротив окна. На дверях засов, если кто в окно полезет, встречу. Папу, опять же, под окном выставил, Папа чувствителен к посторонним.

Курок зевнул, выпростал из-под бумаги руку с плиткой табака, откусил, зевнул.

— Жалко, — сказал он. — Жалко, что Ткач сгорел. Подсказал бы нам.

— А может, он спасся? — возразил я.

— Сгорел. Все сгорят, и все подохнут. А Ткач хотел нас культуре научить, он все-таки не мурзик, библиотекарь...

— Чему научить?

— Культуре. Ну вот, к примеру...

Курок выпростал из-под бумаги другую руку, дотянулся до журнала, поглядел, отбросил, дотянулся до книжки.

— Культура — это вот... Какао будешь?

Кто ж от какао откажется?

Курок кинул мне термос.

— По рецепту матушки. Надо выпить, пока не остыло.

Я свинтил с термоса крышку, налил. Какао оказалось густым и сладким, не какао, а почти шоколад, две кружки выпил, кинул термос обратно. Курок тоже отпил.

— Так бы всегда жить, — сказал он. — С какао. А кошак твой его пьет?

— Не знаю...

— Давай попробуем.

Курок подошел к Папе, налил в поилку какао. Папа немного подумал, затем принялся хлебать.

— Сладенькое все любят, — Курок добавил из термоса еще. — Все мы, в сущности, звери.

Папа лакал.

— О чем мы там говорили? — Курок вернулся в угол.

— О культуре.

— Ах, да. Культура — это культура. Литература, например. Тебе мама перед сном читала? А, извини... А мне читала. Очень интересно. Обогащает духовный мир. Вот сейчас я немного почитаю.

Я зевнул, Курок на это внимания не обратил вовсе, прокашлялся и стал зачитывать:

— Все будет, как было уже много раз. Мир исполнится злом и, не выдержав тяжести, падет на колени. Вода станет горька, и воздух сух, земля перестанет родить, птицы же, все до единой, рухнут на землю черным дождем. И будет стон...

Не умеет Курок читать, зря его мама старалась. Механически он как-то это делает, как шестеренки перекатываются, тук-тук-тук, и в голове от них тоже тук-тук-тук, шмяк-шмяк-шмяк, и какой-то полусвист неприятный.

— Похоже, это пророчество, — сказал Курок. — Ты как, пророчества уважаешь?

— Очень.

— Я тоже. Интересная книжка, называется... «Предсказания Старицы Ефросиньи». Ефросинья, значит, предсказывает... Когда терпение уже почти иссякнет и надежд не останется, придет герой со стороны студеного ветра... Это почти про нас...

Курок читал, а я уже немножечко спал, пророчество оказалось довольно занудной вещью, наверное, все пророчества такие, но это было просто утомительно, наверное, эта Ефросинья редкая дура. Вообще, я две штуки слышал, пророчества два то есть, одно — что снега много выпадет, — и сбылось, не замедлило. А второе было серьезней, про Гомера. Что будет Гомер жить долго, даже очень долго, главное, от воды подальше держаться, потому что написано у него на руке, что утонет он и никак этого не миновать. А не утонул Гомер. Вот и получается, что к пророчествам я вполне преспокойно относился, особенно к таким вот — нараспев которые, разморился, а тут Курок бу-бу-бу.

— ...С холодной головой, с руками, твердыми, как сталь, с верным, как у сокола, глазом, Освободитель с Севера...

Интересно, почему все эти предсказания вот так вот составляются? Почему нельзя просто — придет герой и всех перебьет.

— ...явится и вызовет на бой чудовище, оскверняющее пятой своей землю нашу...

Курок зевнул.

— Пятой вашей, землю нашу... Что-то Ефросинья не то пророчествует, криво. Хотя ты вроде с Севера. Да?

Я промолчал.

— Ясно, с Севера. Наверное, это ты...

Курок сплюнул жвачку.

— ...сразит, как царь Давид сразил из пращи мерзкого Голиафа... Вот так так! Из пращи мерзкого Голиафа. Голиаф — это, я думаю, голем. А праща — это некое оружие, его камнем отравленным заряжают... Царь Давид. Ты точно из Рыбинска?

— Ага.

— Из Рыбинска. Рыбинск — это какая-то... Ты не обижаешься?

Я не обижаюсь. Чего мне обижаться, у меня терпение, как у носорога, а если кому-то очень шею свернуть хочется, то я до десяти сначала считаю, потом тропарь Терпения, а потом уже прощаю, пусть с ним.

— Старая история, ее тоже мама рассказывала, пока булавкой не подавилась. Давид замочил Голиафа. Голиаф — это не голем, это просто великан, здоровенный, с одним глазом и хвостом, с грыжами по всему туловищу, и рожа еще кривая. Давид его подстрелил, отрезал башку и... и вообще, навел порядок

— И что?

— Ты что, не понимаешь? — Курок постучал по лбу. — Тебя зовут Дэв...

— Это в честь демона огня.

— Это в честь древнего героя! Только сокращенно! Ты — Герой с Севера, я — твой верный оруженосец!

— Что-то ты не носишь оружия.

— Это так называется просто. Ты герой, я с тобой! Не, хоть в люк прыгай, а?!

Я молчал. Думал. Про этого Давида. У нас в Рыбинске... тьфу ты... У нас всем мальчикам какие-то необычные имена давали, Гомер говорил, что это специально, чтобы не забывалось. Читали какую-нибудь книжку и из нее имена и давали. Ной, например, очень удачно — он был всегда... А сейчас кликухи какие-то поганые. Шнырь, Ткач, Окуроч... Хотя Серафима тоже имя красивое, приятно произносить, жаль, что дура.

Алиса. Алиса еще красивее.

— К тому же ты из Рыбинска, — Курок выплюнул жеваный табак. — Это многое объясняет.

— Что объясняет?

— Ты рыбак?

— Ну да...

А что, я действительно рыбак.

— Рыбак из Рыбинска... Как все те...

Куроч замолчал. Закинул в пасть табак, стал жевать сосредоточеннее. Темнело, чавкал Куроч, мне хотелось спать, даже Папа в своей клетке позевывал.

— В этом пророчестве — в конце там что?

Куроч уставился на меня.

— В пророчестве, говорю, что?!

— Ах да. В конце вот так... «И Сатана будет погран. И он вместе со своим нечестивым воинством низринется в бездну, откуда, собственно, и вышел. И станет тишь и покой». Вот как Старица Ефросинья завещала.

Куроч захлопнул книгу, швырнул в другой конец комнаты.

— Сатана падет, зацветут цветочки. — Куроч поковырялся в зубах. — Все понятно с вами. Хорошее пророчество. Герой с Севера, карающая длань, до седьмого колена... Складно, прямо, как маму встретил. Потом как-нибудь перепишу... Ладно, спать давай.

— Давай...

Я закрыл глаза. Станный этот Куроч. Что-то неправильно в нем, только что, непонятно. Умный слишком для своих лет. Много знает, больше, чем я. Не мог Япет ко мне болвана прицепить, маму помнит, мама ему книжки читала...

Сон отвоевывал пространство, мысли ворочались все тяжелей и тяжелей, тени вытянулись и исчезли, став ночью. Я уснул. Закопался в бумагу, успел подумать, что все это как-то глупо, что...

Мне снился вполне приятный сон про жареную картошку. Большая сковородка жареной картошки и я. Сначала ел вилкой, потом бросил и ел уже руками, и все время попадались какие-то кирпичи, скрежетали на зубах, а потом сразу пошло про душителя. Темная фигура, обряженная в длинный кожаный плащ, я пытался разобраться с ним по-

разному: и секирой, и из мушкета, и даже пробовал жечь огнеметом, но душитель был неуязвим. Душил. Душить умудрялся на расстоянии, просто смотрел из-под черного капюшона — а я удушье ощущал, все просто. Чем пристальнее смотрел, тем сильнее я задыхался.

В конце концов я стал задыхаться, перед глазами поплыли красные овалы, умирать во сне не хотелось, я проснулся от боли. Но не в горле, а почему-то в ноге.

Темно. Что-то дико зашипело рядом, и я тут же почувствовал, как в мясо вперорились когти. Папа. Папа шипел и царапался. Он как-то умудрился доползти ко мне от подоконника. Я открыл глаза...

Комната. Ничего не видно. Звук Громкий и противный, похожий на крысиный писк, только не настоящий, а железный, точно наступили на хвост жестяной крысе, и она проявляла теперь неудовольствие.

— Курок! — позвал я.

И тут же почувствовал жар. Внутри, в желудке. Как-то раз я съел маленький красный перец, по незнанию, в Рыбинске подобные не водились. И два дня в желудке у меня бушевал хорек, ни есть, ни пить, ни спать я не мог. Это было похоже, только никакого перца я не ел.

Боль усилилась и поползла вверх. И Папа уже заорал, дико и страшно, как могут орать одни только кошки.

— Курок!!!

— А-х-х! — очнулся Курок.

Глаза, по ним ударило, мощно, сильно, будто скунсом, резь... Захотелось пить, полез за бутылкой...

— Нет! — крикнул Курок. — Нельзя!

Он разметал газеты, вскочил, залез под куртку, выхватил продолговатую коробочку.

Навигатор. Тот самый, нерабочий, который нашли у чужого. Только теперь он вполне себе, кажется, работал, мигал красной лампочкой. И пищал. Еще чаще и надрывнее.

— Уходим! — заорал Курок.

Он подхватил автомат и кинулся прочь из квартиры, загрохотал по лестнице. Папа вылез. Я прицепил его к рюкзаку, рванул за Курком.

Бежать оказалось неожиданно тяжело. Казалось, что внутренности повисли внутри тела на тонких болезненных ниточках, и при каждом шаге они ушибались друг о друга, стремились оторваться, скручивались и растягивались, по лестнице я скатился с трудом.

Выбрался на козырек подъезда. Курок бежал по улице. Охая, сквернословя и как-то умудряясь извиваться прямо на ходу.

Спрыгнул на асфальт. Внутри лопнул пылающий болевой пузырь, я не удержался и заорал.

— Догоняй! — крикнул Курок.

Я стал догонять. И сразу понял, почему извивался Курок. Каждый шаг отдавался болью. Печень, сердце, желудок, мозг отслоился и теперь стучался изнутри о череп. Пот. Он проступил через поры, я взмок, точно пробежал несколько километров по жару.

Курок оторвался уже изрядно, метров на двести, пришлось подналечь. Стиснуть зубы, втянуть живот, напрячь все мускулы, чтобы уменьшить этот кишкотряс, дышать вполтину.

Догнал.

Курок уже сдыхал. Шипел, плевался желтой табачной слюной. Прибор пищал уже почти без перерыва.

Забрал у Курка автомат, всё тяжесть. Это не очень помогло, Курок отставал. Тогда я схватил его за пояс и поволок за собой.

Считая шаги.

Почему Курок убегает? Почему воду нельзя? Значит, знает. Что убежать можно, а воду нельзя.

Правая нога провалилась в трещину, запнулся, покатился.

Курок остановился.

— Вперед! — рявкнул я.

Нога цела. Попробовал встать...

Щелк На секунду я потерял сознание. В солнечном сплетении что-то щелкнуло, выключился, очнулся, от шума. В животе образовалась дыра, через нее выливались кишки, дымящиеся и разбухшие.

Ощупал себя. Ничего. Примерещилось. Еще чуть — и не примерещится, в груди просто бомба. Папа уже не хрипел, просто извивался.

Курок стоял. Придурок, что стоит, надо уходить. Вскочил рывком.

— Вперед!

— Провал... — прошептал Курок

На губах выступила кровь.

— Все...

Курок сел, глаза у него выпучились и налились.

Выкипевшие глаза. Прекрасно.

Прибор выл.

Провал. Пять метров, может, чуть больше. Внизу темнота. По краям не обойти, длинный.

— Надо прыгать.

Я размахнулся, перекинул автомат Курка на ту сторону.

— Не допрыгну... — по подбородку у Курка потекла пена. — Больно...

Я не стал его уговаривать, отступил для разгона, разбежался.

Спасибо Гомеру, прыгать тоже научил, между домами скакали. Для эффекта. Перелетел легко, сжался в комок, перекатился, все равно больно.

— Это легко! Курок! Давай сюда!

Курок поднялся на ноги, покачиваясь.

Навигатор завывал.

— Скорее!

Курок разбежался. Прыгнул.

Не долетел, скрючился, ударился о выступающий край асфальта, рухнул вниз.

Я прыгнул за ним.

Глава 5. Праведный чай

Я плыл. Темно и тихо, я не чувствовал рук, ног и даже головы, зато отмечал сырость и медленное движение. Тропарь. Язык склеился со ртом, слова не ворочались, испугался парализации, поморгал глазами, однако результата никакого не получил — из-за тьмы ничего понятно не было.

Внутренности продолжали гореть, но уже не так сильно, уже почти терпимо. И глаза. За секунду перед прыжком в провал мне казалось, что они лопнут, выгорят, как у Перехвата.

Но глаза уцелели. И я тоже уцелел, даже, кажется, не поломался. Земля под асфальтом оказалась мягкой, съехал по склону, наткнулся на ржавые трубы, а потом на трухлявые бревна, метров пятнадцать и бетон, успел сгруппироваться, очнулся уже в воде.

река. Или ручей. Теплый, иногда горячий.

Попробовал пошевелить ногами. И тоже ничего не понял — движения в воде не определялись. Сжал руки в кулаки. Пальцы на правой послушно сомкнулись, на левой — нет, я потянул и почувствовал тяжесть, меня втянуло под воду, лица коснулось что-то мягкое и скользкое.

Всплыл и увидел звезды. Под землей, а звезды. Прямо над головой.

Смерть. Я подумал, что я все-таки умер — как еще объяснить звезды перед глазами? Серебряные, сверкающие, крупные, захотелось протянуть руку, собрать в горсть. Но руки не поднимались. К тому же я неожиданно увидел, что звезды шевелятся. Хорошенько проморгавшись, я с некоторым разочарованием обнаружил, что это не звезды, а улитки.

Маленькие и светящиеся. Они медленно поворачивались и шевелили длинными усиками. Тогда я понял, что жив.

И скоро я услышал фонарик, негромкое кряканье. Язык разлепить не получилось, зато удалось пошевелить ногами.

Поплыл на звук.

Фонарик зажужжал сильнее, вспыхнул огонек, и я стал грести.

Курок. Он сидел на узкой песчаной отмели. Неестественно обхватив голову одной рукой, другой нажимая на фонарный рычаг.

— Привет, — сказал я и выбрался на сушу.

И вытащил за собой клетку. С Папой.

Курок почесал голову.

— Цел? — спросил я.

— Частично... По большей части. Внутри все болит. Хорошо хоть сетчатка не отслоилась.

— Снаряга?

С этим было хуже. Курок потерял все. Автомат остался на поверхности, магазин с патронами утонул, другой залила вода. Только нож сохранился. И фонарик.

Шлем и то утонул, проще голову потерять, чем шлем, но Курок умудрился.

И босиком еще.

— Ботинки где? — спросил я.

— Утонули, — буркнул Курок

— Утонули...

— Что мне, самому тонуть было? Они меня на дно потащили, еле сбросил... Да, герой, чуть не сдохли. Мне кажется... А с кошкой что?

С кошкой. С Папой.

Помер Папа. Сварился. А потом утонул.

— Да... — протянул Курок. — Это из-за массы. Кошка маленькая, сварилась быстрее.

— И что это было? — перебил я.

Курок достал папиросы. Неразмокшие. Папиросы он спас, ботинки нет. Закурил.

— Я так думаю, это и есть спутник, — сказал он, выпустив дым. — Он висит...

Курок указал папироской вверх.

— Над городом. Видимо, реагирует на движение. Или еще на что-то, мы не знаем.

— Почему раньше его не было?

Курок закашлялся.

— Он всегда был. Просто сейчас в активный режим переключился. Причину не знаю.

— Почему тебя послали? — спросил я. — Только без кривляний? Не надо мне про паек, не надо про пятки, хорошо? Я из Рыбинска, но я не дурак

— Меня не послали, я сам напросился, — ответил Курок. — Видишь ли, мой дорогой Беовульф, я по спутникам специалист.

Оурук специалист по спутникам.

— Так получилось. Я телескоп в детстве нашел. Знаешь, что есть телескоп?

— Знаю.

— Ну вот. Нашел, стал смотреть. Сначала просто для красоты, потом интересно стало. Книжку достал, астрономическую, в ней все написано. Про звезды, про спутники, про освоение космоса. А потом увидел. Прямо над головой. Это даже не спутники, если совсем уж правильно. Спутники или вокруг вертятся, или над горизонтом висят. А эти прямо над городом.

— Эти?

— Ага. Их там восемь модулей.

Прекрасно.

— И что, их просто так и видно? В телескоп?

— Да их даже в бинокль видно. Просто надо знать, куда смотреть — они покрыты

специальной защитой, которая свет отражает.

— А откуда ты узнал, куда смотреть?

Курок замолчал.

— Откуда? — повторил я.

— Ну, это... короче... Еще давно, короче. Этот старый библиотекарь, Ткач, он... он мне карты показал. Космической группировки, да. В одном бункере. И там все спутники прямо отмечены, где висят, куда летают. Притащил эти карты Япету, а тот не поверил. А потом я в библиотеке эти карты нашел, взял — смотрю, и правда висят. Модули. Все просто.

— Зачем над городом эти... модули?

Курок затаился.

— Разве непонятно?

Понятно. Прекрасно действуют. Лучше не придумаешь. Вот уж точно палец Сатаны. Еще этого добра на нашу голову не хватало. Папу поджарил...

— Хотя, может, раньше у них какое-то другое предназначение было.

— Какое предназначение у подобного прожигателя?

— Разное. Я тебе десять предназначений придумаю. Япет, например, полагает, что это погодная установка. Погоду исправлять.

— Ну да, он говорил, — вспомнил я.

— Говорил, да... Воздух прогревать или, наоборот, остужать. Или система увлажнения — воду испаряют, а она дождем обратно. Возможно, недовольных разгоняли... Да мало ли? Вот китайцы. С китайцами бороться. Когда бешенство случилось, они хлынули — их решили сверху выжечь. И выжгли. А когда все покатилося, то про спутники и забыли. А сейчас они активироваться начали...

— Или кто-то их активирует.

Курок кивнул.

— А почему изнутри жжет? — спросил я.

— Не знаю... Излучение... Не знаю.

— А почему он погань не выжигает?

— Потому, что он ее не видит. Это построено людьми для охоты на людей. Но можно, наверное, как-то поправить... Я не знаю. Поэтому и пошел. Может, у тех, из зоопарка, есть идеи.

— Так... Почему навигатор пищит?

— Ах ты...

Курок принялся хлопать себя по карманам, искать навигатор.

— Утопил... — Курок пнул песок. — Повезло... Он пищит при приближении удара. Чем громче сигнал, тем больше мощность. Средство безопасности.

Здорово. Папа сварился, навигатор утонул, начнут выжигать — не заметим. Интересно, а другие модули на что рассчитаны? Один выжигает, другой вымораживает, третий страх внушает.

Прекрасно.

Курок перестал жулькать фонариком, стало темно, и он сказал:

— Дальше пойдем?

— Конечно.

— А я... Оружия нет ведь. И босиком.

— Достанем.

— А ты? У тебя как?

Я достал из-за спины карабин, щелкнул курком. Исправен, звук звонкий и плотный. Перезарядить только. Вообще, конечно, я тоже обштопался, карабин стоило проверить сразу, перезарядиться, год назад я бы так и сделал.

Порох у меня в старомодном рожке и в пластиковых банках, пули пришиты к воротнику слева, пыжи справа, капсюли тоже справа. Заряжаться я могу и в темноте, секунд за двадцать — раз.

Направил карабин в воду, выстрелил.

Грохнуло хорошо, вспышка осветила широкий полукруглый туннель, эхо запрыгало над водой, я определил, что туннель длинный. И даже очень.

Карабин был исправен, перезарядился картечью.

Рюкзак висел за спиной, ножи на месте, заряды тоже. Топоры, секира. Шлем на голове. Я не потерял ничего.

— Поэтому тебя Япет и отправил. Слышь, а ты правда целое жреческое гнездо в одиночку разорил?

— Неправда.

— Я так и знал. Слышь, Япет тебя на смену себе, наверное, растит. Ты когда новым Япетом станешь, ты про меня не забывай. Чтобы грядку мне отдельную, поближе к Трубе, там табак слаще получается... а где это мы? Труба длинная...

— Верхнее Метро, — сказал я.

Курок ругнулся.

— Зря ругаешься, — я зевнул. — Особенно здесь. Притягивает.

— Что притягивает?

— Погань. А ты босиком и без оружия. Когда человек босиком и без оружия, он не ругаться должен, а о благодати думать, о самосовершенствовании.

— В праведника станешь меня переделывать? — ехидно осведомился Курок. — Как ты?

— Ага. Праведники наследуют землю.

— Знаю, читал. Только этой штуке... — Он посветил фонариком в потолок. — Этой штуке все едино, что праведник, что грешник.

— Босиком и без оружия, — напомнил я. — И праведники ее действительно наследуют.

А что, действительно ведь. Вот я. Не курю, не ругаюсь, нрава доброго. И ничего не потерял. Оружие, припасы, все. Шансов выжить и продолжить свой род у меня на порядок больше.

— А кошак твой? — спросил Курок. — Что-то он не мяукает... Сдох, что ли? А ведь тоже, наверное, праведный был...

Я ударил, попал в ухо.

Курок замолчал.

— Нельзя обижать Папу, — сказал я. — Он нам жизнь спас. Это надо уважать.

— Давайте теперь молиться ему будем, — не удержался Курок. — Святому Папе. О, Папа...

Я поймал его за шкурку и за лохмы, они у Курка длинноваты, ухватился покрепче и в воду.

Курок забулькал, забил по воде конечностями, я отпустил.

— Дурак, — сказал Курок. — Я совсем не в том смысле... Просто ты...

— Еще макнуть? — спросил я.

— Не надо.

— Вот и отлично.

Я открыл краник, чиркнул, зажег карбидку. Стало светло.

— Нам бы отсюда выбраться как-нибудь, — спросил Курок. — Как выбираться будем?

— Просто. Вниз по течению. Скоро станция... Ты карты не потерял?

Курок промычал отрицательно. Хотя что-то положительное.

— Значит, будем делать так. Как я скажу. Если жить, конечно, хочешь. Хочешь?

— Немного.

— Я в тебе не ошибся.

Жить вообще все хотят, редко кто наоборот. В привычку входит, трудно отказываться.

— Это тебе.

Я вытащил из ножен секиру, протянул Курку.

— Острая штука.

— Знаю. Со жнеца ножичек Поплывешь первым. Я буду карбидкой светить и прикрывать.

— Я это... не умею, — прошептал Курок. — Плавать то есть.

— Как это ты не умеешь? Ты же сюда приплыл.

— Я без сознания сюда приплыл... — улыбнулся Курок. — В отрубе. Не знаю как, вообще, очнулся уже на песке, лежу себе, думаю, сдох в канаве...

— Будешь держаться за меня, — велел я. — За плечо. Держись и особо не дергайся, а то сброшу. Поехали.

— Сдохни, Шарик, послезавтра...

Я бухнулся в воду, Курок за мной, вцепился в плечи и почти сразу меня притопил, пришлось немного боднуть его шлемом. Поплыли.

— А мы тут плавать не умеем, — болтал Курок — А где нам плавать? Воды-то нет. Это в Рыбинске можно плавать, хошь — туда плавай, хошь — сюда, а хошь — вообще рыбу уди...

Впрочем, плыли мы недолго, очень скоро я нащупал ботинками рельс, и мы уже не плыли, а брели в воде по грудь. Вода делалась холодней, под ногами чувствовалось более быстрое течение, похоже, что в тоннеле били ключи. Подземные ключи на подземной дороге, дурацкий мир.

Я мерз. Но я человек к холоду привычный, как терпеть, знаю. Курок мерз гораздо сильнее, даже зубами щелкал, не очень приятно, когда за спиной клацают, дрожал. Еще полчаса, и воспаление легких. У меня тоже. Хотя Курок с виду крепкий, переживет, наверное, покашляет немного, оглохнет, я тоже как-нибудь не откинусь, только вот болеть в походе не дело совсем, в походе должно стрелять и бегать.

Погреться, срочно погреться.

— Ног не чувствую, — сообщил Курок. — Совсем ходули отморозил...

Плохо. Тепло в воде долго не удержать, вода крадет его лучше всего остального. Если ноги остынут совершенно, студеная кровь клонет в сердце, и все, не откачаешь.

Попытался ускориться, но пробираться по грудь в воде было тяжело. Я оскальзывался, погружался с головой, отплевывался и снова шагал. Курок продвигался первым, кашлял, ругался, плевался.

— Не могу... — бормотал он. — Не могу уже... Спать охота... Мама подавилась булавкой, папа неизвестный герой...

Его уже колотило, крупно, даже мне чуть передавалось, хорошо, пока трясет, значит, жив, значит, энергии на тряс хватает.

— Рассказывай, давай, — велел я.

— Что... рассказывать? — не понял Курок.

— Не знаю. Интересное. Веселое.

— Про пришельцев могу... Тут книжку одну прочитал, очень интересную...

— Давай про пришельцев, это интересно.

— Я не помню... Пришельцы прилетели... На тарелках... Сразу со всех сторон... Они здесь... Здесь, под землей. Тарелка упала, а они ее закопали. Да, тарелка под городом, внизу, я видел секретные карты... А они из нее лезут и лезут, и маленькие, и большие...

Холодно, даже бредовые пришельцы не помогают.

— ...они только героев боятся... Потому что герои тоже пришельцы, их сюда перенесло телепортацией. Телепортацией переносятся хорошие пришельцы, а плохие прилетают на тарелке, редкая дурь, правда? А хорошие еще на метеорите прилетают, так и пишется — прилетел на метеорите... Только они могут справиться с плохими, потому что у них оружие... И только герои могут, потому что их нельзя убить... Они пуленепробиваемые. Пули сплюсциваются или отскакивают... Слышь, Дэв, от тебя ведь пули должны отскакивать...

Тоннель неожиданно расширился.

— Станция... — просипел Курок. — Наконец-то... Вот как, оказывается, надо — про пришельцев рассказывать, доброе волшебство... «Электрозаводская», приплыли, здесь раньше электрические заводы стояли, электричество вырабатывали, еще до Нижнего Метро...

Выбрались на платформу, вода заливала ее сантиметров на тридцать.

Станция. Станция как станция, ничем не выделяется. Вот я книжку видел, как Верхнее Метро выглядело, так там ого-го — не станции, дворцы настоящие, величие человеческого духа, то картины из самоцветов, то собаки железные. А эта обычным красным камнем обделана, ничего выдающегося.

— Надо наверх... — простучал зубами Курок. — Костер, пожар, слушай, смешно-то как, то пожар, то мороз... Наверх, наверх...

Он двинулся к лестнице, я поймал его за пояс.

— Что? — дрожал Курок. — Мне надо... Солнышко...

— Время... — я постучал пальцем по запястью.

— Что?

— Сколько времени? — спросил я.

— Не знаю, — совсем тихо ответил Курок — Разбились.

Превосходно. Мы не знаем, который час. Не знаем, что на поверхности. Ночь. День. Если ночь...

— Стой, — велел я.

— Мне плохо что-то, душа остыла...

Курок подпрыгивал, кривлялся, совсем по-сумасшедшему.

Пороховая настойка. Порох и спирт. Доктор говорит, что это совершенно бесполезная вещь, гораздо лучше обычный спирт. Но я привык к настойке. Пузырек.

— Разотрись, — я кинул пузырек Курку.

— Что?

— Разотрись. Спиртом с порохом.

— То, что надо... — Курок свинтил колпачок, приложился к горлышку.

— Ты что?! — Я выбил пузырек, он булькнул и затонул.

— Нормально... — Курок поморщился. — Растирка все равно тоже внутрь проникает. А порох меня взбодрит, я его уже пробовал...

Он замолчал, громко икнул, после чего Курка вывернуло.

— Нормально... — прохрипел он. — Зато согрелся... немного...

Курок кашлянул.

— Хорошо. Кишки расплавились...

Все равно ведь не поможет. Сырость полнейшая, надо просушиться. А как просушиться, если воды почти по колено? И сверху каплет. Вода везде. Нет, надо на поверхность. Здесь сдохнем. В темноте и в холоде.

— Идем наверх.

— А если там ночь?

— Там день.

День. Может, утро. Вряд ли мы сильно сбились со времени в этих подземельях, хотя тоже бывает.

День, точно день.

Подъем получился долгим. Проржавевшая автоматическая лестница не очень способствовала хождению, ступени не попадали в шаг, неприятно покачивались под ногами, а кое-где вообще пройти нельзя, и тогда приходилось прыгать или перебираться на соседний пролет. Стены трубы, ведущей к поверхности, были выложены железными досками, они почти все проржавели и отстали, приходилось двигаться осторожно, наткнуться на ржавую железяку смертельно опасно. Кое-где на стенах висели щиты, некоторые совсем выпцвели и стерлись, другие сохранились на удивление хорошо, их можно было прочитать. Интересно, точно в старый мир заглядываешь, только непонятно, зачем.

«Москвич-2», новый полноприводный автомобиль с гибридным двигателем! «Москвич-2» — и ты король дороги!» Автомобиль этот самый, синего цвета, я, правда, в машинах плохо понимаю, но не автомобиль главное. Девушка там еще пририсована. Красивая очень, у нас таких нет совсем, стоит, на этот самый автомобиль опирается. В чрезвычайно странной одежде, ноги очень хорошо видны. Даже смотреть грустно. Как подумаешь, что раньше девушки в этой одежде по городу ходили...

«Курорты Черногории! Отдых, о котором вы мечтали!»

Море, чайки, белые домики, белые паруса. И в небе что-то круглое и разноцветное, воздушные шары, наверное. Я мечтаю о таком отдыхе, Черногория — это вообще что?

«Новый планшетник от СВИ! Воплощение мощи!» Это непонятно про что.

«Кошачьи консервы «Бегемот»! «Бегемот» — это кот без хлопот!»

И кошка. Или кот. Рыжий и огромный, кот разливался по круглой плетеной корзинке, был жирен и доволен жизнью. Бегемот, так, наверное, его звали — размеры-то внушительные. Или из бегемотов консервы делали, вполне возможно, что раньше их разводили для мяса, бегемот — это как большая свинья. Надо же — консервы специально для кошек! Я вспомнил про Папу. Папа мокрым комком шерсти лежал в новой пластиковой клетке и был совсем мертв. То есть дохл, дохлей не придумаешь. Еще грустней стало, Папа был последним, кто связывал меня с той, прежней жизнью, а теперь и его нет.

Надо все это изучить потом будет, подумал я. Вот эти объявления в метро. Таких объявлений мало осталось, только под землей, а в них много интересного. Кошачьи консервы, надо же... Может, это не для кошек консервы, а из кошек как раз, и не из бегемотов... Станный был раньше мир, кто-то думал о том, как накормить кошек.

Остановились передохнуть. Курок уже перестал трястись, даже в темноте было видно, что он здорово посинел. Он и раньше румянностью не отличался, а сейчас стал окончательно похож на мертвеца.

Курок опустился на ступеньку.

— Вот оно как, — сказал он. — А я астроном был, небо любил... Слышь, Дэв, это всегда так — кто небо любит, подышает в какой-нибудь препаскуднейшей ямичке...

— Хватит ныть. Сейчас подогреемся...

Я достал кружку, достал сахар. Снял шлем, свинтил карбидку. Конечно, карбидка не предназначена для подобных целей, но случай крайний. Установил кружку на лампу, налил воды, насыпал сахара. Побольше. Прикрутил кран лампы.

— Что это? — спросил Курок, заикаясь. — Адский компот? Слюни Сатаны?

— Наоборот. Праведный чай. Пол-литра кипятка с сахаром.

— У меня какао есть... То есть было... Япет выдал неожиданно...

А мне не выдал. Вообще, какао неплохо бы. Или кофе. Прогреться. Ни того, ни другого. Вода закипела, я размешал сахар, снял кружку. Горячая, ладони жжет, то, что надо.

— Держи.

Я взял пальцы Курка, холодные, как уши мертвеца, осторожно вручил ему кружку.

— Пей медленно, — сказал я. — Горло не сожги.

Курок стал пить. Брякая зубами, расплескивая, обжигаясь. Я помогал, поддерживал кружку. Это хорошо, что сахар остался, даже очень хорошо, хотя вообще-то праведный чай он безо всего, просто крутой кипяток из железной кружки, меня Гомер еще давно научил. Пол-литра кипятка, а еще лучше литр...

— Погоди, — я отобрал у Курка кружку, добавил туда еще сахара, размешал.

Курок быстренько допил чай.

— Теперь наверх, — сказал я. — Тут уже недалеко.

Мы пошагали по шатающейся лестнице и скоро увидели свет. Дневной.

— Утро, — с облегчением улыбнулся Курок. — Я рад утру, как кенгуру.

Через несколько минут были уже наверху, в круглом зале. Сквозь крышу пробивались корни деревьев, в окна светило солнышко, Курок застонал и кинулся к выходу.

Я в очередной раз успел поймать его за шиворот и вышел на свет первым. Удачно.

Место тихое, несколько перевернутых автобусов, сухие деревья, сухая трава.

— День... — Курок сел прямо на землю. — Солнце... Солнышко, карлик желтушненький...

Я распускать сопли по поводу солнышка не стал, делом занялся. Сразу наметил дерево с какими-то черными ягодами, срубил его и разделал для костра на короткие чурки. Не стал мудрить, подсыпал пороха, и через минуту просохшие ветки уже трещали, стреляли корой и распространяли чуть горьковатый запах.

— Вишня понедельника, — сказал Курок. — Вишня радости...

Ягоды действительно оказались вишней. Твердой, приходилось размачивать слюной, а вообще ничего, сладкая. Я набрал побольше, засыпал в котелок и стал варить компот.

Сидели вокруг огня. Сушились. Я не раздеваясь. Курок разоблачился до черных длинных трусов, развешал одежду на ветках и, с жадностью поглядывая на котелок, рассказывал про какую-то Пенелопу, она давно уже жила. Пенелопа так прозывалась, конечно же, из-за того, что умела лопать пенопласт, причем без какого-то особенного вреда для здоровья. Наловит ящериц, наварит с пенопластом — и ест. Запросто тремя ложками насыщалась, потому что пенопласт внутри разбухает — и голод не чувствуется...

Курок придвинулся к огню слишком близко, опалил волосы на ногах и руках, и даже на голове, косички хорошо загорелись, еле затушил, посмеялся только, морщился от удовольствия, кричал, остервенело плевался, а однажды этой Пенелопе попался некачественный пенопласт, и она, дура, лопнула...

Пришел в себя.

Я поворачивался к огню то плечами, то спиной, чувствовал, как холод отступает, зевал от тепла. Курок, напротив, взбодрился. Он бродил вокруг костра и снова рассказывал про пришельцев и грозился зачитать отрывки из некоей инопланетной книжки, которая у него всегда с собой и в которой сплошная правда.

— ...Они с темных планет. И поэтому у них очень большие глаза. И именно поэтому они выходят в темноте — солнце их пугает. А ты знаешь, зачем они сюда прилетели? Их планета разваливается, вот они себе новую и ищут... Почему вода исчезла? Это только так говорят, что она внутрь просочилась, ничего и не внутрь. Они ее откачали! Вот почему на солнце пятна? Потому что они всю воду откачали — и на солнце вылили, чтобы его немножечко пригасить — они темноту любят...

Курок закашлялся, подавившись дымом, принялся стучать себя по спине кулаком, гудел, как барабан, прокашлявшись, продолжил:

— Дым тоже они придумали. Потому что любят им дышать. И от этого нам все тут портят, поджигают деревья, даже под землей поджигают... Скоро у нас тут станет как у них, в ихних туманностях...

Котелок забурлил, Курок позабыл про пришельцев, забурчал животом, и мы стали пить вишневый компот, красный и кисловатый, но наверняка с обилием всяких полезных веществ.

Часа через полтора одежда высохла, я нарубил еще дров и, когда костер разгорелся пожарче, кинул в огонь Папу. Вместе с клеткой.

— Оба... — протянул Курок. — Жрать его будем?

Я выразительно прищурился.

— Я в том смысле, что это... Если ты съешь печень героя, то ты сам обязательно станешь героем, а кот у тебя вполне героический... Если тебе не надо, я сам, героизма мне надо прирастить...

Костер притух, замер, примеряясь к новой добыче, затем накинута на Папу с жадностью, затрещала шерсть, запахло паленым, клетка, как и обещал Петр, оказалась несгораемой.

— Да... — прошептал Курок с сожалением. — Как горит-то... Может, сказать что-то надо? Вроде как последнее слово. Давай, я скажу, я знаю, как примерно...

— У животных нет души, им не требуется последнее слово, — ответил я.

Хотя, если честно, сказать хотелось. Ведь мы с Папой много лет жили, он мне жизнь

сколько раз спасал, предупреждая об опасности. Теперь вот Папа умер. Захлебнулся. Или сварился — еще хуже. А я снова остался жив. Надо было бы порадоваться, но я ничего особого не почувствовал, так просто. Я ведь всегда остаюсь жив, это уже почти моя работа.

А может, и не работа, у меня это как-то само получается. Интересно, а если я не буду стараться?

Глава 6. Туманные псы

— Оно должно быть справа... — поежился Курок. — Видно что-нибудь?

Я поглядел в бинокль. Мог бы и не смотреть. Ничего не видно. Серое, чуть розовое, мутное.

— Кладбище там? — спросил Курок.

— Да. Наверное...

— Как это наверное?

— Так. Не видно ничего.

— Что делать будем? Курок поглядел на меня.

— Пойдем прямо, — сказал я. — На север. Потом на запад, вдоль большой дороги. Сокольники там.

Я ткнул пальцем.

— Зачем нам в Сокольники? Можно вполне пройти мимо, надо на северо-запад.

— Мы идем в Сокольники, — повторил я. — Прямо сейчас. Туда.

Я объяснил:

— В Сокольниках трейдеры, торговцы — надо же снарягу тебе какую-нибудь найти...

— На что менять-то? Табака у меня немного совсем...

— Что-нибудь придумаем.

— Хорошее снаряжение не найти, — сказал Курок. — Его просто так не раздобудешь...

— Нечего было топить, — оборвал я. — Болтай меньше.

Я двинулся первым.

Пересекли две неширокие, забитые машинами улицы, продвигались медленно — Курок быстро не мог из-за своего босоножества, на третьей улице повезло — наткнулись на мебельный склад. Большой, с избытком столов, шкафов и кроватей, для использования по назначению совершенно непригодных, сгнивших, съеденных молью и крысами, поломанных или загаженных предыдущими постояльцами. Каким-то чудесным образом сохранилось несколько роскошных кожаных диванов. Я выбрал тот, что побольше, вырезал широкие куски толстой голубоватой кожи и связал из них Курку мокасины. Стали шагать веселее. Живее то есть.

Меньше чем через километр дым неожиданно сгустился, пришлось сделать тряпичные маски, но мы не свернули, вернее, я не свернул, и скоро из мглы выступили деревья, с красными листьями и высокие. Осины. Клены. Еще какие-то, таких у нас не росло, но в основном осины.

— Это лес уже? — спросил Курок. — Никогда настолько далеко не заходил. Вон то — осина...

— Это еще город. Скоро кладбище.

Мы погрузились в осины.

Я вот осины не люблю, не знаю точно отчего. Неправильное дерево, не наше. Вроде бы удобное с точки зрения дровозаготовления — дрова хорошие получаются, рубятся ровно и горят тоже ничего, долго и одинаково, без углей. Но что-то не то. То ли листья красные, что неприятно, то ли еще чего. В осиновом лесу долго находиться тяжело, голова начинает болеть. Странно вообще, чтобы в городе да осина, как она тут распространилась?

Курку тоже осины не нравились, оглядывался слишком часто и вздыхал, оно и понятно — нижние ветки слишком высоко находятся, не допрыгнуть, а по стволу не очень-то

влезешь.

Потянуло ветерком, сверху посыпались красные листья. Редкие и медленные, совсем красиво стало.

И подосиновики еще. Они тоже вдруг стали попадаться в большом количестве, маленькие и крепкие. Я сказал, что, может, не стоит их собирать, мало ли что тут, но Курок только фыркнул, стал нанизывать грибы на длинный прут, а затем с этого прута жрать, сырыми.

Так и шагали.

Иногда между деревьями возникали уцелевшие дома, они выступали из-за стволов поросшими мхом громадами, на домах тоже поселились деревья, высывались из окон, отчего сами дома казались уже не домами, а тоже деревьями. И, наверное, где-нибудь на верхних этажах можно было встретить и грибы, и каких-нибудь животных, которые приспособились к такой вот среде обитания, и свои водоемы, и, может быть, даже и свои ручьи.

Но чаще дома были уже разрушенные и обвалившиеся, не дома уже, а холмы, проросшие лесом, травой и кустами, продолговатые холмы — где дома падали набок, и круглые холмы, где они проседали вниз, крутые, пологие, кольцеобразные. Этих холмов встречалось довольно много, отчего наш поход походил на преодоление лабиринта, держать направление получалось трудно, Курок швырялся подосиновиками и пел песни вредным голосом, а еще нашел толстый железный прут и теперь всю обматывал его найденным куском проволоки, готовя дубину.

Птицы, я их совсем не слышал. Там, где я вырос, леса выглядели совсем по-другому, в тех лесах птицы все время подавали признаки, то кукушка отсчитывает дни до смерти, то Дятел кору долбит, так и веселятся. А здесь тишина, только ветер гудит да мох болтается.

Интересно, а почему так случилось? Почему одни части города заросли непролазно густо, что в дичь и почву погрузились даже, а другие зеленой очень мало затронуты? Вот у нас, ну, там, где я родился, в Рыбинске почти, там совсем по-Другому все, не так. Там если город, то нормальный, заросший, пусть и не подряд, но все равно, деревьев много и везде. А здесь некоторые улицы уже не улицы, во дворах вообще никакой проходимости, и вдруг все это разом заканчивается и начинаются кварталы, где вообще травинки не встретишь. И объяснить эту штуку никто не может. Петр считает, что это от подземных излучений, Доктор говорит про какие-то дефолианты, Япет полагает, что причина в реках — где вода совсем убежала в глубины, там ничего и не растет, а где она еще сохранилась у поверхности, там и зеленка, а точно никто не знает вовсе.

Дома стали попадаться реже, потом вообще закончились, и началось кладбище, самое настоящее. С крестами и надгробиями, торчащими в разные стороны.

Когда-то кладбища были другими. Без деревьев, могилы рядами и на каждой порядочный камень, плита тяжелая. Нет, предки были все-таки мудры — придавливали мрецов, чтобы те не лезли, наверное, и раньше случалось что-то такое. Недаром потом придумали мертвяков сжигать. Это правильно. И надежно. Или кол в горло.

— Никто никогда не ходит через кладбище, Дэв, — сказал Курок. — Это понятно. Ни один человек в здравом уме... Герой только ходит. Как ты думаешь, дубиной от труперов нормально отбиваться? В одной руке секира, в другой дубина, а? Пятки не треснут? Чесотка не замучает? Может, кривоходом? Через чур?

Но я не стал его слушать. Хотелось проверить. Ну, про себя. Захотелось вдруг. За него я не очень волновался — на кладбище полно деревьев, если что, залезет, астроном бестолковый.

Хотя астрономы, наверное, нужны. Хорошая профессия, общечеловеческая.

— Можешь и в обход, — сказал я. — Я тебя за руки не держу, встретимся там...

Я махнул в сторону запада. Курок обругал меня, но негромко, чтобы у меня желания не было его вразумлять.

Воздух на кладбище был влажен до липкости, пахло грибами и болотом, и еще чем-то,

наверное мертвецами. Мрецов же не наблюдалось, может, повезло, кладбище старое, все уже сгнить успели, не бродят. А может, собрались где. Мрецы собираются, сбиваются в кучи. Соберутся и стоят. Молча, будто думают о чем-то, о своем, мертвеческом. В этом случае граната очень хороша, только кидать надо мастерски, с задержкой, тогда она взорвется прямо на подлете и порубит гораздо больше.

Курок притих и молчал, а потом и вовсе свалился в могилу. То ли цветочек какой увидел, то ли жука разноцветного, то ли Венера в облаках засветилась, дернул вправо, а только охнул, а он уже у могиле.

Хорошо хоть могила нормальная оказалась, не падь, не хлябь, могила как могила, с костями. Не очень глубокая, я живо его на поверхность выудил.

Курок сразу принялся отряхиваться и плевать, по своему обыкновению, Курок-плевунец какой-то.

В могиле были кости. Мослы, с остатками черного гнилого мяса, обгрызенного недавно — на костях виднелись следы клыков. Черепа. Они валялись вокруг, старательно раскушенные, с длинными неопрятными волосами и почерневшими зубами, лохмотья еще, видимо, остатки одежды.

— Это что... Они... Сами, что ли, раскопались? — шепотом спросил Курок

— Сами целиком раскапываются, а не по частям. Конечно, не сами. Их вырыли.

— Кто?!

— Кто-кто... — я присмотрелся к могиле. — Не знаю... Кролики, может...

— Кролики?!

— Ну да, мутанты. Кролик-убийца, слышал? Следов-то нет...

Действительно, следов не было. Хотя земля пересохшая, на такой земле не очень хорошо отпечатки держатся.

— Зачем же их вырыли...

— Не видишь, что ли? Их сожрали.

Курок покривился.

— Я же говорил, — Курок вытянул секиру. — Вот, дохо-дились... Догеройствовались. Кролики-ролики... Я вот в детстве очень мечтал о коньках, а мне телескоп послался... А теперь могилы...

— Могилы как могилы, — пожал я плечами. — Раскопали, сожрали, все как обычно. Держись за мной.

Я перепрыгнул через могилу и двинулся дальше.

Метров через двадцать мы наткнулись уже на несколько могил. То есть ям. И костей, черепов и прочего добра вокруг валялось еще больше. Деревья почему-то росли плохо, получилась поляна, людоедская, зловещая. А хуже всего, что некоторые кости не просто валялись, бесхозно. Некоторые были собраны в холмики. Вот это мне больше всего и не понравилось. Не люблю такое. Когда людей жрут, а кости в холмы складывают. Гнев во мне от этого просыпается. Злость. Руки просят курка, сердце вражеской крови. Человек здесь хозяин, он должен властвовать и всем владеть, а получается, какие-то суслики распоганские, откапывают и жрут, и вроде как уже человеку здесь и не место.

Я поднял череп. Не знаю, захотелось. Большой, тяжелый. Желтый. И дырка толщиной с мизинец, прямо на затылке. Пристрелили. Видимо, контроль. Славное старое время. В зубах что-то блеснуло, я хотел посмотреть...

Бросил череп, двинулся дальше.

— За нами кто-то идет, — сообщил Курок.

Шли не только за, впереди тоже. И по бокам. Не мрецы, они никогда не выслеживают. Волкеры. Вряд ли, волкера я бы не услышал даже. Обычные псы. Год жаркий, собак много, жрать хотят. Их всегда много.

— Это мертвецы, — выдал Курок. — Они за пять километров чувят, мы мясом пахнем... Или эти... Псы послезавтра...

Точно, псы. Шагают громко, бестолковые, листва под ногами шуршит. Хорошо.

— Я от любой собаки убегу... — с сомнением сказал Курок — Если она, конечно, не мутант.

Я остановился, повернулся вправо и выстрелил. Прямо через мглу, на звук.

В дыму карабин прозвучал глухо, точно я через вату стрелял. Пуля пробила дым.

Визг.

Попал.

Конечно же.

— А если их стая? — спросил Курок.

— Стая. Собаки всегда стаями. В этом и беда.

Я перезаряжался. Мы остановились возле какого-то склепа, высеченного из черного камня, склеп походил на маленький домик под острой крышей, был украшен каменными цветочками, фигурами людей с невыразительными лицами.

— Зачем через кладбище пошли? — спросил Курок в сто первый раз. — Все знают, что через кладбища нельзя. Назло, что ли? А вдруг мы не герои? Тогда нас сожрут... Знаешь, мне кажется, мы сюда сунулись, чтобы показать свою несокрушимость. Ты знаешь, я ведь известный несокрушитель, меня мама по углям ходить обучала.

— Да? — доверчиво спросил я.

— А как же! Совершенно! Я вообще по части несокрушимости монстр! А ты праведник. Праведник-монстр. Или монстр-праведник Ты знаешь, кто такой монстр?

— Заткнись.

— А что все заткнись да заткнись? Думаешь, что ты...

Звук Какое-то кряканье, по правую руку. И тут же еще в одном месте. А затем пошло перекрикивание, то тут, то справа, то слева, то за спиной, то спереди. Четырнадцать. Неплохо, четырнадцать псов в тумане, то, что надо.

— Мы сдохнем, — сказал Курок. — Мы точно сдохнем, я закурю и прочитаю стихи...

— Не умрем, — зевнул я. — Не сейчас, во всяком случае. И не надо стихов.

— С чего ты так уверен? — капризно спросил Курок. — Тут целая куча собак, а деревья толстые, не залезть...

Я выстрелил. На кряк. И снова завизжало.

Тринадцать уже.

Мы не умрем. Потому что я хорошо стреляю.

Перекличка началась снова, только в этот раз гораздо ближе, и пока псы крякали вокруг, я успел перезарядиться. Картечью, для надежности.

Двенадцать.

Замолчали. Сейчас вожак решает, что делать, отступить, или броситься вперед, или еще что.

— Может, мы все же залезем? — спросил Курок.

— Погоди... Я еще не решил.

— Что ты не решил?

— Ничего пока не решил...

Хмарь, казалось, сгустилась еще. Она перестала быть просто дымкой, теперь в этой дымке дышала смерть. Настроение у меня было повышенно хорошее, а тут еще улучшилось.

— Залезай, — разрешил я. — И сиди молча.

— Я не могу молча, я дурак...

— Молча!

— Хорошо, только вот скажу. Ты знаешь, что собака — Друг человека?

Ага, друг. Достаточно поглядеть на могилы, как сразу станет ясно, какой друг. Меня эти друзья раз в два месяца пытаются зажрать. Иногда такие стаи встречаются, земли не видно, все бегут, бегут...

— Точно тебе говорю. В старых книгах пишут однозначно — друг. И первейший помощник Раньше их специально разводили...

Доразводились.

Я зажал карабин левой подмышкой. В левую же руку взял секиру, в правую топор.

Тропарь. Мне почему-то захотелось пробудительный. Чтобы наполнить организм радостным подпрыгиванием, руки твердостью, а глаз меткостью. Стал читать. Шагал и читал. Вслух. Собаки — трусливые твари, как и весь песий род. Конечно, стаей они были опасны, но и стаями я бил их и буду бить.

Сорок шагов — и я оказался в тумане, ни склепа, ни крестов, туман — и все, и я один. Ощущение направления, оно сохранилось, затылком я чувствовал, где находится склеп, и это мне немного не нравилось. Поэтому я закрыл глаза, повернулся на каблуке, и пространство стерлось, остался только дым, туман, мгла.

Теперь я окончательно одинок, я и враг, что может быть лучше?

Они показались. Я полагал, что они выскочат и кинутся на меня, но они выбрели. Три штуки. Прямо передо мной.

Псы выглядели плохо. Под цвет опавшей листвы, какие-то ржавые. И гнилые, разваливающиеся, но при этом достаточно упитанные, и даже круглые. И сумасшедшие, то есть безумные. Наверное, слишком долго без воды. На кладбище.

Вряд ли они питались трясогузками. Поганые псы разочаровали меня.

В тумане повелительно крикнуло, псы попытались разбудить ярость. Было видно, что вот так, в лоб, набрасываться на меня им совсем не хочется, и они постарались отыскать в себе злость. Зарычали, выпучили глаза, оскалились и стали перебирать лапами. Я не стал дожидаться, пока они надумают, выбрал того, что покрупнее.

С десяти метров. Псина просто исчезла. Вот только что стояла, и раз — улетела в туман. Остальные переглянулись. Из тумана послышался раздраженный кричащий звук — и псы решились. Они полетели на меня с устрашающим злобным ревом.

Неинтересно, нет.

Метнул секиру. Пес успел увернуться, но не совсем — секира достала, чирканула по задней правой лапе, этого оказалось достаточно, пес урылся мордой.

Второму подставил левую руку, щитки, поликарбон, псина повисла, и я тут же разрубил ей позвоночник топором.

И еще три пса, на этот раз со спины. С этими не хотелось возиться, я достал скунса.

У меня отличный скунс, модифицированный, оружейник Петр над ним хорошо поработал. Аэрозоль. Баллончик под давлением, регулятор сбоку, поворачиваешь вправо — в Длину брызгает, поворачиваешь влево — в ширину, а если посередине, то и так и сяк. Перевел вправо.

Псы рванули, я брызнул и отступил сразу, чтобы не попасть под собственный удар. Петр добавил в скунса оранжевый краситель, днем видно, ночью сияет.

Оранжевая струя ударила в центральную собаку. В морду, почти в глаз. Наверное, от пули эффект был бы примерно таким же. Пес сдох. Только что бежал и молча ткнулся в мох, свалился на бок. Не сдох, конечно, отрубился просто, но все равно, впечатляет. От скунса и люди-то некоторые отрубаются, что о собаках говорить. Петр собирался даже скунсомет сделать, чтобы ото всех, кто ходит, отбиваться, но потом передумал — стрелять получится только в противогазе, неудобно. И таскать за спиной баллон со скунсом... Тоже не очень приятно.

Остальные собаки сломались. Вот они яростно летели на меня, и все точно на стену наткнулись. Стояли, брехали, но в отдалении, не переступая за невидимую черту. Говорили, что хороший скунс может остановить даже волкера, не знаю, я не пробовал. Псов остановил.

Я поднял карабин, зарядил.

Псы были не очень уж и тупые, поняли, что к чему, растворились в тумане. Я подобрал секиру и топор и стал ждать. Почему-то мне думалось, что это не все. Остались. И готовятся, друзья человека...

Грохот. На севере, что-то тяжелое, видимо, дом обрушился или еще что, через несколько секунд листья стали падать сильнее. Они появлялись сверху, из ниоткуда, деревья были не видны, только синеватый дым, что-то меня в последнее время на красоту тянет.

Грустно. Меня тут сожрать пытаются, а мне грустно, на листья смотрю.

Визг. Я не стрелял, а визг — может, в капкан попал... Хотя какие здесь капканы...

Пес взвизгнул сильнее. Замолчал. А потом повизгивание возобновилось, но уже в другом месте. Он отбежал. Видимо, вожак его хорошенько...

Стоп.

Стоп, стоп, стоп.

Кладбище. Если судить по карте, то большое, больше километра в ширину и почти три в длину, огромное кладбище, много раньше было людей, везде одни люди. Однажды мы раскопали небольшое кладбище, недалеко от нас, совсем крохотное. С научными целями. В три слоя. И это только свежие. Раскапывали и ругались — когда мир был еще в силе, возник совершенно вредный обычай натирать покойников укрепляющим составом. Наверное, раньше это казалось каким-то благом, хотя я лично не могу понять, в чем. Хорошего в том, что труп будет лежать под землей в почти невредимом состоянии, я не нахожу, от этого радости вообще никакой — ни трупу, ни тем более живым. Но так вот вдруг повелось. А мы теперь расхлебывай. Из-за недостатка же местности закапывали друг на друге, упорно считая, что закапывать лучше, чем сжигать.

А мы теперь вот воем.

На этом же кладбище покойников должно быть вообще несусветное количество. Земля здесь довольно рыхлая, не глина, раскапывать легко. Псы, как я успел заметить, приземистые, такие как раз рыть любят, лапы короткие...

Я это к тому, что жратвы много. Даже если только верхний слой разгребать. И жратва легкая. С чего тогда они напали? Защита территории? По-другому действовали бы, сначала бы попытались прогнать нас лаем. Показались бы всей стаей, шли бы следом, тявкали, рычали, брызгали слюной, но не нападали.

Жрать они не хотели, прогнать они нас не хотели, что тогда...

Вожак.

Отлично.

Так всегда и получается. В конце всегда вожак. Один на один. Что может быть лучше?

Я ждал.

Здоровенного пса. Высокого, в полтора метра, с черной шерстью, мощными лапами, с пастью, исполненной зубов. С глазами, красными, дикими и яростными.

Ждал.

Псы не появлялись. Молчали, никакой переключки, никаких скрипов. Я шагнул в туман. Несколько шагов вперед, направо, налево.

Навстречу мне выступали холмы, деревья, поросшие мхом, кресты, листья, в левой руке я сжимал карабин, в правой секиру, ждал нападения.

Но нападения не происходило. Я их даже не слышал. Они могли разбежаться, спрятаться, забиться в свои норы и в корни, но я почему-то знал, что они не забились.

Из-за вожака. Я отдал ему лапу, вряд ли он мне это простит. То, что псы не набрасывались на меня, означало одно — вожак разумен. В какой-то степени. Разум, любой разум, мстителен. Вожак должен отомстить, просто обязан. Поставить меня на место. Иначе он не останется вожаком.

Но он медлил. Не нападал. Ждал. Выбирал момент. Или даже по-другому, наслаждался моментом.

Ну и я наслаждался.

Насвистывать начал. Мелодий я особо не знал, просто свистел, кое-как

Ничего. Никого...

Треснула ветка. Прямо по курсу. Ага.

Нет, не вожак, он не стал бы действовать настолько глупо, вожак где-то далеко, наблюдает.

Я вскинул карабин. Конечно, я не собирался стрелять, но...

Кстати, как они видят в этом? Хотя им и видеть не надо, у них же нюх. Они чувствуют.

Скунс! Я брызнул скунсом, и они, наверное, сходят с ума от этой вони. Остальные псы разбежались, оглушенные скунсом, но только не вожак. Он, само собой, тоже оглушен, его мозг наполовину состоит из нюхательных приспособлений, он думает через них.

Ничего, он решится, он не разочарует меня, и я привешу его голову к поясу, а тушу набью соломой и сухими листьями.

Давай.

— Ну! — крикнул я. — Долго тебя ждать?!

Мгла сжевала звук, вряд ли мои слова разлетелись дальше, чем на пятьдесят метров.

Ничего. Умен. Знает, что карабин — это смерть. Ладно, поиграем.

Я спрятал оружие за спину. Теперь только секира, шансы почти равны. У него даже больше — он меня чувствует, а я его нет. Я побрел вперед. Или направо. Не знаю куда. С секирой и свистом. По кладбищу, никогда не думал, что стану себя так вести, дикий город, в нем все сходит с ума. Хотя раньше люди, кажется, любили гулять по кладбищам — смотрели на все эти статуи с грустными глазами, на распятия, на деревья, на рябину, свисающую красными гроздьями, кладбища были велики, для тех, кто устал бродить по их печальным аллеям, ставили специальные скамейки и лотки с бутербродами. Люди покупали бутерброды, часть они ели сами, другую часть оставляли по традиции на могилах, а когда наступала ночь, туда приходили собаки. Тогда это были совсем разные собаки, одни большие, черные, рыжие и пегие, другие средние и бессмысленные, третьи вовсе маленькие, все эти разные собаки питались бутербродами, конфетами, жевали сигареты и печенье, они дружили между собой и отгоняли других, в результате чего получилась вот такая порода, кладбищенская.

Наверное, Курок прав. Ну, про собак.

Раньше люди любили собак, в квартирах часто встречаются их кости. Или фотографии, или картины, или глиняные статуи, но собаки уже тогда были неблагодарны, они сбегали от своих хозяев, жили на кладбищах, под мостами, а некоторые в метро. Шнырь рассказывал, что есть подземные собаки, он сам не видел, но слышал лай в дальних туннелях. Подземная собака, она от обычной собаки отличается здорово. У нее глаза в два раза больше, каждый глаз с кулак и светятся в самой распоследней темноте. Очень гибкий позвоночник — чтобы пролезать в самые узкие щели. Хвостов нет — прищемить нельзя, зато когти гораздо крепче — рыть землю. А еще эти собаки умеют дыхание надолго задерживать, потому что они не только по подземным тоннелям бродят, но еще и плавают по трубам, по ручьям, запрятанным в коллекторы, по подземным рекам, отчего шкура такой собаки ценится особо...

Эти дурацкие псы забрались мне в голову, что-то я стал много думать в последнее время, что опасно — тот, кто много думает, коротко живет.

Я почувствовал его. Взгляд. Присутствие. Не ясно где, вокруг, на секунду почудилось, что он на дереве, собака — и на дереве...

А с чего я решил, что он вообще собака?

А если... Если он... Доктор рассказывал про лабораторию. Где-то на Севере. Под землей, разумеется, все эти лаборатории под землей прятались и всегда рядом с реками, — чтобы в нужный момент залить все. В этой лаборатории учили морских дельфинов топить подводные лодки. А если в других лабораториях учили, допустим, собак? Учили-учили, и, может быть, некоторые собаки оказались умнее других. Перебили своих хозяев, вырвались на свободу, подчинили других собак и теперь живут здесь, питаются... Питаются всем, чем только придется. Трусами, случайными прохожими, жизнь устроенная, но скучная, а разум не терпит скуки.

Это я уже довоображал. Насчет разума.

Туман стал, кажется, гуще. Я не видел ничего уже в нескольких метрах. Хорошо бы сюда смерч. Когда не надо, они шныряют туда-сюда, когда нужен хоть один... в этом мареве я совершенно потерялся...

Вздых.

Впереди. Снял карабин. Можно выстрелить, но наверняка бесполезно, это ловушка.

Я выстрелил. Пусть решит, что я попался. Я стал неловко перезаряжать карабин, уронил банку с порохом, уронил шомпол.

Он приблизился. Я не услышал, почувствовал. Справа. Конечно же, он заметил, что я правша. Понял, что мне удобнее бить нападающего слева. А значит, напрыгает справа. Посмотрим. Посмотрим на друга человека, так когда-то собаку называли. Раньше друг, а сейчас не друг, сейчас вообще друзей не бывает.

Время натянулось и зазвенело, я почувствовал, что сейчас оно свершится, сейчас, вот в этот самый миг лопнут струны, и оно кинется на меня с распростертыми клыками, я ждал, интересно ведь проверить...

Показались. Сразу несколько.

Они ползли. Прижимаясь к земле, отворачивая морды. Чтобы не смотреть мне в глаза, обливаясь слюной, виляя хвостами, скуля и повизгивая. Я сделал шаг назад, и псы тут же завyli в испуге, заторопились и поползли скорее, и в метре от меня замерли, прижав головы к земле.

Их становилось все больше. Одинаковых, грязных и вонючих, покрытых паршой и шрамами, с кривыми гниющими лапами, с разбитыми глазами, они возникали из тумана, окружили меня живым и беспокойным шевелящимся кольцом.

Не знаю, что на меня накатило, никогда такого не случалось. Старею, наверное. Раньше я бы так никогда не поступил. Потому что это глупо. Бессмысленно и бесполезно в смысле выживания. Снял рюкзак В пластиковой банке хранились вяленые рыбы головы, Папе они теперь больше не понадобятся. Я стал разбрасывать головы, псы подбирали их, бережно, по очереди. Получившие угощение удалялись, их место занимали новые.

Затем я достал питательные кубики, сухари и ириски. Наверное, я отдал бы и сахар, только вот он был в песке, а не в кусках. Псы перекатывались, менялись, я не мог определить, кто из них кто, и среди них наверняка был и вожак. Определить не успел — из тумана со зверским криком вылетел Курок.

Собаки растаяли. Молча, секунда-другая и растворились, исчезли, оставив тяжелый трупный запах. Тишина.

— А! — еще раз проорал Курок.

Никого.

— Что это? — спросил он.

— Не знаю... Похоже... Сначала они бросались, потом вдруг отступили...

— Понятно все. Ты прибил их вожака. А у собак и прочей живности так уж заведено — кто прибил вожака, тот сам этим вожаком становится. Ты теперь предводитель этой своры!

Курок принялся хохотать.

А я чувствовал себя странно. Непонятно. Я даже не знал, что так бывает.

— Теперь они станут за тобой всегда бродить — вот всей этой стаей! Будут доставлять к твоей постели свежие кости, а ты будешь у них вычесывать блох, а они тебе будут щеночков приносить...

Ткнул его локтем. Несильно, но в шею.

Глава 7. Рижская эстакада

— Розами пахнет... — я понюхал воздух. — Слышишь?

— Это болотом воняет, — поправил Курок. — Болото высохло, вот и воняет.

— Да нет, это розы.

Курок запыхтел, вынюхивая. Что можно вынюхать, накурившись папиросок и нажевавшись табака?

— Похоже на розы, да, — Курок сплюнул. — Тем хуже, через колючки лезть придется. Кто-то говорил, что тут полно трейдеров, а?

Трейдеров не было. Сокольники выгорели полностью. По карте тут должен быть парк, ну, теперь уже лес, но ни парка, ни леса мы не встретили. Огненный ураган смел деревья,

сожрал кусты, оставив за собой черную пустоту, над которой возвышались искореженные железные конструкции. Жить здесь теперь нельзя, и никто здесь и не жил, разве что самые расползшиеся твари.

— Все выгорело, — сказал я. — Торговцы ушли...

— А вон колесо обгорения! — указал пальцем Курок. — Видишь, то, расгоренное? Я про него в книжке читал. Только оно красивое еще было, разноцветное...

— Колесо обгорения, — поправил я. — С него территорию обгоревали.

— Не, — возразил Курок. — Его как наказание применяли, очевидцы рассказывали. Сажали в люльку, привязывали и катали, пока человек не обгоревал до такой степени, что вниз выбрасывался, лишь бы больше не крутиться. На нем до смерти закатывали.

Я подумал, что, может быть, так оно и есть. Сначала то есть было колесо обгорения, потом сделалось колесо обгорения, одно другому не мешает, и в нашем мире все через колесо.

— Закатывали, — сказал Курок. — И в метро раньше тоже закатывали. Да меня и сейчас едва не закатали, в бочку. Два года назад, знаешь Варяга? Мы с ним...

— Не болтать, — приказал я. — Шагаем скорее.

— У меня развязалось все, — остановился Курок, — все, я не способен скорее. Потому что я дурак. Знаешь, мама рассказывала, что моего дедушку на колесе обгорения закатали...

Да уж.

К полудню, когда солнце вывесилось уже над головами, мы вышли к эстакаде. Мгла расплзалась по сторонам особенно густо, почти ничего не видно, наткнулись на круглую колонну.

Я думал, что эстакада — это что-то... Ну не знаю, есть в слове эстакада некое величие, а как увидели. Обычная дорога, только на столбах, как бы висячая. Никаких лестниц, пандусов и других приспособлений для вскарабкивания, справа видны ржавые грузовые вагоны, проросшие чертополохом. Двинулись налево вдоль, обходя ржавые машины, кучи мусора и широкие масляные лужи. Не очень хорошее место, неприятное, обрывков много — с этой эстакады свисало слишком много то ли веревок, то ли тросов, я немедленно представил, что на этих тросах болтаются повешенные. Хотя, может быть, так оно и случилось когда-то. Китайцы поднажали, а потом их здесь перевешали. В назидание. Мимо электрические поезда бегут, а пассажиры назидательно любуются трупами негодяев. А может, раньше погань вешали, чтобы люди знакомились, с кем следует бороться.

— Давай не полезем? — спросил Курок, поглядев на эти веревки. — А вдруг я повешусь?

— Полезем, — возразил я. — Для этого есть две причины... Какие, кстати?

— Ну... — Курок почесал лоб. — Ну, первая причина понятна. Железнодорожные пути, вагоны, мало ли тут чего... Даже наверняка. Наверняка какая-нибудь погань притаилась. Во-вторых, там...

Он указал на мост.

— Там наверняка живут. Какие-нибудь говноиды трехсторонние. Место слишком удобное. А если живут, то можно оружие для меня поискать. И одежду, куртка совсем изорвалась, хоть в люк прыгай.

— Молодец, — похвалил я. — Все правильно. Учишься думать. Это тебе не в телескоп смотреть.

— Я и так умею, — огрызнулся Курок.

— Ты умеешь думать мозгом. А надо уметь думать...

— Чем? — ехидно осведомился Курок.

Я не стал отвечать на глупый вопрос. Думать надо руками, думать надо ногами, глазами, то есть непосредственными органами. Мозгом думать надо в спокойной обстановке, перед сном или ночью, а если ты включаешь мозг в работу рук или ног, ты здорово замедляешь время отклика. Руки делают — мозг осмысливает, вот основной принцип. В стрельбе тоже. Стрелять надо быстро. Если начинаешь выцеливать, подключать голову,

высчитывать дыхание, то, скорее всего, промажешь. Наверняка промажешь. При стрельбе думают глаз и руки.

— На мостах вообще часто разные уроды живут, — сказал Курок — Я про этих тоже... Слышал. Там собаки, тут психи. Нам куда?

— Нам в ту сторону, — указал я.

— Понятно. Слышь, а это хорошая идея — собак завести. Вместо кошки. Если их как следует натаскать, они могут пользу приносить...

Через пять подпорочных столбов обнаружили, что эстакада обрывается. Столбы еще стояли, а дорога совсем провалилась. Зато лестница была. Связанная из тросов и обрезков труб, скатанная валиком, высоко, предусмотрительно.

— Не достать... — облегченно вздохнул Курок. — Кошкой надо. Дай-ка я, разомну мускулатуру...

Я выдал Курку кошку, он с первого раза забросил ее на лесенку, дернуть собрался.

— Не, — поймал его за руку. — Неправильно. А ну-ка отлезь...

Курок послушно отодвинулся.

Я дернул, прыгнул в сторону. Лестница не развернулась. Вместо нее вниз обрушились заточенные штыри, острые камни, какая-то другая мерзость.

— Вот так, — сказал я.

— Надо другую искать.

— Надо. Где-то есть еще одна, запасная...

Запасную нашли скоро, с маскировкой у здешних явные проблемы. Лестница была срезана больше, чем вполовину, торчала высоко, допрыгнуть никак Я сделал из рук ступеньку, Курок влез на нее, поскользнулся, конечно, растянулся со шмяком, то ли голова, то ли кости. По асфальту покатила круглая штука, блестящее кольцо белого цвета с камнями. Сначала я не понял, что, ну, кольцо и кольцо.

— Это откуда?

— Оттуда. Там нашел... — Курок дернул головой. — Там, в могиле... Я провалился и рукой в него как раз и попал... Чтоб мозги у меня провалились, пожадничал, честное слово!

Я осторожно подошел к кольцу, достал нож, поддел кругляк на кончик.

— Красивая штука, — облизнулся Курок — Браслет. Сколько лет под землей провалялся — и не заржавел даже. Из золота, наверное. А камни... Бриллианты. Точно бриллианты.

— Это же с мертвеца.

— Ну да, с мертвеца. Знаю, знаю, с мертвеца украшения нельзя снимать — это не к добру. Но я и не снимал! Оно само мне на руку напялилось. Вот так

Курок надел на руку браслет, камни сверкнули, причем совершенно ослепительно, дикой радугой.

— Жаль выкинуть, — вздохнул Курок. — Ты Локтева знаешь?

— Ну, знаю.

Локтев — смешной, фокусы умеет делать, крысу из кепки достает, стекло ест, одним словом, человек интересный.

— Локтев ремень откапывал, хотел варенья наделать. Копал корни, наткнулся на труп с медальоном, снял. Утром снял, а через два дня сучья грыжа на нем вскочила!

Курок полюбовался браслетом.

— Кто вверх полезет? Знаешь, раньше женщин вперед пропускали. Это потому что раньше их много водилось. Так много, что девать некуда. Поэтому их первыми и совали, для проверки.

— Лезь давай.

Подкинул Курка до лестницы, он замер на секунду, затем быстро пополз по ступеням.

Я огляделся, убедился, что все спокойно, подпрыгнул и вскарабкался вверх на руках, для общей разминки организма.

Граница. Рижская эстакада проходила прямо по границе. С одной стороны Восток, с

другой Запад. А отличий вроде бы нет.

— Ну и помойка... — плюнул Курок. — С другой стороны, у нас везде помойка. Хотя здесь что-то выдающееся.

Да уж, замусоренность эстакады серьезно превышала обычную городскую замусоренность, сразу было видно, что здесь люди живут долго и широко.

Мусор. Горы, холмы этого мусора. Бутылки. Никогда не видел столько пластиковых бутылок. Как больших, многолитровых, так и совсем маленьких. Бутылки возвышались горками, они были связаны в гирлянды, были спаяны в кубы, серьезные запасы.

— Я же говорил, — Курок усмехнулся. — Тут психи. Зачем нормальному человеку столько бутылок?

— Да мало ли...

Я снял с плеча карабин.

— Точно психи, — зловеще и с удовольствием прошептал Курок — Психи — они в два раза сильнее, им сразу в голову надо стрелять. Помнишь Ослябю? У него отец был настоящим психом! Однажды он... Вон! Вон он!

Рыбак. На краю эстакады сидел человек с удочкой. Сначала я принял его за пугало, потом увидел, что пугало шевелится.

— Сумасшедший, — прошептал Курок. — Настоящий...

Закрыв на секунду глаза и тут же стал рассказывать:

— Я читал. Раньше тут дурдома строили, вдоль всего Кольца. Психи сидели возле окон, смотрели на едушие по дороге машины и от этого очень успокаивались. Когда китайское бешенство началось, то сначала его лечить пробовали и всех заразившихся сажали в дурдома, а они все сбежали в эти твои Сокольники...

Рыбак дернул удочку, стал подматывать катушку.

— Ничего не поймал, — прошептал Курок — Не ловится рыба-то, не клюет...

И как бы невзначай коснулся виска.

— Рискну предположить, что у него мозг выели, — продолжал Курок. — Пришельцы мозги любят... Вот он и ловит. А там внизу одни вагоны, там рыба совсем не водится...

Рыбак заметил нас. Замер, заоглядывался. Я поднял руки, ладонями к нему.

— Осторожно, — посоветовал Курок, — а то он подумает, что ты ему в плен сдаешься, потом палкой не отгонишь...

— Эй! — позвал я. — Дядя, подойти можно?

Рыбак напрягся. Я уж испугался, что он сейчас выхватит что-нибудь скорострельное, но он тоже, всего лишь помахал рукой. Но как-то медленно, варено.

— Смотри, какой заторможенный! — прошептал Курок. — Это потому, что мозга нет...

— Замолчи ты.

Мы подошли ближе. Натуральный рыбак. Удочка длинная, катушка, поплавков — даже поплавков, точно псих, опасаться надо, особенно в полнолуние.

— А мы тут мимо идем... — сказал я. — Решили к вам вот заглянуть, проведать...

— Проведать... — повторил рыбак как-то равнодушно.

— Да, проведать, — встрял Курок. — Мы сами из этих краев, у меня тут мама булавкой подавилась, а дедушка электричеством лечился.

— А вы все на этом мосту живете? — спросил я.

— Все? А ну да, живем... Тут тихо. Паровозы поют...

Курок поглядел на меня выразительно.

— Ну да, — согласился я, — иногда они безобразничают. Нам бы старшего вашего повидать? Как?

— Старший Командор, он там, — рыбак махнул рукой в дым.

Мгла утратила однородность, теперь казалось, что она ожила, она переползала через мост огромным червем, почти как живая. Неприятно.

— На север пошла, — сказал рыбак.

— Кто? — не понял я.

— Мреть, — рыбак указал пальцем.

Мреть так мреть, хотя слово само по себе неприятное. На мречь похоже. Туман все перебирался и перебирался, дымом запахло сильнее, и электричеством еще.

— Погода теперь испортится, — с грустью сказал рыбак. — Давление шалит.

И тут у него клюнуло. Поплавок, висящий в воздухе, дернулся, леску повело, рыбак подсек и потянул. И тут же внизу запищало злобным противным голосом.

— Я предупреждал, — сказал Курок.

Рыбак крутил катушку, сматывал леску. Рыба продолжала визжать. Я подумал — а вдруг на самом деле рыба? Вполне себе рыбная, прозрачный сомик или светящийся окунь?

Но рыбак вытащил крысу. Серую и жирную.

Курок охнул. Рыбак же надел на правую руку кольчужную крагу, подхватил крысу, хряпнул башкой о бетонный парапет. Крыса не сдавалась, удар ее ничуть не оглушил, она изловчилась и впилась в кольчужные кольца. Рыбак стукнул еще. Крыса сдохла. Рыбак снял ее с крючка, кинул в ведро.

— Хорошо берут, — сказал он. — На опарыша.

Курок пробурлил животом, затошнило его, несчастного. Оно понятно, крыс он никогда не пробовал, наверное, питался чисто. А меня не затошнило. Вообще я не предполагал, что крыс можно на удочку. Мы крысоловку специальную использовали, бочку железную. Брали протухшее сало, намазывали им бочку изнутри и дырки делали. Непростые дырки, с особыми заусеницами. То есть внутрь залезть просто, а обратно уже не выберешься. А крысы жадные и тупые, иногда по полбочки набивалось, прежде чем они понимали, что к чему. Это раньше крысы были умными животными, которые сразу все понимали и даже вроде как приручались. Теперь нет. Озверели. Отупели, только жрать хотят, никакой духовной жизни.

Но вкусные. Не знаю, как первобытные, а нынешние ничего, вполне. Надо только уметь готовить. Вот Старая Шура с крысами хорошо разбиралась, бывало, наловим, почистим, ей принесем, а она холодец варит. Целый день, чтобы веществ питательных больше выделилось. Потом ночью все это варево застывает, а утром уже ножом просто резать. Или струной. Студень что надо, главное, хвосты откидывать.

— Место хорошее, прикормленное, — рыбак насадил на крючок кусок белой дряни, закинул вниз. — Да и давление...

— Зачем бутылки? — спросил я.

Рыбак ухмыльнулся.

— Первая Вода была, — он загнул обрезанный палец. — Вторая Вода была, — загнул еще палец. — Третьей Воды не миновать. На них спасусь.

— На бутылках? — уточнил я.

Рыбак кивнул.

— Ясно.

Рыбак улыбнулся. Зубов нет, штуки две всего.

— Кто еще тут есть? — спросил Курок. — Оружие можно найти? Есть такие электрические винтовки...

— Там, — махнул рыбак вдоль магистрали. — Идите, идите... Там щели, их перепрыгивать надо...

Ясно, что рыбак тут не главный. Направились дальше. Почти сразу наткнулись на щель. На трещину. Эстакада проседала, покрывающий ее сверху асфальт лопнул, и открылся проем метра в полтора.

Никаких мостков через провал не предусматривалось, поэтому я перепрыгнул, Курок тоже, хотя и с бранью.

Из мглы проступила хижина, выстроенная из жести, я взгляделся и понял, что это автомобильные капоты, такая жестяная избушка. Сверху пластик. Возле стены стоял сплетенный из проволоки диван. Самый настоящий, только из проволоки, сколько терпения

надо, чтобы связать? Хотя у психов, кажется, терпение как раз очень развито...

Бутылок вокруг тоже немало, запасы. В некоторых бутылках сидели вяленые крысы, в других какие-то причудливые, похожие на волосатые пальцы корни, в третьих вода, но не простая, а мутная, видимо, целебная. Тазы, железные баки, стулья, изобилие железных стульев.

На самой хижине красовались рога. Три пары, или три штуки. Одни явно лосиные, широкие и бестолковые, я такие встречал в лесах, другие потоньше, видимо олени, такие я видал на картинках, и третьи, незнакомые. Злые рога, слишком много острых отростков, у обычных животных подобные рога на голове не произрастают. На этих третьих рогах болтались многочисленные колокольчики, ленточки и блестящие золотые пружинки, украшенные рога.

— Рога, — кивнул Курок. — Они рога носят, мне про такое рассказывали — армия Рогоносцев...

Я пнул жестяную ванну, она откликнулась задумчивым громом. Хижина дрогнула и даже как-то сместилась, затем капоты раздвинулись, и появился человек.

С кувалдой.

Большой человек, толстый, вернее. Никогда хотя бы вполтину такого не видел. Пузатого видел, тогда, со слизнем, забыл, как его зовут, он лягушек жрал, а потом его сожрали. А чтобы толстого...

У нас все средние. Высокие для нашей жизни совсем не подходят, слишком выставляются. Слишком плохо пролазят. Много разных слишком. Крупные тоже. И пролазят, и бегают не очень. Поэтому остались средние и мельче. Нет, здоровенные тоже иногда попадают, но не толстые.

Толстяк уставился враждебно на меня. На Курка внимания не обратил. Зато Курок на него обратил.

— Теперь я знаю, почему человечество голодает, — сказал он довольно громко.

Человек с кувалдой шагнул вперед, скрипнув челюстями.

— Прекрати!

Властный голос. Есть голоса, которым хочется подчиняться, у Гомера был такой. Сразу видно, кто.

Из-за хижины появился главный. Я его сразу узнал. Человек улыбнулся, и я удивился — у него были удивительно белые зубы, белые до ненастоящести, такие зубы могут быть только у старшего. Вообще у главности несколько признаков, в том числе и зубы.

— Меня зовут Командор, — сказал белозубый и улыбнулся еще раз.

Глава 8. Утро

— Не нравится мне здесь, — сказал Курок.

Он повернулся на бок и стал смотреть в щель.

— Не нравится, — Курок потер глаз. — Оружия не дали, едят водоросли, крыс. Крысоеды.

— Командор сказал, что нет оружия.

— Ага, нет. Ты в своей жизни кого-нибудь видел, кто без оружия бы ходил?

— Да.

Вообще-то мне тоже не очень верилось. Конечно, на эстакаду так просто не взобраться, но все равно. Оружие должно быть. Даже у психов. Хотя у психов свои порядки.

— Я тоже не видел, — Курок глядел в щель. — Оружия У них нет, снаряжения нет, одни крысы вяленые. Разве можно жить на вяленых крысах? Вот и я о том же. Нервные какие-то...

Это правда. Нервные. Я вчера тоже отметил. Пытался поговорить, повыспрашивать, не видели ли чужака — никто не ответил. Шарахались. Будто человека никогда не встречали.

— Девки чумазые, — сокрушался Курок. — Грязные, точно специально перемазались.

Воняют, в прыщах. Тоже от крыс, наверное. Прыщи — это от крыс. А тот, кто бобрами питается, у того фурункулы. И пляшут.

Курок хихикнул.

Пляски эти меня тоже удивили. Вечером, едва стемнело, собрались, развели костер и стали дружно вокруг ходить с каким-то глухим гудением.

Командора видно не было, зато толстяк с кувалдой присутствовал. То есть присутствовал он совсем не с кувалдой, а с рогами. В плаще со множеством бубенчиков, с рогами, торчавшими из-за спины, с большим бубном. Рогатый клекотал горлом, бил в бубен и подпрыгивал.

К костру вывели мелкую девку, стали ее увешивать блестками, цветами и поливать светящейся водой. А девка хохотала.

Секта, точно секта. Рога, бубен, пляски и поганые песнопения, поливания светящейся водой, очень хотелось выйти и навести порядок, но Курок меня удержал, весьма здраво заметив, что порядок можно вполне навести и на обратном пути. Сейчас сделаем вид, что не заметили, а потом огнем и мечом.

Я согласился. Да они и недолго бесновались, так, побесновались-побесновались, да и разошлись. Один рогатый остался, бродил туда-сюда, бухал. Омерзительное зрелище.

— Рогатый этот меня удручает, — сказал Курок — Возле нашей лачуги полночи простоял, подслушивал. Слышь, Дэв, надо было этого Командора взять за кадык, быстро оружие бы нашел. Даже ботинок не дали, что за люди?

— Да уж. Я спрашивал про чужого, они его...

— Не видели, — закончил Курок

— Да, не видели.

— Тут ничего удивительного. Они и про нас то же самое скажут. Никого не видели, ничего не слышали. Крысы, однако...

Выстрел.

Я rozpoзнаю выстрел даже во сне. Обрез. Скорее всего «свин», двустволка двенадцатая, распространенное оружие.

Скатился на пол уже с карабином. Курок тоже скатился с лежанки и теперь выглядывал из-за ящичков, выставлял перед собой секиру. Убийца. Астроном. Астроном-убийца.

Еще выстрел. Кто-то завизжал, за стенами началась суета, даже не суета, мелкая паника. Стреляли снаружи, снизу. Зачем?

Дотянулся до куртки, надел, застегнулся.

— Ну, вот и они... — недовольно прошептал Курок. — Они тут, а я без оружия. Почти голый и душевно расстроенный...

Ясно было, что они. Какие-то очередные мерзавцы. Бомберы. Рейдеры. Мразь разная, приличные люди не стали бы стрелять, приличные люди в свисток посвистели бы, значит, мразь. Стал зашнуровывать ботинки. Потом перешнуровывать, не хотелось выходить, с утра — и сразу стрельба, а мне не двенадцать лет уже, между прочим.

— Там! — крикнули за дверью. — Пришли!

— Там пришли, — сказал Курок, кивнул на дверь.

— Там пришли, понятно, — почесался я, достал блохоловку.

Блох у меня, конечно, нет, давно нет, но блохоловку я не оставляю, ношу. В память о Гомере, она у меня всегда рядом с сердцем.

— Ты чего?

Я стал проверять состояние прибора. Раскрыл, как старые часы, смотрел внутрь, изучал.

— Ты чего?! — поразился Курок.

— Блох нет, — сказал я.

— Что?

— Блох, говорю, нет, гигиена повышенная. Но могут появиться — далеко идем. Ты как к блохам относишься?

Курок окоченел так немного, рот открыл.

— Блохи — это да... Правда, что блоха девок больше любит?

— Ага, — подтвердил я. — Девки слаще.

Курок хихикнул.

— Шкура тоньше, кусаться проще.

— Надо Серафиме подкинуть, — ухмыльнулся Курок.

Бамц! Выстрелили еще. Кто-то уже завыл, баба какая-то.

— А эти все стреляют... Может, посмотрим?

— Посмотрим. Разберемся.

Взял топор, взял секиру.

— А мушкет? — спросил Курок

— Всеу свое время...

Карабин не пойдет. Если я покажусь с карабином... Слишком много домов вокруг. Наверняка наблюдатели есть. Значит, пока без огнестрела, значит, топоры. Прицепил топоры, поднялся. Шлем... Шлем тоже оставил, чтобы не очень выделяться. Курок приложил ухо к стене, другое заткнул пальцем.

— Двое, — сказал он через минуту. — Требуют... Да что ж так орет-то... Девку требуют.

— Девку?

— Да, кажется... Ясно... Надо их застрелить. Курок оторвался от стены, потер ухо.

— Пристрели их, Дэв.

— А снайпер?

— Там нет снайпера...

— Там есть. Если не снайпер, то наблюдатель, это же понятно. Хотя... Что ты предлагаешь?

— Просто, — Курок потер другое ухо. — Пристрели всех трех.

— А потом?

— Потом оборону организовать, отбиваться... Никакого тактического мышления. А Япет еще бить их запрещает. Вот сейчас очень, например, хотелось треснуть... Поздно уже, Курок старше меня, наверное, астроном бестолковый.

Но я сдержался. Астрономы нам нужны.

— Какая оборона? Какое отбиваться? Ты вокруг смотрел? Вокруг высоты. Перестреляют только так, какая оборона...

— А если они уже там? — спросил Курок. — Сидят, целятся. Тогда что?

— Вряд ли. Если отряд большой, в доме неудобно останавливаться. Все по разным квартирам, атаман не видит, что бойцы делают. Нет, они где-то за станицей. Значит, слушай приказ. Сидеть здесь.

— Но...

— Здесь, — оборвал я. — Ясно?

— Ясно.

Курок кивнул.

Я вышел на воздух.

Погода благоприятствовала. Гарь средней непроницаемости, хорошо просматривались только ближние дома, метров за пятьсот висела плотная серая тряпка. Солнце при этом светило достаточно ярко. Хорошее солнце, хотя несколько и красноватого оттенка, пойдет.

Опрокинутые ящики с рассадой, растоптанные помидоры, бутылки вокруг стеклянные, другой мусор.

Я потянулся, стараясь при этом осмотреть как можно больше окон. Никого.

Командор. Мрачный. Сидел на камне. Местное отребье тащило девку, мелкую совсем. Девка упиралась и визжала, сопротивлялась. Вчерашняя. Та, которую вечером поливали, а она хохотала громко.

Несколько крысоедов держали довольно толстую бабу, мать, наверное. Баба старалась

вырваться.

Я подсел к Командору.

— Их там действительно двое?

— Что?

— Двое пришли?

Командор кивнул.

— В который раз приходят?

— В четвертый.

— И вы терпите?

Командор промолчал.

— Терпила...

— Неизбежное зло, — вздохнул Командор. — Мы очень неудачно расположены. Конечно, здесь мы защищены от мерзости. Но вот люди...

— Одни и те же приходят? — перебил я.

— Ага.

— Девчонок потом возвращают?

— Нет... Не всех...

Мне захотелось этих эстакадников перестрелять. Или лучше покидать их всех вниз, к этим. Но я успокоился. Вспомнил, кто тут живет. Психи, потомки психов, психи в третьем поколении, с рогами скачут, с них даже взять нечего.

Кто-то скинул веревочную лестницу. Девчонка заорала. Снизу захохотали. Командор отвернулся.

Я осматривался по сторонам. Соседние дома. Высокие. Где-то должен быть наблюдатель. С биноклем. В окне или на балконе. Солнце за нас, ему прямо в глаза светит, проблеснет, никуда не денется.

— Понимаешь, мы мирная община... У нас нет оружия, и мы его не хотим...

Командор достал из-за ворота пачку пачки.

— Это древний знак мира, он у всех, у тебя, наверное, тоже... Да и нельзя нам оружия. Представь, оружие у нас...

— Оружие должно быть у всех, — сказал я. — Без оружия человек легко становится добычей.

— Все так устроено, мир так устроен. Человек всегда становится добычей...

Плохой этот Командор. Хотя, наверное, среди них он вполне командористый, голос, зубы...

— Человек — не добыча, — сказал я. — Он хищник. Он говорит, все повинуются.

Крысолюбы подволокли сопливаю к краю. Вчерашний вечерний рогач достал бутылку с темным настоем и стал вливать девке в рот. Она уже не шибко сопротивлялась, устала.

Снизу загигикали. Снова пальнули.

Сверк. Второй правый дом, четырнадцатый уровень, этаж то есть. Высоко забрался. Хороший бинокль, знатно бликует. Предусмотрительные.

Я встал, потянулся, хрустнул плечами.

— Ты куда? — с тревогой спросил Командор.

— Погуляю...

Девчонка совсем уже расплзлась, видимо, хорошо опои, обогнул их справа. Наклонился, повозил ладони по земле, стряхнул о куртку. Подошел к краю эстакады. Выглянул.

Так и есть, двое. Один с обрезом, у другого штурмовик старый. Облезлые. Бродяжного вида. Ублюдочного. Парша на морде, язвы.

Странно. Вот мир осыпался, погань повылезала, надо, казалось бы, объединиться и разобраться. Нет, в горло друг другу. Но с другой стороны, это и ничего, разом избавимся, и от тех, и от этих.

— Эй... — позвал Командор. — Ты что...

Дальше все было быстро. Высунулся, швырнул, перекинул, высунулся, швырнул.

Первым удачно попал, в того, со штурмовкой. Рядом с шеей, он сразу повалился. Второй оказался шустрым, отскочил, в плечо я промазал. По голове попал. Касчонка у него кое-какая напаялена была, удар смягчила, но на ногах не устоял, завалился и уже с земли стрельнул.

Сразу с обоих стволов. Совсем мимо.

Я перескочил через парапет, упал на лестницу, съехал вниз.

Один прочно успокоился, другой...

Другой поднялся. Покачиваясь. Морда в крови. Потянулся, поганец, к патронам, но я уже поднял топорик.

Тогда он бросил обрез и побежал. Зря это он, конечно. Но мне жалко не было ничуть. Вот топор об эту дрянь пачкать жалко. Из штурмовки стрелять нельзя, вполне может быть эти договорились, ну, что из обреза если стреляют — это все в порядке, а если из винтовки начнут, то опасность.

Тогда я подобрал «свина». Убогий обрез, короткий слишком, несбалансированный. Из такого только в упор. Проволокой разноцветной опутан, бисер. Двенадцатый. Двенадцатый для обрезов первый калибр, ну, шестнадцатый еще, и очень редко восьмой. У меня в патронташе каждого по два патрона, на всякий случай, много у нас любителей обрезов.

Зарядил сразу два.

Хитро этот бежал, зигзаги выписывал. Только местность была особо не раззигзагишься, первая пуля чирканула по плечу, вторая уже попала точно в спину. Больше не посмеется.

Обернулся.

В доме снова сверкнул бинокль. Стоит поторопиться.

Я дернул к дому.

Вообще, я неплохо бегаю. Раньше мог бежать, наверное, целый день, теперь, конечно, нет. Расслабился и разжирел, но все равно, на Варшавской со мной вряд ли кто потягается, куда этой немощи. До нужного дома ноздрей доплюнуть, я добежал до него меньше чем за две минуты, до ста не успел досчитать.

Дом был с одним входом, типа башня, раньше много башен настроили, сэкономили землю. Уровней тридцать, не меньше, я прибрал дыхание и вошел.

Светло. Новая архитектура, очень много света внутри — могли ли вот тогда представить, что люди в трубах будут жить? И крысами питаться.

Послушал. По лестнице гремели шаги, наблюдатель катился вниз, бедняга.

Винтовка стояла у стены, рядом с батареей. Тоже штурмовик, тоже древний, тяжелый, с длинным кривым магазином. Я чуть не рассмеялся. Нет, глупость человеческая... Этот дурак поленился вверх тащить оружие — внизу его оставил. Конечно, у него наверняка там есть какая-нибудь фукалка, но ею сколько ни стреляй, свои не услышат. Совсем никакого сопротивления, сволочи, не ожидали. Видимо.

Я убрал винтовку, сам спрятался под лестницей, стал ждать.

Этот спешил. Торопился, перепрыгивал через ступени.

Свалился вниз, кинулся к оружию...

— Привет, — сказал я.

Он обернулся.

Глаза. Сначала я даже решил, что это не глаза, а очки такие выпуклые, шуточные, я видел у Шныря — нажимаешь, а глаза отстреливаются, смешно вообще. Но он моргнул, и я понял, что это вполне настоящие зраки, просто вспученные. Может, мозг большой, а может, пугали в детстве.

Пучик, сразу в голове почему-то возникло.

Я хотел спросить — хочет ли жить, но не успел, этот выхватил нож и кинулся на меня.

Ну и я свой успел.

По ножам я не мастер. Зачем? С поганью ножом не очень удобно, врага на расстояние ножевого удара лучше вообще не подпускать. Этот тоже не большой знаток был — бил

сверху. Подставил левую руку, правой в морду ему, сбоку.

Покатился, нож выронил, вскочил.

Тут я увидел только. Молодой совсем, с меня, наверное. Может, еще моложе. Сопля из носа.

— Погоди...

Но он уже побежал. Но не на улицу, а обратно, вверх, по лестнице. С таким же грохотом. И что-то щелкнуло за ухом, не знаю, рванул я за ним.

Наверное, это была самая глупая моя погоня. Вертикальная. Этажи летели, через две ступеньки перепрыгивал, потом через три. Где-то на пятнадцатом он запустил в меня кирпичом. На девятнадцатом почти догнал, он сбился, упал, отпинался. После чего, видимо, с перепугу, ускорился, бежал со всхлипом, бешено.

Встретились на тридцатом.

Дверь на чердак оказалась закрыта, он стоял, привалившись спиной, дышал, глядел исподлобья. В руке штырь. Длинный, трехгранный, с пластиковой рукояткой, наверное, из байонета старинного сделан. Опасная вещь, при умелом обращении может насквозь пробить.

— Ладно, — сказал я. — Ладно, успокойся... Я тебя отпущу, а?

Он своими глазами пошевелил как-то, а может, это мозгом пошевелил, а глаза вдогонку пошевелились.

— Отпущу, — повторил я. — Ты мне не нужен...

Он попытался ткнуть меня этим штырем. Шустро, едва в сторону успел убраться, зацепил за куртку, развернул, направил в стену, а затем рывком уронил на пол, придавил локтем горло.

— Все... — прохрипел он. — Все, все...

Но я не спешил его отпускать, попридушил еще немного, для порядка, чтобы не дрыгался.

Поднялся.

— Где они?

— Кто?

Я тут же треснул его по уху.

— Где они?! Говори, а то вниз запущу!

— Там! — Пучик указал. — Там, на вокзале! Тут рядом...

— Ясно.

Я слез с Пучика.

— Проводишь меня. До вокзала.

— Они меня...

— Проводишь!

По уху, по ушам очень удобно бить, вразумляет.

— Ладно! Ладно, я отведу!

— Вот и правильно, — я улыбнулся. — Сейчас мы спустимся, и если ты дернешься... У меня совсем нет никакого терпения, вчера мне на ногу наступил родной дядя, а я сбросил его в люк... тьфу. Пристрелил, как собаку... А давай-ка я тебе руки свяжу.

Я отодрал со стены кабель, еще раз влупил Пучику по голове — для оглушения, и связал ему руки за спиной. Выдернул на ноги и погнал вниз по лестнице. На первом этаже подобрал винтовку, завязал Пучику глаза и пообещал:

— Дернешься — убью.

Вернулся к эстакаде. Уронил Пучика лицом вниз.

Крысолюбы собрались вдоль парапета, смотрели. Молча. Я помахал им рукой.

— Ты что наделал... — сказал отчетливо Командор. — Теперь все...

— Да ладно, — улыбнулся я. — Это не все, это, наоборот, свобода. Курок, спускайся. Карабин мой захвати. Давай, поторапливайся!

Курок побежал за оружием. Остальные продолжали смотреть.

Командор неловко сполз по лесенке, я заметил, что рука у него не очень хорошо

работает, подгибается. Калека. Калич. А может, родился такой. От плохой еды, видел я, что от плохой еды с людьми происходит. А они тут крысами питаются, вряд ли это хорошее пропитание. Как они тут все на крыс похожи не стали, правильно Курок говорит.

Командор прыгнул, подошел ко мне.

— Они ведь придут сюда... — сказал он. — Они же рядом. Нам... нам страшно...

Наверное, следовало им что-то сказать, ободряющее, укрепляющее дух. И я сказал:

— Психи, послушайте меня! Вы не волнуйтесь. Продолжайте свою повседневную жизнь, ловите крыс, разводите редиску на здоровье. С этими...

Я плюнул в сторону бандитов.

— С этими будет покончено.

— Как с ними покончится?! — шагнул ко мне вчерашний рогоносец, даже не заметил, откуда появился. — Как?! Их там, наверное, полсотни! С оружием! Ты...

Заговорил, сжал кулаки. Большие, громоздкие. Нездоровые кулаки, наверное, его предки водопроводчиками были. Или кузнецами. Сжимали своими могучими руками инструменты... Вспомнил. Шаман называется! С бубном и рогами, слуга нечестивого, шаман-рогоносец.

— Ты...

— Оставь его! — приказал Командор.

— Ты нас убил! Надо его схватить! Надо его выдать! Его и эту девку! Отдадим! Хватайте его...

Тумц!

Забавно слышать свое оружие со стороны. Курок Не удержался. На жирном лице шамана проступило удивление, изо рта выплеснулась кровь, он упал на брюхо. Еще прохрипеть что-то сумел. Дырка в спине с кулак. Нехорошо стрелять в спину, но Курок — астроном, ему простительно.

Командор закрыл глаза.

— Насмерть? — спросил Курок

Я кивнул.

Курок с воодушевлением шагал ко мне. Наверное, первый у него. Первый мертвец на счету, это волнует. Пугает. Ошарашивает. Ломает даже, я помню.

Командор вздохнул.

— Не переживай, — сказал я ему. — Все правильно. Этот рогатый... Он вам не нужен. Он бандюганов девчонками подкармливал, а бандюганов надо стрелять. Только и исключительно.

— Но вас же всего двое... — прошептал Командор. — Всего лишь...

— Двоим там делать нечего, я и один справлюсь.

Командор открыл рот.

— Ага. Через три часа все будет готово.

— Ты уверен?

— Он герой, — Курок брякнул топорами. — Его нельзя убить, он сам всех убивает, Беовульф наших дней. От него некоторые чудовища просто бегством спасаются, связываться не хотят, прямо и говорят — держите его подальше. А другие мгновенно приручаются и верно служат. Вот недавно...

Я плюнул под ноги жирным харчком.

— Значит, совсем недавно он голыми руками...

— Хватит, — оборвал я.

— Как скажешь, как скажешь, — согласился Курок. — А можно я с тобой пойду? Нет, просто посмотреть...

— Здесь сиди!

— Хорошо-хорошо, как скажешь! А с этим что? С пленным? Пытать его будем?! — И Курок жизнерадостно помахал топором.

Глава 9. Вокзал

— Там, — шепотом сказал Пучик. — Они там, в главном зале все...

Я поглядел в трубу.

Не поймешь что. Здание длинное, в окружении окрестностей даже приземистое, поломанное и сверху как бы оплавленное, наверное, раньше красиво было, островерхие крыши, железки погнутые. Раньше тут был вокзал. Поезда отсюда разбегались в разные стороны. Народу тут много проходило.

Подобные места, кстати, опасны. Погань, она их почему-то любит. Я думаю, люди след оставляют. Запах. Настолько много тут людей было, сотни каждый день, может и тысячи. Они туда-сюда ходили, дышали, думали, спали на скамейках, поэтому здесь все запахом здорово пропиталось, а погань слышит — и думает, что это сейчас. Тянется.

Я бы в таком месте не стал ночевать... К тому же, судя по карте, кладбище недалеко... Что ж у нас кладбищ-то столько много...

А эти не боялись. Ладно.

— Вон то окно, — указал Пучик.

Окно. Большое. Стекол нет, как полагается.

— Это вокзал, — объяснял Пучик. — Они в нем всегда останавливаются...

— А ты? — спросил я.

— Я не, я с ними недавно, пару месяцев...

— А раньше?

— Раньше мы втроем болтались, года четыре, потом те двое вляпались, я остался... К этим попал.

— Чем они занимаются?

Хотя было ясно, чем они занимаются.

Мы частенько натывались на банды. Разные. Мелкие, до четырех человек, промышлявшие нападением на трейдеров и редких бродяг и рыскавшие вдоль МКАДа почти круглогодично. С этими проблем обычно не возникало, с нами они никогда не вязались. Иногда они сбивались, объединялись человек до двадцати и устраивали засаду возле одного из наших выходов, подстерегали. Тогда приходилось стрелять, Разгонять, развевать.

Серьезные встречались редко. С ними было сложнее. Две возможности. Или всех перебить, но это редко удается — у нас слишком мало сил. И вторая возможность — увести. В западню, например в рогатку, или в падь. Я два раза уводил, два раза за мной гналась разъяренная банда.

Эти, засевшие в вокзале, были из средних. Восемнадцать человек. Оружие разное.

— С севера идем, — рассказывал Пучик. — Хотели на Вышку наскочить, да бесполезно, укреплена. Выщечники эти из арбалетов бьют, четырех наших завалили...

— Зачем вам Вышка? — спросил я.

— Как зачем? Это же лучшее здесь место! На Вышку никто влезть не может, а те, кто на Вышке уже, могут там годами сидеть. Воду они собирают прямо из туч, разводят птиц, чего-то там выращивают. Во всех стреляют, кто мимо проходит...

Пучик вздохнул.

— Что?

— Надоело. Бродить. Жить хочется, по-человечески...

— Как это?

— Ну как... По-человечески.

— Ну, расскажи.

Мне было интересно, как он это представляет — по-человечески?

— Чтобы еда всегда была, — сказал Пучик. — Чтобы спать нормально, и не в яме, а в кровати. У тебя есть кровать?

— Ага.

— Вот видишь. А мы все бродим, бродим... В подвале я очень не люблю, там всегда

крысы, или дохлые, или живые

А если не в подвале, то под дождем. А если не дождь, то блохи...

— От блох блохоловка помогает. У меня... Ладно. Сиди тут, возле вагона.

На всякий случай я привязал Пучика к рельсу, проволокой, покрепче. После чего пополз вдоль перрона к вокзалу.

Платформа высокая, ничего не видно, я вполне спокойно подкрался к центральному входу, выглянул осторожно. Охрану не поставили, не боятся никого. А правильно, чего психов бояться, они еле дышат, пукни, под ящик забьются, режь не хочу.

Из здания доносились крики, веселые, я бы сказал, даже разнузданные. Хорошо. Мне на руку. Не выставить часовых могли только дураки, а с дураками воевать милое дело.

Я выбрался из-за платформы, мелкими шажками добежал до входа в вокзал, заглянул в окно.

К стене была приставлена лестница, на лестнице плясал человек и рисовал. Голый по пояс, бородатый, на спине татуировка в виде дракона, такая зубастая змея с крыльями. Не знаю, погань или не погань, может по старым временам еще туда-сюда, а по нашим совершенная погань. Жечь, работать разрывными.

И живопись мне его совсем не понравилась, поганая. Этот художник рисовал дрянь, оскорбляющую взор.

Волкер, здоровенный и поганый, такой, как он и есть на самом деле. Волкер жрал красивую девку. Она была привязана к камню, а он ее жрал. Кажется, еще живую.

Человек Он стоял посреди улицы. Один и испуганный, и без оружия, а вокруг мрак. У человека страшное, перекошенное лицо. Ничего ужасного вокруг вроде бы, но мрак был точно живой, обнимал человека широкими лапами, и ужас на несчастном человеческом лице был настолько пронзительный, что смотреть на эту картину не хотелось.

Семья за столом, папа, мама, детки, обедают. А со стены сползает жирное красное пятно, живое, с длинными отростками щупалец, и эти щупальца уже текут по полу к обедающим.

Девушка. Красивая, очень, с золотыми волосами, и девушку эту разрывал изнутри волк Черный. С безумным глазом, с красным раздвоенным языком, из раны выставлялась пасть и лапы. И лицо этой девушки показалось мне знакомым, весьма и весьма. Даже руки задрожали, немного, но все равно неприятно. Я очень пожалел, что я все это увидел. Есть вещи, которые не надо видеть человеку, душа не железная, ржавеет, а потом и вообще рассыпается в прах.

Нет, на такие картинки нельзя смотреть. И уж тем более рисовать.

Стена была расписана уже давно, сейчас художник всего лишь подкрашивал морду волку.

Ничего банда, свой художник есть, рисует на привале, пока добытчики девок у психов отбирают. Этот рисовал, банда отдыхала. Жгли костры, что-то жарили — мясом пахло, кто-то играл на губной гармошке, большинство отдыхало на синих железных скамейках, которые вокруг горами валялись.

Теперь внутрь. Через вход, осторожно, я бы поставил растяжку... Ага, так и есть. И даже две, гранаты облезлые, ничего, нам и облезлые пригодятся, снял обе...

И контрольку поставили, какие проказы, однако. И контролька пригодится.

Короткий коридорчик, в стене дыра, выглянул.

Старший, я его сразу узнал. Сидел в углу, отдельно от остальных, и как бы дремал с папироской. Отдельно только вожаки сидят. Атаманы. Предводители. Чтобы за ситуацией следить.

Вот это отдельное сидение лишний раз доказывало, что банда не ожидает нападения. Потому что по всем правилам атаман не должен выделяться, должен быть как все.

И вдруг я увидел. Этого, Пучика. Он вбежал в зал. Ноги, надо было ноги ему завязывать лучше, а может, он освобождаться просто хорошо умел, есть талантливые люди. Пучик размахивал руками, объяснял что-то, подпрыгивал. Старший положил ему руку на

плечо, приобнял и сказал что-то на ухо. Пучик вздрогнул. А атаман его еще похлопал и оттолкнул.

Пучик сделал шаг назад.

В руках у атамана штык. Такой же, как у Пучика. Только красный.

Кровь.

Пучик упал и стал дрыгаться на полу. Дрыг, дрыг, дрыг, это долго все продолжалось, видимо, штык попал в печень. Потом атаман расхохотался.

Далеко. Нет, можно было бы попробовать, но...

Далеко.

И атаман знал, что далеко. То есть...

Я не разглядел. Он сделал руками движение, короткое, от пояса, только через полсекунды я понял, что это.

Подумать ничего не успел, просто оказался возле стены.

Рядом обрушилась люстра. Остатки подвесок брызнули, в воздухе возникла радуга, и тут же ударили автоматы. Но не глупо и щедро, а короткими очередями. Оказался зажат, с одной стороны стена, с другой — скамейки, дернуться некуда — по флангам стреляют.

Гранаты. Я понял, что сейчас они кинут еще, и не две, а побольше, и тогда все. У меня четыре своих, и пластик. Обычно я гранатами не пользуюсь — нужды нет, разве что какое-нибудь поганское логово разворошить. Или вот как здесь...

Выдрал кольца, швырнул две.

Рвануло. Кто-то заорал, стрельба стихла.

— Ловите еще, — крикнул я и запустил подвернувшуюся железку.

Кто-то ойкнул.

Достал банку с пластилином.

Вообще, это Петр придумал, такую штуку. Граната, только пластилиновая. Обычной раза в три мощнее, а устройство похожее, тоже кольцо выдерживать и рычаг отпускать. Выдернул, отпустил.

— А вот еще...

Швырнул банку, открыл рот пошире.

Они снова стали стрелять, но тут рвануло по-серьезному. Стены покачнулись, последние люстры обвалились, даже потолок частично обвалился, затянуло все дымом и пылью, видимость пропала, я швырнул еще одну, вдогонку.

Пластилин должен был их оглушить. Он меня-то оглушил, в башке звон и грохот, зубы клацнули, язык прикусился. Противник же, как я надеялся, пребывал в состоянии полнейшей тяжелой контузии.

Еще взрыв. Еще что-то обвалилось.

Я выбежал из зала, по коридорчику, уронил покосившуюся дверь, на воздух. Внутри стреляли и ругались, пыль расползлась из окон, надо подождать, пока осядет.

Вокзал врос в землю, или земля разбухла, не знаю, окна были низкие совсем, легко зайти, я прислонился к простенку, стал ждать и вдруг понял, что так нельзя.

Атаман. Атаман у них умный. И быстрый, сразу все понял, сразу гранаты швырнул. Значит, скорее всего, он эти мои действия просчитал. И просчитал, что я буду бить по ним снаружи, значит, у стены нельзя.

Слева, метрах в двадцати, догнивала техника. Не легковые автомобили, а что-то посерьезнее, не знаю, как называется, пусть экскаваторы. Много, большие. Туда и спрятался, в переплетение железа, обрывков резины и мелкого, высохшего кустарника.

Стал ждать.

В голове продолжало шуметь, но постепенно я успокаивался. Ничего необычного не случилось. Очередные негожи, с которыми предстоит разобраться герою. И я с ними Разберусь. Потому что я прав. Прав — это от слова праведник. Или, наоборот, праведник — это от слова прав. А прав — это тот, кто по правую руку Его. А значит, тот, кто прав, тот и непобедим, тот и настоящий герой.

Почему же тогда праведники гибнут? Как и все остальные.

Гомер и на этот вопрос отвечал. Во-первых, не так, как все остальные, а совсем по-другому. Во-вторых, праведники не только здесь нужны, на небе в них тоже постоянная нехватка. У Облачного Полка полно работы, во Вселенной так много зла, что даже они не успевают. В-третьих, случается, что праведник оступается. Ну, какой-нибудь нехороший поступок совершает или начинает сомневаться — вот его и забирают, чтобы он дальше не испортился.

А если он тверд в убеждениях, молод и беззаветен, то от него пули просто отскакивать будут, как горох от пустого лба, и дикие звери повиноваться станут, и — кто его знает, может, даже погань. Тому есть масса примеров в прошлом. Или вот еще — праведник велит горе перейти в другое место — и — бац — гора переходит.

Ну, про гору я пробовал уже, нет, не получилось. И ведь не горе приказывал, небольшому холмику — не получилось. А вот пули...

Пули, конечно, попадали.

Но не насмерть.

И к определению Гомера я вполне подходил — молод, тверд в убеждениях. Что такое беззаветность, я не очень хорошо понимал, поэтому в сем пункте несколько сомневался. Даже не сомневался: сомнение — это слабость, просто... Ладно, узнаю, что такое беззаветность — буду в ней тренироваться.

С другой стороны, герой он только тогда герой, когда у него есть в чем геройствовать. С чем бороться, где доблесть проявлять. Герою нужен враг, а еще лучше враги, да побольше, трудность, к которой нужно карабкаться.

А бывают герои без врагов?

Не бывают, говорил Гомер. Всегда найдутся те, кто преклонится ко злу. Как всегда, будут и те, кто встанет на сторону добра. И всегда между ними будет смерть.

Правда в этом есть, едва я устроился, как показался атаман. Враг, он выставился из щели и замер возле стены. Я прицелился.

Атаман дернул в сторону техники, в проржавевшие подъемники, видимо, размышлял примерно как я. А следующей моей мыслью была мысль о гранате. И тут же я понял, что атаман, скорее всего, подумает точно так же.

Выватил гранату из сумки, вырвал кольцо, размахнулся, уже размахнувшись, понял, что не туда. Не туда кидать надо, и запустил гранату не в ржавую рухлядь, а рядом. И сам выскочил.

Опередил. Секунды, наверное, на полторы. Атаман действительно думал так, как я — он вылетел на дорогу, увидел гранату, кинулся на асфальт, плашмя, прикрывая одной рукой бок, другой голову.

И я тоже.

Взрыв.

По асфальту взрыв разошелся сильно. Сильно ударило в живот, надо было на печенку валиться, не догадался. Ничего И еще. Еще один взрыв, там, где я только что прятался. Усиленная граната, встречал. Над головой прошла плотная воздушная волна, вверх подбросило железо, пыль всколыхнулась и закрутилась в причудливую фигуру, я шарахнулся в сторону, передо мной упал покореженный ржавый ковш, наткнулся на него, спрятался.

Победа. Меня скрывало толстое железо, врага не защищало ничего. Он лежал на асфальте, может быть уже и вполне мертвый.

Не мертвый.

Атаман поднимался. Он был оглушен, покачивался, я мог его убить. В любую секунду. Он выкрикнул что-то, я не услышал.

Не знаю, что меня подтолкнуло. Желание проверить. Гомер бы за такое точно по ушам надавал бы, за дикие желания. Но Гомера нет, теперь я сам себе Гомер. Проверить. Я поднялся из-за ковша, двинулся навстречу атаману. Пыль продолжала клубиться, ее

подхватил внезапный сквозняк, заиграл, мне всегда казалось, что сквозняки живые, кто-то у нас считал их неприкаянными душами.

Я шагал ему навстречу.

Пусть он стреляет первым.

Атаман вскинул винтовку.

Осечка, сейчас должна обязательно случиться осечка, ну...

Выстрел. Пуля чирканула по левому плечу. Я выстрелил в ответ. Голова разлетелась рваными ошметками, туловище сделало нелепое движение руками и завалилось.

Начали стрелять из вокзала. Из двух мест, перепуганно и бессмысленно. Они перепугались и стреляли мимо. Этого и следовало ожидать — в банде по-настоящему хорошо стреляет всегда только один — атаман. Вожак. Других хороших стрелков он выбивает, чтобы никто не пытался ему противостоять, остаются только дрянные, лизоблюды и твари. Вот как эти.

Я поднял винтовку вожака. Неплохая, но у Петра есть и получше. Ладно, ничего, пойдет.

Стреляли двое. Из одного окна. Дураки, не додумались в разных засесть. Двое, остальные уже, наверное, бегут.

Прицел немного сдвинулся от падения, но ничего, второй и третьей пулей снял обоих.

Дальше было просто и неинтересно. Еще пятеро. Никто не захотел сдаться. Двое пытались убежать по платформе. Бежали, бежали. Стрелять из винтовки противно. Как-то игрушечно. Ни звука, ни отдачи. Но эффектно, конечно. Возможно, в городе винтовка и имеет смысл. Хотя я рад, что живу с карабином. Благодаря этому я, в отличие от городских, умею рассчитывать силы и беречь заряды. Стрельба из винтовки суетна, приучает к необязательности. Сколько этих стрелков осталось лежать по канавам, сколько их подъедено падалыщиками?

А я жив.

Еще двое пытались защищаться. Пистолеты у них были. К тому времени я уже перезарядился, жалкие, они не заслуживали пулю из карабина, в одного я метнул секиру, в другого лопату.

Восемнадцать, кажется, должно быть. Но тут меньше валяется, явно меньше, самые умные дали деру после того, как я пристрелил старшего.

Повезло.

Последним был художник. Он пытался забраться под скамейку, визжал и, кажется, что-то кричал, объяснял.

— Они... пришли... в глаз, ты представляешь, в глаз... Айвазик... А я... Я...

— Ты что, Айвазик?

Айвазик. Тот, который стены расписывает. Интересно.

— Ты нарисовал? — спросил я.

— Нет, не я... Не я... Они заставили!

— Они заставили, значит...

Я поглядел на стены. Повнимательнее. Врет, конечно. Врет. Не люблю, когда врут. Слишком уж хорошо нарисовано, видно, что человеку нравилось, пока работал, погань — как живая получилась, а люди... Видно было, что им больно.

— Почему же ты тогда старался? А?

— Я не старался...

Глаза мне его не нравились. Нет, я догадывался, что он врёт, я вранье издали чувствую. Но его глаза мне сами по себе не нравились, черные, почти без белков.

Я стал заряжать карабин. Медленно. Тщательно. Не спеша.

— Художник должен отражать мир... — продолжал Айвазик. — Мир такой, я не виноват... Я только рисую, я отражатель... Вот...

Он схватил ружье. Вообще-то у него был шанс, я очень редко стреляю в безоружных... Хотя нет, не было. Я не собирался его оставлять. Нельзя прощать поганых.

Айвазик заорал и выстрелил. И снова — чиркнуло по шлему. Я даже назад качнулся. Шлем. Если бы не шлем...

Вряд ли это понравилось бы моему затылку. Наверное, я был бы мертв. Окончательно и навсегда.

Надо впредь избегать подобного, подумал я. Это дешево, а действовать следует наверняка. Без риска. Не искушать многотерпения Его, ибо вера в неуязвимость — это тоже гордыня, пристрелить его и не слушать всей этой ерунды.

— Не надо!!!

Я выстрелил.

Я попал.

Пулю на него потратил. Хорошую тяжелую пулю. На мразь.

Айвазика швырнуло на стену. На его стенку. Которую он недавно разрисовал с вдохновением. Шмякнулся хорошо, затылком, прилип на какое-то мгновение, съехал. На стене осталась жирная красная клякса, я подумал, что это достойный конец — клякса выглядела художественно, точно ее специально нарисовали здесь.

Надо будет рассказать Алисе. Наверное, ей понравится. Приятно будет. Расскажу. Что Айвазик теперь покончил с рисованием, ничего уже не намалюет. Сам виноват. Во всех своих бедах люди виноваты сами, так всегда Гомер говорил.

Я с ним согласен. Думать надо. Конечно, художника сейчас не встретишь, редкий товар, а этот Айвазик хороший художник. Если картины вызывают омерзение, то значит, они неплохие. Наверное, последний даже художник, единственный. Ну ничего, научимся, ничего, раньше люди вообще ничего не умели. В пещерах жили. А ничего, постепенно все наладили. И мы наладим. Все научимся — на гитаре играть рисовать. На Луну полетим, не жалко мне этого Айвазика, поганец настоящий.

Ладно, до Луны пока далеко, надо посмотреть, что там у этих есть. Трофеи. Первым делом я вернулся к атаману, у атамана самые ценные вещи хранятся. Хотя если честно, выбор всегда небогат.

Оружие. Обычно штурмовые винтовки и патроны к ним. Винтовки в среднем состоянии, потому что технически сложные и ухаживать за ними не каждый может. У вожака была отличная винтовка. Облегченная, с увеличенным магазином, с оптическим прицелом. Пойдет, Курку отдам. Патроны. Из оружия все, зазубренная бритва еще нашлась, бестолковый предмет.

Остальное снаряжение тоже не выдающееся, барахло, крючки, булавки. Нашелся спирт, почти целая фляга. Лекарств нет.

Плохо.

Обыскал еще несколько трупов, ничего интересного, то же барахло. Гранаты вот только собрал, гранаты пригодятся.

Вернулся в вокзал.

Огляделся. Трупов много. У этих тварей было чем поделиться, но это потом. Пулемет. Дураки, зачем им пулемет. В кого можно из пулемета стрелять? В нашем мире оружие совершенно бесполезное. Впрочем, мне не хотелось думать, зачем да почему, стоило подумать о другом.

Я взял пулемет, пристроил его поудобнее. Стена. Мне совсем не нравилась эта живопись. Она мне активно не нравилась.

Дрянной пулемет, старый, впрочем, хватило.

Стрелял долго, пока лента не кончилась. По стене, стараясь стереть с нее все, всю эту помойку. Пули отковыривали кирпичи, вырубали штукатурку, откалывали целые пласты, две минуты, и не осталось ничего. Стена.

Раньше тоже любили живописью украшать стены, возможно даже заборы. Только это правильная живопись была, полезная. Например, как грибы отличать, ядовитые от неядовитых. Или как правильно рыбу жарить. Или просто, красивые виды природы, река, а по ней корабли плывут. Или чтоб самолетами летать, раньше люди очень любили

самолетами летать...

Ладно, на этой стене мы нарисует фрукты. Ананасы, бананы, кокосовые орехи, чтобы смотрели люди и радовались. Нет, мы ничего рисовать вообще не станем, эта стена для меня уже совсем опоганена. Взорвем ее, вместе с этим вокзалом, и заново построим. И фрукты чтобы везде нарисованы.

Я прослежу.

— Дэв...

Я обернулся. Курок Стоял, смотрел, губами шевелил.

— Ты их всех... Ну ты даешь...

— С некоторыми по другому никак, — сказал я. — Они не понимают...

— Там молодой совсем... — он кивнул. — Совсем молодой. Как мы почти...

Пучик. Молодой, да... А я его не заставлял с этими...

Я вдруг представил. Как этот Пучик родился, смешной и пучеглазый. Ножками ворочал, ручками вертел, агу, ага, ну, и так далее. Мамка у него была, наверное была, людей без мамки не получается. Растила его, кормила, песни, может, пела. Про уток. Как они летают туда-сюда. А вырос он — и вот...

В шею. А мог бы жить. Человеком стать.

Противно стало очень. Совсем как-то противно. В руках слабость образовалась. Появляется вот человек, веселый, хороший, растет, стрелять учится. А потом раз — и вот... Что происходит-то? Когда именно погань в лоб целует, кто бы знал...

И непонятно из-за чего. И когда все это кончится. Кончится когда-нибудь...

Наверное, тогда я начал злиться. Понимать что-то.

— Ты бы его не убивал, что ли... — Курок смотрел на Пучика.

— Шел бы сюда сам — и не убивал, — огрызнулся я. — А мне плевать. Он сам виноват...

— Ну да, правильно. Что делать?

— Оружие. Шлем...

— С трупов? — брезгливо поморщился Курок.

— Все, что ты носишь — все с трупов! — рявкнул я. — Все! Мир — это труп! А мы ползаем по нему, как мухи... Картинку у Япета видел?

— Ладно, ладно. Я оружие в кучу соберу.

— Собирай... Все собирай, карманы тоже... Нычки проверь, база тут у них.

— Да, конечно...

Курок стал собирать оружие и проверять карманы у трупов, кругом трупы, а у меня только царапины, почти как всегда.

Я сел на скамейку. На эту, железную, вокзальную, посидеть.

Показался Командор. Посмотрел на меня восхищенно и как-то еще. С сожалением, что ли. Вот чего он с сожалением смотрит, а? Я всю его общину выручил, спас раз и навсегда, а он смотрит. Сами не могли справиться, сопли какие-то, а не люди.

— Всех ведь перебил, видали?! — Курок хлопнул в ладоши. — А сам даже не поранился! Я всегда говорил, что он настоящий...

— Карманы тоже обыскивай, — велел я. — Там может быть очень много полезного.

— Обыскиваю...

— Действительно всех? — спросил Командор.

— Половина убежала. Но вряд ли вас побеспокоят, сюда Дорогу позабудут.

— Да... И как?

— Очень хорошо, — ответил я. — Надо было вам раньше этим заняться, а то терпели, терпели... Вот они по одной забирали...

— Иногда по две...

— По две! А если бы они по пять человек забирали? Вы бы так и хлопали?!

— Да... А ты не думал...

— Ерунда, — перебил я. — Не было среди них хороших, сплошная дрянь.

— Но как...

— Все очень просто, — снова перебил я. — Не надо усложнять. Вот я — хороший человек?

Командор не понял, я повторил вопрос:

— Вот я — хороший?

— Да, — сказал Командор. — Хороший.

— Ага. Вот если бы хоть кто-нибудь из них...

Я кивнул на трупы.

— Если хотя бы один из них был на полграмма лучше меня — я бы с ними не справился. Один со всеми. Они все — грешники и недостойны. Просто они пока не встречали ни одного...

Я не стал говорить про праведность.

— Ни одного нормального человека они не встречали. И вот встретили. И это закончилось для них печально. Курок!

— Ну чего?

— Подойди.

Курок подошел.

— Вот он астроном, — сказал я. — Человек мысли, вырос в подземном бункере, питался хорошо, мама у него была, подавилась пипеткой...

— Булавкой, — поправил Курок

— Ладно, булавкой. Если бы он попробовал со мной схватиться, то и минуты не простоял бы...

— Полминуты, — Курок согласно кивнул.

— А все потому, что он сквернословит, — сказал я. — Сквернословит — раз, ленив — два, вериги не носит — три.

— Вериги? — удивился Командор.

— А что? — спросил я. — Вериги. Вериги — это тоже очень важная вещь. Вериги, тропари, размышления — так постепенно и накапливается.

— Накапливается? — не понял Командор. — Что?

— Благодать, конечно, — объяснил я. — Правда. Истинность.

— Ты считаешь, что правда способна накапливаться? — удивился Командор.

— Конечно. Это же ясно. Чем больше ты в правде упражняешься — тем она сильнее накапливается. А как соберется много, так ты ее уже как хочешь можешь использовать.

— Ты в это веришь?!

Я даже усмехнулся.

— Ну вы же сами видите, — я кивнул на поверженных. — Они не копили благодать, и даже, напротив, всячески ее попирали. Вот результат.

— Может, ты и прав, — сказал Командор. — Побеждает сильнейший, об этом и раньше писали... Сильнейший, конечно, не физически, душой... Тогда... Тогда все это — отбор? Так получается? Останутся самые-самые, да?

— Не знаю. Что все это — не знает никто. Может, отбор, а может, само по себе все приключилось. Не это важно.

— А что?

— Чтобы правильно все было. До конца. Вот вы...

Я кивнул в сторону эстакады.

— Вот вы все неправильно живете. Бестолково. Нет, я понимаю, это сумасшедшие и дети сумасшедших, и они в восьмом колене все психи... Но надо как-то по-другому. Вот раньше психи пользу приносили.

— Пользу?

— Ага. Народ развлекали. Песни пели, на бубне играли. А вы только крыс жрете. Прока от вас нет, а если нет прока, то и будущего, скорее всего, нет. Поймите, каждый должен приближать будущее. Вот мы, я, Курок, мы территорию зачищаем. Каждый свое

поле. От скверны разной, чтобы не было ее. Мы работаем на будущее. А вы нет. И когда будущее наступит — оно с вами тоже не будет особо разбираться. Спросит — что вы делали? Крыс жрали? Ну-ну.

— Но мы...

— Не нужны отговорки, — сказал я. — Лучше подумайте, что вам дальше делать. На обратном пути мы заглянем, проверим.

— Вы все еще собираетесь туда?! — Командор кивнул в сторону Запада.

— Конечно, — ответил я. — Нас ничто не может остановить.

— А вы знаете, что человек...

Курок прорвал какой-то мешок, мешок лопнул, и из него потек белый порошок, Курок лизнул, тут же высыпал в рот и принялся жевать.

— Это сливки! — крикнул он. — Старинные!

— Хватит жрать! — приказал я.

Курок оставил кулек

— Собрать оружие и снарягу! Одеться! И ко мне! Быстро! Быстро!

Командор не стал договаривать. Ну то, что он мне собирался сообщить. Про человека. Отошел в сторону и смотрел, как Курок с интересом осматривает трупы.

— Командор! — позвал я. — Вы тут приберитесь.

— Что? — вздрогнул Командор.

— Надо с покойниками разобраться будет.

Я постучал по шее.

— А то через пару месяцев у вас тут мрецы будут шастать.

Командор кивнул. Он задумчиво бродил по залу с растерянным видом, с какой-то желтой книжкой в руке.

Через пять минут явился Курок.

Видимо, в оружии Курок все-таки немного разбирался, выбрал винтовку атамана. Через плечо ленту с патронами и запасными магазинами. Ботинки. Великоваты, но он наverts портянок, они даже наружу торчали. В комбинезоне, висит мешком. Но тоже ничего. Шлем нашелся, дурацкий, оранжевый, надо при случае грязью замазать.

— Нычек не нашел, — сообщил Курок. — Нету...

— Плохо искал.

— Нету. Я не собака, надо было собак приманивать. Давай на обратном пути, а? Чего с собой разную чушь таскать?

— Ладно, на обратном пути. Домой... К эстакаде то есть.

Мы возвращались к эстакаде. Обьеvшийся сливками и одуревший Курок болтал, рассказывал Командору про своих инопланетян, обещал показать книжку, местами горячился:

— Инопланетяне есть разные. Те, что к нам прилетели, они зеленые и плохие. Летают по космосу и всех убивают. Так что нам не повезло. А есть еще хорошие инопланетяне, они серого цвета. Серые добрые, нам очень помогают. Они тоже прилетят.

Командор слушал удивительно внимательно, хмыкал, говорил «да», «да что ты», «ого». Терпеливый, наверное, тот, кто должен управлять психами, должен иметь терпение, все они тут терпилы. Такие тоже пригодятся. Терпеливые люди полезны, есть много занятий, доступных только терпеливым. Огородом заниматься, или кольчугу вязать, или с пробирками разбираться.

— Зеленых много, а серых мало. Но они дадут нам ору-жие. И длинные флаги. И мы пойдем...

Командор согласно кивал.

— Зеленые — они гораздо хуже, зеленые — это зло в самом чистом виде. Но оно будет повержено, вы не беспокойтесь! Потому что он уже здесь. Он не совершает промахов! Он беспощаден к врагам! Он уже убил двух инопланетян, я сам видел! Они напали внезапно, но куда там! В клочки разнес! Мы друзя...

У меня что-то болела голова.

Глава 10. Неходь

Сидел на проржавевшем ведре и собирал рюкзак. Командор поделился чаем, сахаром и вечными консервами-концентратами, целых четыре банки. Налил фильтрованной воды. Женщины подштопали комбинезон Курку, Рыбак притащил вяленых крыс. Я думал, что все будут стоять вокруг и смотреть на меня с благодарностью, но так не случилось, наоборот даже, все попрятались. Даже девчонка, та, что мы спасли, и та не показывалась. Командор, Рыбак и какая-то тетка, вот и все. Я думаю, что они нас здорово боялись, может, больше, чем этих бандитов. Бандиты забирали всего одного, а мы... неизвестно, как мы себя поведем.

Курок нетерпеливо бродил вокруг, поглаживая винтовку, притоптывал ботинками и ругался:

— Целый день потеряли на этих дураков. Пусть бы сами отбивались, вона лбы какие. Интересно, почему спутник их еще не выжиг, а? Может, потому, что они психи?

— Вряд ли.

— Почему это вряд ли?

— Психи тоже люди. Не знаю, почему он не выжигает...

— Ясно. Слышь, а как у вас в Рыбинске, жить можно? А, Дэв?

— Можно.

— В Рыбинске, наверное, здорово, — Курок поправил винтовку. — Там суровые условия жизни. Суровость рождает героев, я это уже понял... Ты знаешь кого-нибудь, кто был на Западе?

— Ну да, я слышал...

— А лично?

Лично нет.

— Бомберы...

— Какие бомберы? — хихикнул Курок.

— Как какие?! Я сам видел! Они бомбе поклоняются...

— Какой бомбе? Кто тебе сказал про бомбу?

Теперь уже я удивился. Про бомбу мне рассказывала Алиса. Здорово...

— Погоди... Что ты хочешь сказать... Что...

Курок закашлялся. Выплюнул кровь. Большой красный сгусток, почти в полкулака, не красный, даже алый.

— Это что? — спросил я.

— Поджарился, видимо...

Курок брезгливо придавил кровавый комок, раздавил растер.

— Легкие, кажется... Ерунда, надо спиртом прижечь потом. Слышь, в Рыбинске рыба, правда?

— Правда.

— Не, я так...

Курок достал красную коробочку, изъятую у шахтера, открыл, закинул в рот капсулу. Проглотил.

— Обезболивающее, кажется, — сказал он. — Тогда сожрал, весь желудок заморозило... Пройдет.

Курок поднялся.

Больного мне не хватало. Свалится в самый неподходящий момент.

— Остаешься здесь, — сказал я. — У крысоедов.

— Нет, — ответил Курок неожиданно твердо. — Я не останусь. Они меня сожрут, я боюсь. Да все нормально будет, я не чувствую даже ничего.

— А если идти не сможешь?

— Я смогу, Дэв, не хочу здесь.

Серьезно на меня посмотрел. Первый раз, наверное.
— Хорошо. Давай выдвигаться...
— Эй!
Я обернулся.
Командор.
— Что еще? — спросил я.
Командор улыбнулся. Нет, все-таки замечательные зубы.
— Что?
— Там... — Командор кивнул на лачуги. — Там моя дочь...
— Психическая? — перебил Курок. — Дочь психическая?
— Она не в себе, — подтвердил Командор. — Почти всегда... Но я говорил, у нее случаются просветления.
— И что?
Командор переминался с ноги на ногу.
— Понимаешь... — он смотрел в сторону. — Иногда она говорит... Ну, то, что видит...
Она...
Командор мялся.
— Она...
— Совсем сумасшедшая, — помог ему Курок. — Тут у вас полно психов, мы и так знаем...
Командор согласно кивал.
— Да-да, она сумасшедшая... Она видит.
— Да я сам вижу, — Курок ухмыльнулся. — Я прекрасно вижу наше будущее, мы все сдохнем. Тут не надо быть предсказательницей. Древние мудрецы говорили — единственная вещь в жизни, в которой можно быть уверенным на сто процентов, — это то, что ты рано или поздно умрешь. Сдохнем. Все, абсолютно. Единственный вопрос — когда.
Неправильно это он. Единственный вопрос не когда, единственный вопрос как. Это даже главный вопрос. Как червь, под доской и во мраке, или как человек, стоя и в огне...
— Пожалуйста!
Командор взял меня за локоть.
— Психи — они это запросто, — сказал сбоку Курок. — Они раньше всем предсказывали про пришельцев, а им никто не верил. Вот и получилось...
Мне вдруг стало интересно. Я с предсказательницами еще не встречался, а вдруг от них польза какая? Вдруг эта психованная на самом деле что-то скажет?
— Ладно, пойдем, посмотрим, — опередил меня Курок — А вдруг бесполезно?
— Нет, — помотал головой Командор. — Только его.
Курок усмехнулся.
— Осторожнее, Дэв, — сказал он. — Тебя явно пытаются обженить. Но будь осторожен, ты уже один раз неудачно поженихался. Прошлая твоя невеста, если память не изменяет... Кажется, она... На гарпун напоролась... Ее как зовут? Неужели на самом деле Алиса?
Алиса.
— А я ее видел. Красивая. Очень. Они все красивые, эти... Ну, эти, сам понимаешь. Ключицу как раз сломал, спустился полечиться. Она на меня не посмотрела, а я ей ириски принес. Говорят, она ириски любит, правда? Постоял всего двадцать минут — через два дня здоров. Как новенький. У нас к ней все лечиться ходят...
— Не надо, — попросил я.
— А что такого? Все ведь знают. Ты каждый день в подвал бегаешь, рядом сидишь. А правда, что она удачу приносит? Скольких она прикончила-то?
— Всех, — сказал я.
Командор глядел на нас испуганно.
— Нет, правильно, что Доктор ее не режет, от нее одна польза. Слушай, а она точно

гипнотизировать может? А если она убежит? За старое возьмется...

— Жди здесь! — велел я.

Мы с Командором направились к лачуге.

От других хижин эта совсем не отличалась, такой же мусор, собранный в стены, крыша из жести. Ошейник на цепи, а в ошейнике никого. Сожрали, наверное.

Командор остановился.

— Послушай... Ты ее не пугайся... Она... Ей приснилось... А, ладно.

Он толкнул дверь, мы вошли.

В потолке были дырки, видимо, специально проделанные для света, свет пробивался дымящимися столбиками, в них кружилась пыль, красиво.

Про предсказалок я знал немного, кто-то мне рассказывал. Они варили зелье, гремели костями и мучили черных кошек. А потом предсказывали, кому на голову кирпич завтра упадет, а кому волкер по весне печенку выест. Я поискал глазами — ни кошек, ни костей. На составленной из ящиков кровати лежала...

Я думал, предсказательница будет посолиднее. Тетка со зловещим взглядом и длинными ногтями. А тут...

Лет, наверное, Серафиминых. А то и меньше. Бледная какая-то, а может, это от света. Сидела. Кубик в руках вертела. Я видел такие, разноцветные, разбиваются на отдельные квадратики, а потом их надо возвращать в одноцветье. Я пробовал собирать, только у меня ничего не получалось, а некоторые собирали.

Эта тоже собирала, девочка эта. Кубик порхал в ее руках, под пальцами возникали буквы, одноцветные грани, куб собирался и раскладывался вновь, быстро, я даже не успевал проследить. Причем на сам кубик девчонка не смотрела.

— Это ее успокаивает, — объяснил Командор. — Люди... ну, как она, они очень хорошо головоломки решают... Хотя не об этом. Лиза...

Командор обратился к девочке.

— Лиза, посмотри на него.

Лиза посмотрела. Не отрываясь от кубика.

— Ага, — сказала она.

Зубы у нее были тоже белоснежные, наследственное.

— Не ходи, — сказала Лиза.

— Что не ходи? — не понял я.

— Не ходи, — повторила Лиза. — Не ходи в неходь.

И снова за кубик взялась.

— Почему не ходить? — пытался выяснить я.

— Потому что, — ответила Лиза. — Черная вода, мост вижу, кто ступит на него, назад не воротится, неходь, все это знают...

Пусть говорит, буду слушать.

— Кроме тебя.

Лиза прижала кубик подбородком и стала загибать пальцы, сначала на левой руке, потом на правой, потом снова на левой, и так по кругу. Командор легко похлопал меня по плечу — для терпения, видимо.

— Кромешная тьма, кромешные дни, зга...

Лиза перестала перебирать пальцы.

— Черви. Длинные.

Я терпеливо слушал.

Но Лиза замолчала, и с кубиком что-то произошло.

Я не понял, как это. Разноцветный был. А стал черный. Может, предсказательница смутила. Она, наверное, как мутант, мозги мутить умеет.

— Спасибо, конечно...

— Смотри сам... — Лиза зевнула, легла и повернулась к стене.

— Все вроде, — сказал Командор. — Теперь она спать будет.

Мы вышли из хижины.

— Ну что? — осведомился Курок — Что сказала? То есть предсказала? Сойдет герой в сиянье золотом, и будет свет, да сгинет тьма? И всякая прочая незамутненность?

— Примерно. Про мост какой-то еще...

— Еще одна Старица Ефросинья, еще одна пророчествует, никто не хочет брюкву сеять, все только пророчествуют...

— Пора, двигаем. До вечера надо пройти еще пару километров.

— Что она сказала? — спросил Курок у Командора.

Командор открыл рот, но я его опередил.

— Да будет свет, да сгинет тьма, все правильно, — сказал я — В сиянье золотом. Ну и так далее.

Командор кивнул.

— Мы пойдем, — сказал я ему. — Нам надо спешить.

Сумасшедшая. Мутантка. Неходь. Для нас что ходь, что неходь.

— Вы и теперь уходите? — спросил Командор с удивлением.

— Ага. Нам лучше прямо?

— Да. Но дальше путь обрывается. Там есть лестница, спуститесь по ней. Потом прямо. Держитесь дороги — и выйдете почти к зоопарку. Слева...

Командор постучал себя по левой руке, и она издала неожиданный пластмассовый звук.

— Слева увидите... — он пощупал, пальцами прогорклый воздух. — Если увидите, разумеется... Будет большой дом, высокий и остроконечный. Держите на него. Вот...

Он протянул толстый лист бумаги, почти картона, самодельную карту.

— Спасибо, — сказал я.

Командор улыбнулся. Но совсем не весело.

Я подтянул рюкзак и направился в сторону Запада.

— Тебе тоже спасибо, — сказал Командор вдогонку.

— На здоровье, — ответил за меня Курок. — Мы еще вернемся, папашик...

Продвигались по эстакаде. Между мусором, грядками, испуганными лачугами, полусъеденными автомобильными покрышками.

Командор смотрел, а крысиный рыбак махал рукой.

Остановились ближе к вечеру. Слева была дорога, справа дома. Я себя устало чувствовал, путь держал Курок. Справлялся, астроном. Хотя тут и слепой справился бы — знай шагай вдоль улицы, а как увидишь следующую эстакаду, значит, и все, пришли, надо поворачивать к югу.

Продвигались плотно, ну, как можно плотно у нас продвигаться. Старались скрытно, хотя скрываться особо было не от кого, я не видел ни следов, не слышал криков, вообще никакой активности, Запад, в отличие от Востока, был мертв. Во всяком случае, выглядел мертво. Несколько раз встречались провалы, но и то какие-то старинные, поросшие мхом и брусникой, похожие на вогнутые болота.

И ноль движухи. И от этой пустоты беспредельной как-то не по себе даже делалось, закопаться хотелось, прыгнуть в люк.

Даже Курок молчал. Запад, чего тут болтать?

Когда солнце стало пощипывать крыши, остановились. Курок изучал карту. Поворачивал, разглядывал на просвет, сверял с местностью, сверил, затем сказал:

— Почти пришли. Вон вход в метро, вон мост, а нам туда. Только поздно уже, солнце садится, ночлег надо искать. Мне вон тот дом нравится. А?

Курок указал пальцем.

Я поглядел. Дом как дом. Как все остальные, можно и там. Я теперь не закапываюсь. Смысла нет — всегда несложно найти надежное место, главное, чтобы замок цел был и дверь не поломана.

— Окна на восток смотрят. Удобно очень, проснемся пораньше...

— Ты говорил, что бомберов нет. А я их видел.

Курок растерялся.

— Я их собственными глазами видел.

— Ты бандитов видел. Рейдеров. Как сегодняшних, таких же.

— Они с Запада пришли.

— Да, с Запада... Давай потом поболтаем? Темнеет уже, а мне тут... не очень нравится.

Я направился к дому, в подъезд вошел первым, посмотрел, понюхал. Чисто. Отчего неприятно как-то. На Востоке шагу безопасного не сделать, в каждом подъезде то мрец, то шишига какая, а здесь чистота.

Побрызгал скунсом. Погуще, чтобы не лезлось.

— Лучше повыше, — предложил Курок. — Чем выше, тем спокойнее, чем ближе к земле, тем хуже, сам знаешь.

Повыше так повыше, я сам не прочь быть повыше. Поднимались, заглядывали, где двери открыты в квартиры.

На третьем уровне нашелся аквариум, большой, высохший, а в нем сушеная кикимора, или крокодил мелкий, сейчас уже непонятно.

На пятом уровне пианино. Или рояль, не знаю. Курок нажимал на клавиши, и оно звучало, длинные печальные ноты стукались о потолок и падали обратно, Курок врал, что мама у него играла, а он, еще горшечник, слушал.

На одиннадцатом попугай в клетке, как все другие попугаи в клетках, он был мертв. Дохл. Курок стал выдергивать из него каким-то чудом сохранившиеся перья.

— Они еще есть, — Курок воткнул перо в космы. — Я видел, летают.

На двадцать третьем, кажется, это был двадцать третий, мы нашли велосипеды. Вся квартира заполнена велосипедами, битком. Долго стояли и смотрели. Курок сказал, что иногда в городе встречаются места, которые нельзя объяснить. Вот как эти квартиры, забитые велосипедами. Зачем они здесь, кто их собирал, непонятно, вот он телескоп нашел в такой же телескопной квартире, там от пола до потолка одни телескопы хранились.

— А ты слышал про дирижабщиков? — спросил вдруг Курок.

— Жаб которые обдирают? Я про них не только слышал, я их вживую видел. И очень часто.

— Да нет, про других дирижабщиков. Они на дирижаблях живут. Во время Воды они решили, что это все, сели на дирижабли и полетели. С тех пор и летают. Высоко, не достать. И знать не хотят, что здесь происходит. Раз в год только опускаются, на острове каком-то. Чтобы дирижабли свои починить. А потом опять в небо...

Мы поднимались, Курок пыхтел, помогал по перилам руками, но при этом всюду рассказывал про дирижабщиков, не выдерживал долго без трепы. Про то, какая у этих воздухоплателей хорошая жизнь в небе.

— Потому что в небе все по-другому, не так, как на земле. В небо погань не распространилась...

— А строка? — спросил я.

— Строка невысоко летает, потому что она тяжелая. И потом, ты хоть раз строку видел? Я нет. Вымерла вся строка, заржавела. И вообще, не перебивай, я тебя не перебиваю.

На самом деле. Летучей погани нет. Совсем. Ну, строка, но ее можно не считать, она действительно высоко не поднимается. Да и медленная, если только во сне на тебя не налезет, убежать успеешь. В этом есть подтверждение правды, воздух выдерживает только чистых, в отличие от земли, земля что, по ней любая сволочь пробежаться может, а воздух еще неприступен.

— Питаются дирижабщики рыбой, ловят ее в горных озерах. И в морях...

— Это еще неизвестно, есть ли моря, — сказал я. — Может, высохли.

— Моря есть.

— С чего это ты так уверен?

— С того, что дожди соленые идут — это раз, с того, что медузы с неба падают — это

два. А медузы только в море обитают, соль их стихия. А на какой этаж мы идем?

— На тридцатый, — ответил я.

— Может, на тридцать первый лучше?

Некоторые, ну, тот же Петр, никогда на тридцатом этаже не остановятся. Считают, что нельзя на четных этажах жить, только на нечетных. И по улицам, только по нечетной стороне ходят. И патронов в магазин только нечетное количество заряжают, одним словом, оберегаются, как могут. Я во все это не очень верю. Мне что тридцатый, что тридцать первый.

— Тридцать первый.

— Пришли тогда, — сказал Курок.

Видимо, это был не простой дом, для избранных — на площадке располагалась всего лишь одна квартира с большой красной дверью, все. Приблизились.

— Ого... — кивнул Курок.

— Кто-то ломился, — я потрогал пальцем дверь. — Давние следы... Такую дверь домкратом не выдавить. И замки...

Я постучал, звук получился глухой, железо толстое, царапины глубокие. Кто-то зря старался.

— Замки антивзломные, — указал Курок. — Открывашка возьмет? Она не утонула?

Открывашка хранилась в рюкзаке, в особом непромокаемом футляре. К футляру подсоединен баллончик со сжатым газом, создававшим внутри избыточное давление, препятствовавшее проникновению влаги, кроме того, футляр был снабжен гироскопом. Открывашка являлась сложным прибором, с тонкой механической частью, с мелкими деталями, опасавшимися излишней влаги и сотрясения, обращаться с ним стоило осторожно, поскольку открывашка — вещь полезная. В некоторых ситуациях жизненно важная.

Хотя антивзлом могла и не взять.

Я осторожно сбросил давление в футляре, снял замок и достал открывашку.

Открывашек только три всего, и каждую Петр делал почти год, сидел по вечерам с пинцетом и лупой, подгонял, настраивал, вымерял. Толстый металлический цилиндр, с одной стороны универсальный ключ, с другой — поворотное кольцо. Вставляешь ключ в замок, поворачиваешь кольцо.

Кольцо нужно поворачивать осторожно, на полделения, До тех пор, пока внутри не звякнет колокольчик

Замок на самом деле оказался взломостойким, пришлось ворочать ключом почти три минуты, после чего дверь поддалась ...

Не знаю, я сразу карабин с плеча сдернул. Потому что кто-то вздохнул. Тяжко и безнадежно. Из квартиры вылебнулась пыль, Курок отпрыгнул в сторону, вскинул винтовку. Вздох, не было никакого вздоха, просто дверь слишком хорошая, как ее один раз замкнули, так она воздух и держала. Значит, сейчас мы вдохнули воздух древности, настоящего старого мира.

— Там темно... — Курок прижался к стене. — Почему там темно?

На самом деле. Почему? Солнце еще не село, окна в доме широкие, стекла выбиты, а внутри темно. И воздух...

— Я посмотрю.

Зажег карбидку и шагнул в квартиру.

Запах. Привычный запах затхлости, какой водится в любой старой квартире, только сильнее, глаза даже заслезились. Я находился в большой комнате. Вернее, эта комната когда-то была большой. Вдоль стен располагались стеллажи от пола до потолка, на стеллажах бутылки и пластиковые банки, другая тара. Запасы. Я двинулся дальше.

Комнаты. Большие, с высоким потолком. И везде одно. Припасы. Вода. Еще вода, еще ящики. Окна оказались заложены кирпичами. Убежище.

В каждом убежище есть хозяйева.

Я много такого видел. Вода, крупа, дрова. Многие пытались пересидеть дни гнева, не

видел ни одного, у которого бы получилось.

Хозяин находился в последней комнате.

Изнутри комната оклеена бумагой. В несколько слоев. Для утепления. Мудро придумано, бумага лучше всего держит тепло. Топить печь не надо.

В углу велосипед без колес, электрокрутилка. И аккумуляторы — для накопления энергии. Это чтобы пользоваться потом, во время отдыха. Лампочка.

Диван. Книги вдоль стен. Конечно, не столько, как в библиотеках, но все равно. Вдоль стен. Еда и книги, интересный способ выживания, никогда про такое не думал...

Хозяин тут же, на диване. Лежал. Он совсем истлел, только скелет остался. Волосы длинные, ногти длинные, зубы в разные стороны. Кажется, старик. Дожил до старости. Вот тут. Размачивая крупу вон в том котелке. Читая вот эти книги. Пережидая...

Я вдруг понял, что хозяин ничего не переживал. Он решил остаться здесь, в этой самой комнате, с пшеном и книгами и никогда не выходить наружу.

— Отличное место для ночевки, — сказал появившийся Курок — Дверь не сломать, еды полно. Я дверь закрываю?

— Погоди...

— Чего годить-то? Сумерки, давай закрываться...

— Ладно. Приберись тут, я сейчас...

— А свет?

Я отдал шлем Курку, вышел из квартиры. Не так что-то. Не мог я представить человека, который всю жизнь, много-много лет просидел вот в маленькой комнатушке и не осмелился выбраться из нее. Много лет дышал этим спертым воздухом.

Площадка перед квартирой была широкая, даже кресла имелись, правда, сидеть нельзя, все протухшие, развалились. Окно от пола до потолка и стекла сохранились, видимо, какие-то особенные, небьющиеся. Город хорошо видно. Ночью хмарь немного рассасывается, то ли в землю втягивается, то ли, наоборот, вверх поднимается, видно, особенно если луна светит хоть чуть. Дома в синеватом цвете. Улицы. Пустота.

Огонек.

Не очень далеко, километра, наверное, полтора. В одном из домов, на верхнем этаже, висит, не мигает. Кто-то. Вдруг меня посетило дикое желание — сбегать и посмотреть. Огонек в ночи, это же...

Это же дом. Печка. Запах дров. Снег и сияние в небе, и какие-то там зимние праздники, названия и порядок которых мы обязательно вспомним. Клюквенный сахар, мед и пряники. Никаких сушеных карасей, никаких вяленых лягушек, снегири за окном.

Скорее всего, ловушка. Следует соблюдать светомаскировку. Огонек ведь видно издалека, за полгорода. На него погань разная с большим удовольствием ползет. А тут зажег — и не боится. Значит, сам погань. Я вспомнил книгу про подводных обитателей. Про тех, кто в самой-пресамой глубине, докуда свет с поверхности вообще не доходит. У них вот языки есть, особые, со светляшками на конце, они эти светляшки зажигают и подманивают остальных рыб, а потом их жрут с превеликим успехом. Я представил — пустой дом, сидит пакость с огоньком на языке и подманивает. А зайдешь туда — и все, сожрет и косточки не выплюнет.

Так что мне этот огонек совсем разонравился. Ничего хорошего в нем, совсем ничего. Смерть.

Тут везде смерть.

Я вернулся в квартиру. Курок заканчивал приготовления, разбрызгивал вокруг скунса, воняло уже зверски, я подумал, может, не стоит здесь скунса, без него бы пересидели, ну, ладно.

Я вошел внутрь, запер дверь. Замок был соединен с системой засовов, по всем сторонам двери, надежно, крайне надежно. И вакуумный уплотнитель. Хорошая дверь.

Светло. Курок нашел ящик со свечами, расставил их по бутылкам, зажег. Пора ужинать.

Для приготовления пищи имелась керосинка и несколько канистр. Очень удобно, наварили пшенной каши, большой котел. Курок от голодной жадности сжег небо и язык, чмокал и шепелявил, однако остановиться не хотел, все ел и ел.

Надо приучать его к умеренности. Вериги, тропари, все, как полагается. Начну. Вот прямо завтра и начну...

Если честно, сам я тоже не удержался, слопал две обычные порции, так что в сон потянуло. А Курок, наоборот, впал в активность. Стал бродить по комнате, перебирать вещи на полках.

Я устроился возле стены, забрался в спальник

— Может, уберем его все-таки? — Курок кивнул на скелет.

— Да пусть сидит. Нечего хозяина беспокоить.

— Давай хотя бы диван сдвинем, стоит черт-те как...

Курок взялся за диван, толкнул. Звякнуло. За диваном потянулись цепи.

— Ого! — Курок налег на диван.

Цепи вели к крюкам, вмонтированным в стену, а заканчивались наручниками.

Забавный дед. Кого-то к стене приковывал...

— У него, наверное, в жену пришелец вселился, — предположил Курок.

— Что?

— Пришелец. Они всегда в мозг вселяются...

Курок голову потрогал.

— Или в легкие. А потом через грудь выбирается, я видел в книжках. Пришелец ей, значит, вселился, а мужику было жалко ее сдавать, вот он и решил ее лечить. Цепями привязал и лечил... А потом он понял, что ему ее уже не вылечить, и сбросил с балкона. Зачем ему тогда цепи?

Зачем ему цепи? Хотя кто его знает, может, действительно кто-то у него болел. А может, с ума сошла, ну, жена то есть. С балкона он ее не мог выкинуть, вот и держал, пока она не померла.

— Ладно, какая разница, — Курок вернул диван к стенке. — Сто лет назад было. И правда, может, зря мы его сдвинули. Нельзя покойников тревожить, примета плохая.

— Прыгни в люк, — ответил я. — Это же наш покойник, человеческий.

— Наш, не наш. Места тут маловато вообще...

Курок подошел к столу.

На столе глобус. Но не Земля, Землю я бы узнал, она синяя. А это черная. Хотя, может быть, теперь она такая и есть, с круглыми разноразмерными кратерами.

— Луна? — я указал на глобус.

— А кто его знает...

Курок стал перебирать книжки.

— Дневник, кажется. На машинке печатал. Вон она, кстати. Курок указал на проржавевшую пишущую машинку с круглыми кнопками.

— Он, наверное, писатель. Писатель — это тот, кто записывает, что видит. Как астроном. Только астроном на небо смотрит, а писатель вокруг. Давай прочитаем? Перед сном?

Спорить не хотелось, я согласился.

Курок поплевал зачем-то на пальцы и принялся читать.

Глава 11. Записки Предпоследнего

Записки Предпоследнего, четырнадцатая тетрадь

Все утро упаковывал тетради. На балконе. Чтобы смотреть на город.

Как это ни дико, но мне нравятся перемены. В них есть что-то настоящее. Возможно,

это осень, возможно, но я нахожу в последних днях прелесть, как сказали бы раньше «неизъяснимую прелесть».

Небо очистилось, и стал доступен простор. Раздражавшая беспилотная техника, преследовавшая прохожих, подстерегающая в подъездах, зависавшая за окном и призывавшая приобретать участки, водные купоны, гидромобили, витамины новых поколений и клон-попугаев, вся эта механическая орда, размножившаяся, как саранча, и заполонившая воздух между домами, была сброшена нетерпеливым жестом на землю, под колеса автомобилей, на крыши, хрустела под ногами мертвым карбоновым хитином, точно пораженная страшной электронной чумой. Исчезли воздушные шары. Исчезли аэростаты, и назойливые рекламные дирижабли теперь сиротливо и бессмысленно болтались по ветру, сбивались в стаи волей воздушных течений, бой за сердца потребителя, не прекращавшийся над городом, стих, бывшие враги стали одинаково не нужны и безразличны своим хозяевам.

Воздух, раньше густой и тяжелый, оседавший на стекле и перилах балкона, очистился и стал незаметным, так что по утрам я выходил без очков и без маски, исчезли разносчики воды, и за ней теперь приходилось ходить самому или пить из крана. Электричество сохранялось, хотя, по слухам, ненадолго, да и хватало его лишь на нужды самые простые — освещение, обогрев и приготовление пищи, все передостаточное — лифты, эскалаторы, кондиционеры и другие приборы, облегчавшие жизнь, замерли — силы, бегущей по электрическим жилам, перестало хватать.

Остановилась связь, и возникла незнакомая протяженность, теперь, чтобы поговорить с человеком, надо было встречаться с ним лично или писать письмо, я почувствовал себя восхитительно одиноким. Некоторое время я еще ходил в театр, мы собирались на сцене, репетировали или просто болтали, но скоро и это сделалось ненужным. Зритель исчез, поскольку то, что происходило на улице, было во много раз интереснее наших историй. Потом исчезли актеры. Они просто не приходили. И не приходили на следующий день, и что-то узнать про них решительно не получалось, да и не хотелось.

Нас становилось все меньше и меньше, но я ходил почти до конца — потому что мне было интересно разыскивать сомнение в их лицах. Бодрое сомнение, испуганное сомнение и, наконец, сомнение решительное. В конце концов нас осталось четверо. Марк сказал, что мы — самые настоящие служители Мельпомены, что только мы не предали Службу, и не пришел на следующий день.

Он не исчез, я добрался до него, а он мне сказал, что театр — это блеф. С самого начала до самого конца, и он не намерен этот блеф культивировать. Театр — не воздух, без него можно прожить.

А я был с ним согласен.

И на следующий день тоже не пошел, остался сидеть на балконе.

Наверное, так выглядела свобода. Мы так часто о ней рассуждали, отстаивали, а иногда даже боролись, но как она, собственно, выглядит, не знали. Никто. Дня три тому назад заглянул Марк. С сигарами. С теми самыми, которые он берег с самой Кубы, в особом ящике. Лицо у него было разбито, с каким-то разбойным удовольствием он оттянул свитер и продемонстрировал пистолет, заткнутый за пояс. Марк был пьян и весел, лицо он объяснил тем, что его пытались вчера убить, а пистолет объяснил тем, что не преуспели.

Он тоже, оказывается, думал об этом. О свободе. И если меня занимала ее, так сказать, внешняя сторона, ее причудливые воплощения в жизни города и его людей, то Марка интересовало другое. Внезапность. Свобода наступила внезапно. Явилась рыжей неожиданной сучкой, подмигнула, расхохоталась, плюнула в глаза. Никто ведь и не думал, что все обернется ТАК. С ЭТОЙ стороны. Никто и не ожидал, вот вчера существовали себе, копили на старость лет — а оно вдруг раз. И свобода.

Я с Марком был согласен. Почти сорок лет жизни, натвердо определенной, похожей на полет «М-Монорельса», и вот обрыв, пути дальше нет, электричество кончилось, машинист убежал, и пора освобождать вагоны. Пассажиры выходят на платформу, покачиваются, оглядываются, не знают, что делать, потому что всю жизнь провели каждый в своем загоне.

Марк сбил с коробки деревянную крышку, и мы принялись курить кубинские сигары. Они оказались совершенно не такими, как представлялись. Вонючие и едкие, прилипали к губам, но нам понравились. Сидели на балконе до первых звезд. Тогда, не знаю даже с чего, я открыл заветный ящик

Коньяк.

Его тоже прислал отец Галы. Подарил, мне, на рождение сына. Дорогой коньяк, тридцать лет выдержки, сказал хранить до внуков. И опечатал своей личной печатью, он везде эту печать ставил, куда только дотянуться получалось.

Я вспорол ящик по боку и достал бутылку. Совершенно заурядную с виду, со скучной бумажной наклейкой, с осургученной пробкой.

Хороший, пили стаканами. Смотрели на город, хорошо что я демонтировал стекло, и без того вся жизнь за стеклом пробежала, а сейчас воздух стал лучше, чище.

Марк рассказывал.

Про то, как мародеры напали на магазин чая, а хозяин спустил на них белых бультерьеров.

Как из кранов брызнула странная зеленая жижа с зубастыми черными червями, и он, Марк, на всякий случай наловил их в банку — чтобы сдать для анализов, но сдавать было уже некуда, потому что всем вдруг стало на все наплевать.

Про соседа, который совсем недавно купил себе новый мобиль, а три дня назад взял да и повесился. Его даже снимать никто не стал, так он и висит под потолком, приезжала служба дезинфекции, обрызгала каким-то раствором, а снимать не стала — хоронить все равно некому, а если снять, то крысы могут добраться, пусть лучше висит.

Про демонстрацию — тут ведь недавно демонстрация приключилась, человек пятьсот, наверное. Вышли со своими плакатами «Остановите Эксперимент!!!», и прочие тоже, похожие, демонстрация двинулась к центру, никто ее не разгонял, пришла, постояла, погромела ведрами и разбрелась.

Еще Марк рассказал про поезда — это смешнее всего. Как по утрам на вокзалы приходят поезда, набитые пассажирами под крыши — многие хотят спастись ЗДЕСЬ. А по вечерам другие поезда уходят, тоже переполненные — многие хотят спастись ОТСЮДА.

А ночью опять трясло, по стенам поползли широкие трещины, в некоторые легко помещался мизинец, все репродукции попадали со стены.

А еще он говорил, что надо уходить, валить, пока не поздно, скоро начнется, начнется, на такие вещи у него родовое чутье, а тот, кто не поторопится...

Марк выпускал в атмосферу задумчивые дымы и обновлял коньяк.

Я совсем не собирался торопиться. А Марк собирался. Поскольку полагал, что вот-вот город закроют, и выбраться будет нельзя, но у него есть один человек в порту, который за небольшую плату может помочь, кстати, ты в курсе, что деньги уже почти не в ходу?

Я не был в курсе. Марк расхохотался и продемонстрировал, как поступают умные люди в подобных случаях — выставил вперед нижнюю челюсть и раскрыл рот. Золотые зубы в два ряда, очень удобно — вырываешь и расплачиваешься.

Мы просидели до двух ночи, потом пошел дождь.

Я не собираюсь уезжать. Я родился в городе и всю жизнь провел в нем, мир за его пределами мне непонятен, он пугает меня, я остаюсь. Хочу посмотреть. Потому что старинный поэт сказал, что это счастье — наблюдать мир в его роковые минуты.

А кроме того, я должен закончить дело.

Четыре года назад, когда мы расстались с Галой, я придумал написать книгу. Безумная идея, книги уже давно никому не нужны, но я и не собирался сочинять ее для кого-то. Для себя. Один из моих предков, он был писателем. И я хотел стать. По-настоящему. Я даже придумал метод. Еда и бумага, карандаши, запас. И ничего лишнего. Я собирался закрыть дверь, сесть на балконе и глядеть на город. На улицу не выходить, работать и варить кашу. Я думал, что окна хватит. Для книги. Поэтому я готовился тщательно. Крупа, вода, витамины, специальные стеллажи вдоль стен.

Конечно, ничего не получилось. Нет, я извел несколько пачек бумаги, испортил много чернил и научился варить кашу в алюминиевой кружке, с минимумом воды и без огня. Но книги я не написал. Не знал, про что. Думал, что получится про себя, а про себя оказалось мало. А запасов осталось много, и перетаскивать все это на склад не хотелось. Теперь это пригодилось.

Я решил остаться. Не знаю почему. Не люблю путешествий.

Надо было поговорить с Галой.

На следующий день я отправился к ней. Мы не виделись почти год, Алекс, конечно, приезжал, почти каждый месяц, но... Хотелось увидеть. Их обоих.

Проснулся затемно, завтракать не стал, выпил кофе, дрянного, растворимого, от которого сильно ноют зубы и чернеет слюна. И хлеба, тоже дрянного, с цементной крошкой и цветом тоже цементным, с джемом из терновника и тростника, говорят, он сильно разросся на окраинах. Деньги взял на всякий случай, взял консервы и коньяк, спрятал все это в рюкзак — наступили те времена, когда рюкзак стал вещью незаменимой. Время рюкзака.

Лифт опять не работал, вниз я не люблю спускаться, внутри все трясется, для меня лучше вверх два раза, чем вниз один.

На всякий случай прихватил кий. Четыре года назад у меня был бильярд. Стол я выкинул, оставил набор киев, хороших, сделанных по индивидуальному заказу, разборных. В один я насыпал свинцовую дробь, другой заточил. Взял тот, что заточен.

Вышел из дома и спустился в метро. Там был ветер. Как всегда теплый, только сегодня в нем еще что-то плавало, мелкие серебряные блески. Спустился вниз.

На платформе никого, стаканы, пластиковые и очень много, а людей почти и нет, только дохлые голуби. На улице дохлые роботы-стрекозы, внизу дохлые голуби, перья под ногами. Поезд почти пуст, людей нет, несколько вечно испуганных китайцев. Смотрят на меня настороженно, боятся, что донесу, не стану я доносить, не беспокойтесь, ребята. Кажется, в прошлом месяце были погромы. По городу на пожарных машинах носились красные бригады, ловили китайцев, вешали, стреляли, с мостов сбрасывали. Некоторые считают, что из-за китайцев все это и началось, они виноваты. Притащили заразу, да и вообще... В центре люди пропадать стали, особенно по ночам, это, похоже, правда. Некоторые считают, что это колдуны. Китайские колдуны в отместку за погромы вызвали подземных демонов. Бред.

Я улыбнулся китайцам, чтобы подбодрить. Зря китайцы вышли, испугавшись. Правильно, нас теперь надо бояться, мы теперь злые. И их тоже надо бояться, скорее всего, это правда, про бешенство.

Теперь в вагоне никого уже не осталось, поезд, раскачиваясь, летел по туннелям, резче, чем обычно, замирал на станциях, так что приходилось держаться крепче за поручни, наверное, поезд вел ученик или вообще автомат. Не очень приятно, в последнее время в подземке участились аварии, и почти всегда со смертельными исходами. Прорывается вода, расходятся и вспучиваются рельсы, сквозь стены пробиваются корни древних деревьев, ну, и люди, они пропадают. Поэтому в одиночку в метро теперь мало кто спускается.

За окном мелькала динамическая реклама, нанесенные светящейся краской буквы проецировались на зеркальные стекла, предлагали приобретать акции лунных копеек, в преддверии грядущего энергетического кризиса чрезвычайно выгодные. Забавно. Связь с лунной базой потеряна, и неизвестно, что там произошло, судя по данным телеметрии нечто страшное, луна потеряна, а участки на ее поверхности все еще предлагают купить.

Бред. Вспоминалось «Путешествие на край ночи». А затем и «Путешествие к сердцу тьмы», второе путешествие походило больше. Я продвигался к пригородам. Станции становились все одинаковей и безлюдней, на некоторых не горел свет, по другим гуляли собаки, на третьих капала вода. В вагон никто так и не подсел, только я и бутылка, каталась от стены к стене.

На нужной станции поезд выпустил только меня. Я вывалился на перрон. Один. Лампы горели через одну, и эскалатор тоже стоял, к счастью, станция залегала неглубоко.

На поверхности шел дождь. Мелкий и ленивый, небо было затянуто пеленой, на земле голуби, сидят, нахохлившиеся, летать не желают. Людей мало, пробираются через дождь, тоже нахохлившиеся.

Трамваи не ходили, на рельсах стояла дрезина. Машинист собирал пассажиров, от денег отказался, согласился за три банки тушеной индейки. Я снова отправился в путь, уже в компании скучных мужчин и женщин, которые спали или слушали музыку. Дрезина собирала дождь, он стекал с крыши по отражателям, и ничего по сторонам не видно, я тоже решил спать, размер движения этому весьма способствовал. И я уснул, и приснилось мне тоже путешествие, причем ехал я так же на дрезине в какое-то удивительно хорошее место...

Меня разбудили. Дрезина стояла посреди города, только это был уже другой город, маленький и аккуратный, с домами под черепичными крышами, с белыми стенами и чугунными фонарями.

Я немного заблудился и искал дом Галы дольше, чем обычно, меня не встретил Джек, усталый сенбернар, калитка была распахнута, сигнализация не работала.

Они уезжали. Завтра. Отец Галы вызывал вертолет. Не знаю, кажется, у них где-то танкер, в море, или в океане, это секрет. Корабль, оборудованный всем необходимым. Чтобы переждать. Чтобы высадиться потом на ласковый берег и начать все с начала.

Это было... Ударом. Точкой. Когда она это сказала, я вдруг

понял, что никогда их больше не увижу. Никогда. Страшное слово. И осталось всего несколько часов.

Гала собирала вещи, Алька радовался. Вертолету, путешествию, морю — они так давно не отдыхали на море, большому кораблю, похожему на остров. Он прыгал вокруг меня и гудел, как настоящий пароход.

Гала была мне не очень рада, да и я ей, честно говоря, тоже. А попросил Альку. Она разрешила, понимала, что нельзя не разрешить.

Мне не хотелось быть рядом с Галой, делить с ней часы и минуты, и мы, несмотря на дождь, отправились гулять. Мы вышли под клетчатым зонтом, в плотных оранжевых плащах. Я не знал, куда идти, и не придумал ничего лучшего, как отправиться в кино.

Алька обрадовался, мы с ним часто ходили в кино, кино — это сосредоточение всех детских радостей — игровые автоматы, попкорн, сладкая вата, газировка и мороженое, недорогое счастье. Мы пробирались сквозь дождь, и Алька рассказывал, что они теперь спят с ружьем, потому что в лесу появились монстры. Днем их никто не видит, а по ночам они выходят и забираются в дом. Что недавно застрелили одного, они ходили смотреть, очень страшно. Как лев, только не лев, без шерсти совсем, и ушей нет, а когда его разрезали, то внутри обнаружили трех ротвейлеров. Хотели его сжечь, но приехали военные и забрали его с собой, чтобы изучать. А в реке поймали человека-рыбу, он даже говорить не умел и дышал только под водой. А тот пароход, на котором они с мамой поплывут...

Я что-то отвечал. Спрашивал, не боится ли он морских чудовищ? Видел ли он кашалота? Кто сильнее — кит или кальмар? Старался шутить, пел песенки, запомнившиеся с утренников. Про дружелюбных дельфинов, про сердитых каракатиц и разноцветного осьминога, перепутавшего детей. Алька смеялся и говорил, что дедушка подарил ему самоловную удочку, так что каждый день он будет ловить рыбу и кормить маму, бабушку и вообще всех на корабле.

Уговаривал и меня поехать, веселей ведь будет.

Я отвечал, что, конечно же, поеду. Но не сейчас, чуть попозже, у меня дела, а потом я обязательно их догоню на вертолете. Алька верил, обещал к моему прилету набрать кораллов и насушить рыбы.

Кино оказалось закрыто. Облезлые афиши, забранные ставнями витрины, в скверике под дождем скучают пластиковые герои, которые так и не спасли мир.

Алька расстроился, в кино ему очень хотелось, и я отправился к черному ходу, долго стучал кулаком. Открыл механик, злой и заспанный, пришлось долго его уговаривать, коньяк и консервы я прихватил совсем не зря.

Механик провел нас в зал, сказал, что новых фильмов нет. Собственно, никаких фильмов нет, хотя нет, есть, остался, про живых мертвецов. Мы согласились на мертвецов.

Фильм оказался ничего, бойкий, мы сидели в пустом зале, и даже я иногда подпрыгивал от неожиданности. Мертвецы были безжалостны и бессмысленны, они охотились на немногочисленных выживших и поедали их с видимым удовольствием. Я увлекся этой ерундой и с интересом наблюдал за злоключениями героев, герои бежали почти весь фильм, и внезапно меня посетила дикая идея. Не возвращаться. Пусть Гала собирает вещи для своего ковчега, пусть ее папаша-дурак присылает вертолет... Мы уже будем далеко. Из города бегут, тысячи квартир опустели, и никому нет до этого дела. Можно занять любую. Сейчас неразбериха, вряд ли нас найдут. Вряд ли это получится даже у ее отца...

Я представил глупое и удивленное лицо Галы, представил бешенство ее папашы...

Картина закончилась. Главный герой успел запрыгнуть в вертолет и взлететь. Но и мертвецы даром времени тоже не теряли — успели его хорошенько искусать. Так что герой вроде как и не спасся. Но я сказал Альке, что все закончилось хорошо, дяде сделают укол, и он вылечится.

Мы вышли из зала. Механик был уже пьян, от него пахло коньяком, глаза лучились хорошим настроением, он зажег свет и включил игральные автоматы. И мы стали играть. Лупить молотком по резиновым рыбам, гонять на квадроциклах, отстреливать мутантов в старинном замке, управлять подводной лодкой. Алька кричал, подпрыгивал, дрыгал ногами, пьяный механик бил в какой-то таз, автоматы визжали, и вдруг запахло попкорном.

Самым настоящим, я забыл этот запах, масла, карамели и кукурузы. Механик засмеялся, исчез и вернулся. С ведром, с настоящим пластмассовым ведром настоящего попкорна, который еще дымился и иногда даже неожиданно подпрыгивал.

Мы снова вернулись в зал и снова стали смотреть фильм

про мертвецов. Только в этот раз было уже не страшно, а смешно, Алик рассказывал, что случится вот сейчас и почему у этого дяди нет руки. Механик прикладывался к коньяку и рассказывал историю про то, как однажды во время вот такого же фильма загорелся потолок, а зрители решили, что так оно и надо.

Алька смеялся, жевал попкорн, а потом заснул. Я не стал его будить. Я взял его на руки и понес домой. Через дождь.

Обозленная Гала поджидала на крыльце с фонарем и с ружьем. Сказала, что звонил отец, вертолет будет на два часа раньше.

Я отнес его наверх. Не стал будить, накрыл одеялом. Не знал, что дальше делать, в голову будто штырь загнали.

Гала ждала меня в гостиной. Она вдруг захотела со мной поговорить, только вот у меня никакого настроения не было, я сказал, что мне пора домой. Она не могла сказать ничего, что я уже не слышал бы, мы молчали, а потом она принесла шкатулку. В ней были золотые часы, цепь из белого металла, перстни и несколько золотых зажигалок.

Потом я ушел. Дождь не прекратился, дрезина не ходила по причине позднего времени, я шагал по шпалам. Больно.

Не знаю, сколько километров я одолел, когда почувствовал, что больше не могу, свернул в лесополосу, наткнулся на бревна, целый штабель. Забрался в них и выл, слушая, как над головой грохочут вертолеты.

Домой вернулся к полудню.

Погода приключилась хорошей, небо переливалось бензиновой радугой, я чувствовал пустоту, распространившуюся вокруг, я остался один, и теперь, видимо, навсегда. В одежду впитался запах воздушной кукурузы, и тоже, видимо, навсегда.

Заглянул в обувной магазин, что напротив. Магазин разграбили еще на позапрошлой неделе, хозяин пробовал сопротивляться, дурак, зачем? Вон там его и повесили. На канделябре. Не поленились, что удивительно, могли просто пристрелить, а они повесили. Такое внимание к человеку сегодня встретишь редко. В магазине продолжал гореть свет, и под потолком вертелся старомодный вентилятор. Все полезное уже было растащено, даже

стулья.

Заглянул на почту.

Почта уже почти не работает, через раз. Что можно послать в наше время? Куда? Девушка сказала, что мне повезло — это последняя неделя, после чего почтовое сообщение прерывается ввиду бесперспективности. Я осведомился — бесперспективности чего? Почтовая девушка промолчала, видимо, имелась в виду общая бесперспективность. Затем сказала, что ночью в небе видели огни. Они висели над центром, то набирая высоту, то опускаясь к самым крышам. Тускло мерцали и выстраивались в небе в фигуры.

Я сказал, что это, наверное, вертолеты, на что девушка ответила, что вертолеты совсем не так летают, уж она-то знает. Я купил несколько пластиковых конвертов, девушка спросила, куда я собираюсь посылать письма, на тот свет, что ли? Она почти угадала.

Я вышел на улицу, почтовая девушка смеялась мне вслед.

Навстречу шагал человек. Сумасшедший, их последние дни много появилось. Говорили, что распустили все приемники в Сокольниках и теперь весь север в психах. Не всех, конечно, выпустили, спокойных, безопасных, а опасных... решили вопрос окончательно. Этот, видимо, безопасный. С бубном, с дудкой, весь в висюльках. Птичьи лапки. Самодельные. Скрученные из алюминиевой проволоки. И из медной проволоки. Выплавленные из свинца, вырезанные из тонкого железа, из картона, связанные из прутиков, из бисера. Из камня одна. Сначала я решил, что он собирается эти штуки продать, но сумасшедший задудел в трубу, сорвал с себя висюльку и протянул. А я взял. Не знаю зачем. Свернутую из красной проволоки.

Псих долго смотрел, потом смеялся, и я тоже усмехнулся, а псих сказал, что ждать осталось недолго, потому что вчера ночью пала последняя печать.

Псих, я устал слушать про печати, и про зверя, спящего в глубине, я вообще устал.

На углу стоял автобус Антикитайской Лиги. Возле на старых ящиках сидели крепкие вороватые мужики, курили. Заметили меня, замахали руками. Обычно я никогда не подхожу, а сейчас подошел. Сам не знаю зачем. На прошлой неделе вот так же автобус стоял, только не Лига, а военные. Торговали оружием. Автоматы, пистолеты, гранаты, все с разграбленных военных складов. Деньги уже не принимали, оружие меняли на консервы или на золото. Консервы я никому отдавать не собирался, золото... Золото еще оставалось, но только оружие мне было не нужно, не стал ничего брать.

Из автобуса Антикитайской Лиги тоже торговали насущным. Надувными лодками, альпинистским снаряжением, армейскими спасательными наборами, термоизоляционными спальными мешками, мультипрививками, вакциной от китайского бешенства, керосином.

Я достал часы. Дорогие, с бриллиантовыми цифрами и платиновыми стрелками, когда-то их сделали для одного европейского короля. Теперь я обменял их на керосин, примус и длинные альпинистские веревки. Керосин понадобится, хотя у меня и есть запасы. Примус тоже. Я запасся горелкой, но дублирующая совсем не помешает. Кто его знает, сколько это все продлится. Вербки... Веревок вот не запасено, я как-то о них не подумал. Зря. Я живу довольно высоко, а противопожарные системы совсем не работают. Если что, эвакуироваться не получится. И вообще, веревки в хозяйстве всегда нужны. Торговцы предлагали еще сгущенную воду, четыре баллона, но я не стал брать, слишком взрывоопасно.

Втащил наверх все, что купил сегодня, и свалил все в углу. Спал.

Очнулся от странного чувства. Почувствовал, что я не один. Что в квартире кто-то есть. Ошибся, не в квартире — небо светилось крупными зеленоватыми огнями.

И это были не вертолеты.

Тогда я подумал — начинается. Все только начинается.

Глава 12. Сирена

— И прыгнул в люк.

— Что?

— То, — ухмыльнулся Курок. — Я об этом и говорил. Зеленые огни. Инопланетяне. А дальше вырвано...

Курок многозначительно потряс тетрадкой, дотянулся до бутылки с водой, свинтил пробку. Бутылка пшикнула, Курок подпрыгнул.

— Газы, — объяснил он. — Раньше воду газом снабжали — чтобы не портилась дольше. До сих пор сохранились...

— А вырвали инопланетяне?

— Не знаю... А почему нет? Пробрались Предпоследнему В мозг и все выжгли. Он только написать собирался, а они раз! С целью сокрытия.

Курок стал пить. Медленными глотками, смакуя.

— Как раз оно и подтверждается, — Курок оторвался от горлышка. — То, что я говорил.

— Что подтверждается?

— Про поганных пришельцев. Это все они. Мужик огни видел? Видел. Земля тряслась? Тряслась. Это они и были. Вот он рассказывает про ночь огней — это инопланетяне прилетали. Нас завоевывать. Я тебе книжку покажу, там вся правда в доступном изложении...

— Не надо.

— Точно, — Курок поглядел в потолок. — Точно, они. Сами мы так не могли быстро все испортить. Тарелка упала...

Бум!

Стены дрогнули.

— Что это?! — Курок схватился за винтовку.

— Грунт оседает, — сказал я. — Дом слишком тяжелый, проваливается.

— Страшно...

Курок накрылся одеялом, винтовку не выпустил.

— Ничего, — сказал я. — Тут все проваливается.

— Это из-за пришельцев, — заверил Курок. — Из-за них. Спать.

Стали спать.

Мне приснился Папа.

Еще котенком. Только другого цвета, рыжего, но это все равно был Папа, я знал. Во снах так часто случается, вещи меняют форму, но сохраняют смысл, я бы узнал Папу, даже если бы он был не котенком, а крысой.

Папа почему-то сидел рядом с клубком. Я никогда не видел клубков, но тоже знал, что это именно он. А вокруг все белое, настолько белое, что глаза болят. Папа сидел и смотрел на меня, улыбаясь.

Наверное, из-за этой улыбки я и проснулся.

Почти все свечи прогорели, две остались.

Беда.

Я сразу почувствовал беду. Зло. Оно явилось и дышало теперь в затылок, горячо и жадно.

Вскочил. Предпоследний лежал на диване, мирно и ус-покоенно, позавидовать можно. Мертвому все ничего, живому все беспокойство.

Курка не было.

Я поднялся. В квартире тихо, чуть потрескивали свечи, распространяя вокруг запах горелого воска и фитиля.

Надел шлем, зажег карбидку.

Шепот. Он слышался со стороны входа, я медленно двинулся туда. Темнота расступалась перед блеклым светом моей лампы, узкий проход между коробками и тюками, я вышел в коридор и увидел.

Курок стоял у двери. Приложился к стальной изнанке щекой и ладонями, точно обнять

ее собирался, меня не заметил.

— Сейчас... — прошептал Курок. — Сейчас...

Всхлипнул.

Громко.

— Я всегда знал, — продолжал шептать Курок — Всегда... Я ждал... Я сейчас...

Он положил руки на засов.

— Я сейчас...

Курок принялся дергать засов. Засов не поддавался...

— Все это время мне хотелось... Я ждал... Я так ждал...

Курок дернул замок.

Лунатик. Лунатик, бродит по ночам, разговаривает, привычка довольно опасная. Придется связывать, лунатика мне не хватало, прекрасно.

Кажется, будить лунатиков нельзя. Разбуженный лунатик со страха может умереть от разрыва сердца...

Подождем.

— Всегда знал, что ты за мной придешь... — Курок тряс замок — Я сейчас, совсем сейчас...

Пора. Через минуту он справится... Засов был тяжел, и у Курка не очень получалось, он налегал, упирался ногами.

Засов держался.

— Сейчас... — старался Курок — Еще немного, погоди... Да, знаю, знаю...

Надо было хватать его за шиворот и отдергивать от двери. Потому что...

— Впусти меня.

Голос. Послышалось, что ли...

— Впусти.

Алиса. За дверью стояла Алиса, я услышал ее, она ждала меня там, она сбежала, все-таки сбежала...

И мне тут же захотелось впустить ее внутрь — зачем ей оставаться там, там холодно и страшно, лучше здесь, где светло...

И я соскучился.

Я попробовал убрать Курка, но он держался за ручку и не собирался ее отпускать.

— Дай я открою...

— Нет! — зашипел Курок — Нет, не надо...

— Впусти...

Открыть дверь. Немедленно...

— Нет! — Курок завизжал. — Моя...

Курок попытался оттолкнуть меня, а когда не получилось, вцепился мне в руку. Зубами. Глубоко, до кости, больно. Страхнул его, Курок шмякнулся о стену.

— Сейчас, Алиса, — сказал я. — Сейчас-сейчас... Я увидел кровь — прокусил, сейчас...

Наверное, эта кровь меня и привела в чувство. Какая Алиса? Здесь? Здесь не может ничего быть, здесь скелет. Теперь понятно, зачем эти кандалы. Предпоследний приковывал себя к стене, чтобы не открыть дверь.

— Впусти меня... Голос.

— Ну, пожалуйста...

— Сейчас, мама! — завизжал Курок — Сейчас открою... Он кинулся на меня, выхватывая нож. Успел перехватить, хлопнул его о стену уже с размаху.

— Впустите... Сирена.

Сирена! Волосы зашевелились, я отскочил от двери. Еще не хватало. Если сирена, то надо в уши воск...

Сирена, Гомер рассказывал. Редко встречаются, проклятые и недостойные души, бродят по нашему миру, а если осядут где... Семь человек остановились в заброшенном

доме, с крепкими дверями, с железными ставнями на окнах, с оружием, всего-то переночевать остались. И выжил только один. Один из семи, он и рассказал.

Как кто-то постучал в дверь. Вожак, конечно, не открыл. В дверь еще постучали. Аккуратно, тук-тук, тук-тук. Они уже поняли — что-то не так, и не открывали, решили дежурить по очереди. Но потом...

Они открыли и вышли в лес.

Вожак пытался остановить их, некоторое время, но ему ткнули ножом в затылок. И на следующее утро нашли. Висели вверх ногами на соснах, с выеденными глазами и внутренностями, с кожей, срезанной со спины. Тот, кто остался жив... У него не было воска, у него была смола. Он разогрел ее в кружке, залил в уши и все-таки закрыл дверь.

К утру он оглох и поседел. Но остался жив.

Сирены держатся места. Дом, подвал, чердак, поэтому Гомер предпочитал закапываться. В земле водятся черви, сирены не водятся.

Воск в уши.

Свечи, здесь полно свечей...

Я вытянул руки и потрогал дверь.

Дверь. Железо... Оно изменилось. То, до чего я дотронулся пальцем, больше не было сталью.

Я схватил Курка за руку, поволок в комнату, усадил на стул.

— Откройте...

Вот почему эти цепи. Эта тварь здесь давно, очень давно. Сирена... Проголодалась, видел я, что после остается. Дрянь, со временем она только силы набирается.

Я стал зажигать свечи. Свечи — это хорошо. Чем больше света, тем лучше, сирены свет не терпят... И колокол. Гомер говорил, что надо в колокол звонить... Только я раньше с сиреной не встречался. Алиса — совсем другое.

Свечи. Зажигал, расставлял, где только пристраивались, на полки, на стол...

Курок смотрел в сторону двери.

Попали...

Сколько лет она тут... Много...

Курок поднялся со стула.

— Послушай! — крикнул я. — Нельзя вставать! Надо терпеть!

— Терпеть, — Курок опустился на стул. — Мне кажется, там кто-то...

Он тут же пошевелился, попробовал приподняться, я ударил его в челюсть.

Курок свалился на пол. Сознание не потерял.

Воск.

— Нам нужен воск...

Я схватил свечу, собрал слезы, слепил в теплый комок.

— Надо засунуть в уши воск. Надо, Курок!

— Я не хочу воск в уши... — Курок тер глаза. — Там ведь мама...

Он поднялся.

— Ну, впустите...

Голос умолял. Алиса просила впустить. Алиса...

Я слышал Алису, Курок, видимо, другое... Маму. Которая подавилась булавкой. Повезло.

Мама просила ее впустить.

— Тут страшно,пусти... Пожалуйста, я боюсь...

— Надо ее впустить, — обалдело повторил Курок. — Я сейчас...

Пришлось бить еще.

Гомер долго учил — бить так, чтобы выключать сознание, но не калечить. Неделю, помню, тренировались, по морде друг друга стучали, ничего, научились. Курок свалился. Я размял воск, воткнул ему в уши. Затем себе. Воск был горячий, я разделил шарик на две части. Больно, хорошо, что Курок не очнулся.

Но очнется. И скоро.
Оглядел комнату.
Балкон. Здесь должен быть балкон, Предпоследний писал про него. Балкон. С балкона можно вниз. И где-то тут должна быть веревка...
Кладовка. Спасибо, Предпоследний, запасливый человек Впусти, впусти...
Впусти, мне страшно...
В голове перекатывалось — впусти, впустить, впустите, пожалуйста...
Я кинулся в кладовку. Канистра. Керосин.
Впусти...
Плеснул из канистры на дверь, черкнул карбидкой. Металл загорелся синим, за дверью зашипело.
Голос замолчал.
Сирена боится огня. Боится звона, Гомер говорил, что сирены редко встречаются, он всего двух видел, и от обеих едва смог спастись...
Бежать. Точно, Гомер говорил, что от сирены можно только убежать, она далеко от своего места не отходит.
Вернулся в кладовку. Где же веревка...
Веревки висели на стене, на крючках. Качественные, редко такие встретишь. Наверное, на самом деле альпинистские, по горам на них лазили, толщиной в мизинец.
Ящик со взрезанным боком, видимо, коньяк.
Инструменты... инструменты были, только... Все электрические, с моторами. Электролопата, электролом, электросверло. Все работают от электричества, никакого тебе ручного привода. Кувалда. Не знаю зачем, но в кладовке хранилась кувалда — здоровенный молоток весь железный. Я схватил этот молоток, с трудом поднял и еще штырь из электролома выдернул.
Окно в стене было старательно заложено квадратными серыми кирпичами, я размахнулся, ударил, кирпичи треснули, я вставил в щель штырь-лопатку и приложил кувалдой.
Штырь втиснулся в кладку, от потолка до пола пробежала трещина, я размахнулся и следующий удар направил уже наискосок. Квадратный кирпич вывернулся. В комнату ворвался резкий ночной воздух, свечи погасли, карбидка и та погасла. Пришлось зажигать.
А я ее слышал. Откуда-то издали, может, через зубы, но все равно, слышал, воск не помогал. Значит, сирена до меня достучится. Еще чуть-чуть и...
Смола у меня тоже есть, я ношу ее по старой привычке. Если расплавить в ложке...
Курок сел. Потрогал подбородок. Крепкая башка.
— Ты что, меня ударил? — спросил он.
— Сирена, — объяснил я.
— Сирена? Что... Какая сирена... Плохо слышу!
— За дверью! Она зовет, а люди идут! Потом...
— А, сирена! — выдохнул Курок. — Знаю! Можно снотворное, чтобы до утра отключиться!
— Нет снотворного!
Курок зажал уши. Смешно.
— Надо уходить, — сказал я. — Спуститься на пару этажей, я нашел веревку. Кирпич вышиб, разбирай пока. Не сильно, чтобы пролезть только.
— Куда?! На улицу?! Ночью?! Ты что, Дэв?! Совсем одурел?!
— Предпочитаешь тут остаться?
Курок замолчал. Я сунул ему кувалду, вернулся в коридор.
Дверь догорала. Она раскалилась, краска облезла, а кое-где по металлу шли круглые бордовые пятна. Я налил керосина в обрезанную бутылку, плеснул из нее на дверь.
Металл затрещал, из-под железной коробки потекла расплавленная резина, по бокам двери прорезались трещины. Широкие. Дрянь... Дверь хорошая, стены плохие, наверное, в

два кирпича. От разогрева начали трескаться, а может, и раньше трещины были, от усадки. Долго не продержится.

Если дверь не жечь, эта тварь сведет нас с ума, если жечь, коробка рано или поздно вывалится.

Дым еще.

— Впустите!

Уже раздраженно и требовательно.

Надо действовать быстро.

Бум.

Курок ударил в стену.

Я вернулся в комнату. Курок выбил два кирпича, неплохо. Быстро. Но нужно как можно быстрее.

— Курок! Бей в стену!

— Бью!

Оба орали, а слышалось как через песок.

Увидел примус. Керосина много, литра два. Быстро подкачал давление, свернул регулировочный винт, чиркнул огнем. Немного перебрал с керосином, рука загорелась, пришлось тушить курткой. Схватил примус, выбежал в прихожую.

Керосин снова прогорел, трещины стали шире. Дверь слегка наклонилась и вывернулась из короба. Щель шириной в руку. Отлично. Примус разгорелся, горел хорошо и Ровно. Установил примус на железную табуретку, пламя направил на дверь. Минут десять.

Вернулся в комнату.

Бум. Курок продолжал долбить в стену. Бум.

Коньяк.

Приволок из кладовки ящик, вскрыл. Двенадцать бутылок. Одиннадцать пустых, в двенадцатой коньяк. Тоже пригодится. Вытряхнул бутылки.

Предпоследний был аккуратным человеком, все пробки оказались на месте. Притащил канистру, свернул воронку из толстого картона и принялся наполнять бутылки керосином.

Бум. Курок старался, на шее вздувались вены. Предпоследний выложил стену в два ряда, придется Курку поднапрячься.

Я заполнял бутылки, затыкал пробками, складывал в рюкзак, одиннадцать штук, минуты три, много расплескал по полу, воняло керосином. Веревка. Длинная, наверное, метров сто. Или пятьдесят, не знаю, разрезал на четыре куска.

Надо где-то закрепить...

Вдоль стены батареи, привязал к ним, все четыре.

Дальше.

Отобрал у Курка кувалду, заорал:

— Сейчас уходим, собирай вещи!

Курок принялся собираться, я за ним уже не очень следил, ломал стену. Я был сильнее, бил точнее, кирпичи вылетали с одного удара. Через минуту я мог пролезть в дыру до плеч. Скверный кирпич, раскаляется легко. Я давно заметил — раньше только оружие хорошо делали, крепко, на века. Да и то не все, пистолеты вот все развалились, а штурмовые винтовки целы. Револьверы, только разве их встретишь. Целее всех ружья, но они вообще уже старые. Оружие вечно, а все остальное... Дома рассыпаются, книги жрет моль и крысы, электроника скисла, бутылки пластиковые невредимы.

Все. Готово, плечи проходят.

— Готово...

Я выбрался на балкон. Широкий. Луна. Набухла, еще чуть, и стечет, затопит улицы жирной желтизной. Как раз.

Вернулся в квартиру. Курок продолжал сборы, сгребал в торбу все, что под руку попадалось, не в себе.

— Курок! — крикнул я. — Уходи!

Он поглядел на меня и сквозь меня.

— Курок! Вниз! Уходим!

Свечи. Он собирал свечи, набивал ими мешок. Я шагнул к нему, хлопнул по щеке.

Курок кивнул.

Я подхватил одну из четырех веревок, привязал к кувалде, протащил на балкон. Отдышался. Теперь...

Размахнулся, швырнул кувалду вперед и вверх, в пустоту.

Молот описал широкий полукруг и врубился в стекло двадцатью метрами ниже.

Стекло разбилось. С совершенно неподходящим для ночи праздничным звуком.

Со звуком освобождения.

Мне вдруг еще одна мысль в голову завалилась, совсем не для этого места. Что вещи не портятся, они устают. Люди извлекают их из пустоты, дают жизнь, смысл и форму, вещи продолжают, а потом исчезают люди. Смысл исчезает, и Называется, что форма никому не нужна. И вещи устают эту форму держать. И в том, что все вокруг рассыпается, виноваты, конечно, люди. Но не потому, что они все делали плохо и без души, а потому, что они исчезли.

Небьющиеся стекла, они тоже устают. Как и все остальное. Лопаются с наслаждением, превращаются в вольную пыль.

Все вещи желают быть уничтоженными.

Показался Курок.

В одурелости. С мешком.

— Сам сможешь?!

Курок кивнул.

Он пропустил веревку через плечо, под мышкой и под коленом, прыгнул вниз, стал похож на большую и горбатую черную лягушку, скачущую по вертикали, астроном.

Я остался один. Сбегал к двери. Примус догорал.

Дверь выгнулась и скосилась еще сильнее. Ясно.

Надо уходить.

Надел рюкзак. Тяжелый. Привязал карабин. Закрепил мелочь.

— Впусти меня, милый...

Алиса. Заткнул уши.

Какой милый? Она бы так никогда не сказала.

— Впусти...

Почему я слышу?!!!

Я сел.

Напротив меня на диване лежал Предпоследний. Он лежал тут... не знаю сколько лет. Мы пришли к нему в дом, сожгли дверь, сожгли стены, наломали и наволяли, а сейчас...

А сейчас я поставлю точку.

— Впусти...

Опять на балкон.

Курок уже спустился, веревки болтались свободные, я втянул их назад.

— Впусти...

Достал из рюкзака леску. Леска тоже ценный ресурс. Во-первых, рыбу можно ловить, во-вторых, часто пригождается. В-третьих, сделать ее сейчас никак нельзя, секрет утерян. Петр пытался протянуть, ничего у него не получилось, а леска часто требуется, вот как сейчас, к примеру.

Привязал леску к подсвечнику, подсвечник пристроил на край стола. Зажег. А карбидку на каске, наоборот, потушил.

Теперь веревка. Отрезал от батареи, затянул на ручке канистры, там еще много оставалось.

Все.

— Впусти!

Страшно. Там за дверью ведь очень страшно, а Алиса одна...

Я опустил на стул.

Предпоследний... Мне почудилось, что он смотрит на меня. В пустых глазах перекатылся свет, а еще показалось, что он улыбается. Интересно, сколько лет он терпел?

— Пожалуйста...

Выстрелить. Под ухом. Карабин плотно вышибет слух, возможно даже совсем, перепонки не выдержат давления.

— Дэв...

Она назвала имя, и я решился. Кулаком и с размаху, по правому уху, уже и не больно. И сразу же по левому, а потом еще, я лупил себя по ушам, сильнее, сильнее, и так до тех пор, пока в голове не остался звон и один только звон.

Нормально.

Потом я сделал непонятное. Я подошел к этому Предпоследнему и снял у него с шеи пачифик. Плетенный из красной проволоки. На память.

Через минуту я тоже скакал, как лягушка, по небьющемуся стеклу.

Мир придуман для людей, людей все меньше и меньше, и мир не нужен. Вот он и разваливается. И когда исчезнет последний, мир разрушится. То есть совершенно. Пустота высосет атмосферу, метеориты расплавят сушу и испарят океаны, разорвется орбита, и планета столкнется с луной и рассыплется на миллион одиноких осколков.

Прибыли.

Оттолкнулся ногами от стекла, влетел на балкон. Курок приводил себя в ум, растирал уши. Остервенело и безжалостно.

Что-то выкрикнул, я не услышал.

Веревка. Дерни за веревочку, дверь и откроется...

Я потянул, и несколькими этажами выше опрокинулась канистра. Я стал считать. Немного выждать, пока керосин растечется по полу и начнет испаряться, пока он не наполнит квартиру гремучей взвесью, пока...

Я дернул за леску.

Здание дрогнуло. Я не услышал звук. Упала какая-то мебель, Курок прижался к стене, сверху пролился огненный дождь.

— Надо уходить!

Курок крикнул что-то в ответ.

Мы стали выбирать. Я снова зажег лампу. Эта квартира была точно такой же, как квартира Предпоследнего, только без мебели. Дверь открыта, замок выбит. Я выковырял из ушей воск. Все равно все слышно, не помогает.

Снял рюкзак, достал бутылки. Сорвал занавеску, нарезал длинных кусков. Смочил каждый керосином, прижал пробкой.

Готово.

Курок плохо держался на ногах, наверное, я перестарался немного, не рассчитал силы удара. Да и болеет он, легкие кровью брызгаются.

Я двинулся первым.

Вышли из квартиры. Чисто. Ничего, никого, только лунный свет, только лунные тени. Наверху разгорался пожар, это было слышно по глухому звуку, исходящему от стен, и по падающим за окнами огненным каплям.

К пожарной лестнице.

Лестница шла по наружной стороне здания, как бы прилепленная к стене и забранная стеклом и бетонными костями. Бетон сохранился, стекло тоже, стали спускаться. Было светло от луны, хорошо видно и перила с двух сторон, но Курка все равно мотало, стучался собой о стены. Через марш я отстал, остановился, прижавшись к бетону. Разгорелось хорошо. Из чего эти дома раньше строили, вроде камень, а горит, как дерево... Наверное, тоже усталость.

Достал из рюкзака бутылку, взболтал, поджег тряпку, швырнул вверх. Лестница

загорелась. Так, на случай если тварь решит прогуляться за нами.

Подождал, пока огонь рассердится, стал догонять Курка, на землю, на землю... А там посмотрим. До рассвета часа три, как-нибудь продержимся. В люк залезем или в подъезд... Нет, в подъезд нельзя, а вдруг их тут много? Вдруг эти сирены стаями водятся?

Три часа на улице...

Не зря я бутылок запас. Тут вроде бы мост недалеко. Хотя ночью на мосту...

Курок остановился.

— Что?!

Курок кивнул вниз. Я поглядел. Лестница как лестница, тени, все.

— Кто-то есть! — проорал Курок.

Кто-то есть. В большом здании кто хочешь может водиться. У нас везде может водиться кто хочешь, ненавижу наш мир.

— Стой здесь!

Я поднял карабин и двинулся по ступенькам. Ничего, все нормально, лунные тени...

Кинулось с визгом, не успел понять что и не успел понять откуда, выстрелил. Тварь отбросило на стекло и дальше, в пустоту, и вниз, к земле. Даже не понял, что это, очередная разновидность погани, жрец-мрец-упырец, разницы нет, но шустрая. Или сирена. Хорошо бы сирена...

Поднялся на несколько ступенек, перезарядился.

— Дальше идем.

Мы продолжили спуск. Еще. Еще такая же дрянь, прямо в ноги. Средних размеров, наверное, с обезьяну, может, это и была поганая чертова обезьяна, бац.

Размазалась по стене. Не сирена. Значит, сирена одна.

Курок закричал, но я услышал лишь «а-а-а», успел выхватить секиру и слева направо, и напополам.

А потом как прорвало.

Видимо, тут их много жило, посыпались отовсюду, и перезаряжать я уже не успевал, работал секирой и топором, и Курок сверху помогал, короткими очередями.

Мы спустились до третьего этажа, и я понял, что дальше не пробьемся. Потому что я начал уставать. Выхватил две бутылки с керосином, зажег, одну разбил перед собой, огонь полыхнул неожиданно сильно, почти в лицо, пришлось отступить. Вторую кинул вверх, прикрыть отступление.

Мы оказались на площадке между огнями, получили передышку. Я смог зарядиться, Курок поменял магазин.

Керосин горел медленно и ярко, погани не видно, мы отдыхали. Перед нами лежала мертвая тварь, можно было рассмотреть получше. Точно, обезьяна. Мохнатая. Размером с половину Курка, только телосложение другое, лапы длинные, зубы острые. Острые зубы, мясом, наверное, питаются. Или, наоборот, листвой, а зубы для самозащиты. Листвы в этом году мало, вот они на нас и набросились, проголодались.

Огонь. Все-таки огонь нам не зря дарован, греет и спасает. Гомер всегда говорил: правда — это свет, а огонь — это сгущенный свет, именно поэтому погань от огня и бежит, а добрые существа, наоборот, тянутся.

Ладно. Не скажу, что у меня было бодрое настроение. Дотянуть до утра при таком раскладе... Лучше и не думать.

Надо из этого дома поскорее выбираться. Скорее всего, эти обезьяны просто защищали территорию, наверное, в этом доме живут. Рядом с сиреной?

А что? Кажется, это называется... Симбиоз? Что мы про них знаем? Может, сирена обезьяне лучший друг. Может, от сирены у них потомство прибавляется. Она их бережет, как пастух баранов, а по ночам приходит и выбирает себе на пропитание. Пожирнее. Пищевые цепочки.

Я в эту пищевую цепочку входить не намерен.

Огонь прогорал. Мы стали спускаться дальше. Шаг за шагом, больше никто не

встретился, ни обезьяны, ни сирены, никто.

Вывалились на улицу. Ночь, прохладная и затхлая.

Найти место. Я огляделся. Вышку, хорошо бы вышку, редко встречаются. Но местность была неподходящая, дома и только дома, поэтому мы просто двинули вперед, к дороге.

Теперь первым шагал Курок. Я за. Потушил карбидку, толку от нее все равно на просторе нет, только темноту сгущает. Оглядывался почаще.

Дом, из которого мы выбрались, горел. Последние этажи забирал огонь, он полз по стенам из квартиры Предпоследнего, все выше и выше, видимо, при строительстве все-таки использовались горючие материалы, утеплители.

Взрыв.

Пригнулись.

Верхние этажи исчезли в огненной вспышке. Здание раскололось до земли и стало медленно клониться на нас.

— Бежим! — заорал Курок.

Дом просел, асфальт разломился, и из него вырвались железные фермы, как корни снесенного ураганом дерева, Курок бежал, а я смотрел, как прилип.

Падение замерло на половине, наклон оказался велик, и из широких окон стали вываливаться вещи. Из верхних горящие, из нижних нет. Мебель. Она падала и падала, расшибаясь об асфальт, и мне казалось, что я это даже слышу. Вывалился горящий рояль. Рояль как-то ловко полетел, точно крылья у него были, прорисовал в воздухе огненный кульбит и свалился почти на меня, метрах в двух, причем инструмент разлетелся на множество осколков, острых и горящих, и еще струны, толстые и горячие, едва не сорвали мне голову.

Стало смешно, очень смешно, я представил — три метра дальше — и все, смятка. Или всмятку. Смерть совсем малогероическая — быть прибитым внезапным горящим роялем. Курок много читал про героев, надо узнать, как все эти герои заканчивали свои дни.

В плечо попал камень, я оглянулся. Курок стучал по голове, подавал энергичные знаки камнем.

Я очнулся и подбежал к нему.

Продолжили отступление. Вернее, не отступление, бегство, отступить было некуда. А ничего, хороший у нас факел получился.

— На мост идем? — спросил я. — Карта где? Далеко?

Курок кивнул и показал пятерню.

Пятьсот метров. На мост. Там посмотрим, рядом с мостом обязательно должны быть люки, технические будки и другие полезные помещения. Попробуем там пересидеть. Торопились, почти бежали.

Вывалились к дороге и сразу в ржавые машины, улица оказалась кучно завалена автомобилями, пробраться невозможно, пошли по обочине.

Все было хорошо, я уже почти видел мост, я чувствовал его, мосты всегда размыкают пространство и ощущаются очень заранее. Как взлетные полосы, я один раз попал...

Дальше...

И снова рвануло, наверное, где-то в квартирах сохранились газовые баллоны. Вокруг просвистело стекло и камни, Курок согнулся и закашлял.

— Зацепило?!

Курок помотал головой. Выпрямился, рот в крови, по подбородку тоже течет, вытер рукавом, сейчас...

По затылку ударили, тут же набросились, стали давить, кусать — я едва успевал подставлять щитки. А тварь продолжала верещать, охать и вонять, наверное, вонять гораздо хуже сунса, обезьяна. И я заорал, выхватил нож и стал тыкать перед собой без разбора, в бешенстве.

Обезьяна оказалась твердой, не сразу зарезалась. Хорошо, что другие ей на помощь не поспешили, трусливый народ, в этом их главный минус, а то не справиться бы ни в жизнь.

Поднялся.

Перемазанный в крови Курок умудрился зажечь факел, держал его перед собой, со спины к нему подбиралась еще одна обезьяна. Другая, крупная, подкрадывалась сбоку, Курок их не видел. Я выстрелил, крупная отлетела, и Курок тут же заорал и, размахивая факелом, кинулся на оставшуюся. Та отпрыгнула, но не отступила, Курок орудовал слишком медленно.

Я поспешил к нему, с криком и секирой. Движуха. Со всех сторон, справа, слева, высовывались из окон, подпрыгивали, старались нас окружить. Обезьяны. Много, очень много, десятки, наверное. Я порадовался, что приглож — теперь я не слышал их мерзких криков. Не очень хорошо слышал. Жарко в этом году, жрать нечего, когда нечего жрать они все жрут подряд, я так и знал.

Это выживание.

— За мной! — крикнул я.

Стали отступать. Обезьяны окружали. Их количество увеличивалось, видимо, собирались из окрестных домов. Старались взять в кольцо. Через каждые двадцать шагов я стрелял. Обезьяну отбрасывало, и тут же ее место занимала Другая. Задние подпрыгивали и нетерпеливо подгоняли передних, которые не спешили.

Я достал скунса, сунул его Курку.

— Прыснешь, когда я скажу! — велел я.

Обезьяны гораздо, гораздо опаснее собак. Сила. Они сильнее нас, причем сокрушительно сильнее. Противостоять обезьяне не сможет даже самый мощный человек, я только что в этом убедился. Умнее. И зубы. Мало какая собака имеет такие зубы и такие челюсти...

А еще у обезьян руки. Почти руки.

И в этом мы убедились. Какая-то тварь швырнула первой. Камень. Неловко, не попала, но вслед за этим на нас тут же обрушилась лавина. Камни, обломки бетона, куски железа, все, что попадалось. Швыряли они не очень метко, но зато сильно. Щитки защищали, Курку доставалось сильнее. Нет, умные твари, закидывать камнями, это надо же... Поражали цель, не приближаясь к ней.

Я стрелял не переставая. Картечью. В самых смелых. Пока я перезаряжал карабин, стрелял Курок. А еще воинственно кричал. Потом у Курка кончились патроны. И пока я перезаряжался, самые наглые твари пододвинулись ближе.

— Скунс! — крикнул я.

Курок прыснул.

Обезьяны отхлынули.

— Лей вокруг!

Курок принялся брызгать. По периметру. Обезьяны отступали. Вонь ударила в голову, скунс — страшная вещь, зато благодаря ему у нас появилась передышка, прицелился, пристрелил еще одну, перезарядился.

Огляделся.

Дома. Недалеко мост, но нас оттуда выжали. И там открытая местность, трудно отбиться, закидают. Загрызут. Патроны у Курка кончились, скоро у меня тоже закончатся. Да и перезаряжаться я не успеваю, устал. Можно попробовать опять в какой-нибудь дом забраться...

Не пойдет. Не нравятся мне эти дома, слишком много разной дряни.

«М». Метров триста. Верхнее Метро.

Прикинул. Секунды две. На поверхности не отбиться.

— Туда!

И мы побежали в метро. Недалеко. Обезьяны приступили снова, и снова с камнями. Крупные, в три кулака. Падал два раза, и Курок тоже падал, хорошо в голову не попали, в башку таким камнем, и все, мозги веером.

Стрелять уже не стрелял, берег заряд.

За сто метров до метро у Курка кончился скунс. Он швырнул баллон, обезьяны тут же запустили его обратно.

До «М» добрались с трудом, «...еловская», успел прочитать, первые буквы обвалились. И череп рядом. Пририсован для указания. Или для утешения.

— «Савеловская», — прочитал Курок. — Зачем туда, Дэв... Не надо...

Не стал ничего отвечать, скатился вниз. В темноту, в тишь.

Не люблю Верхнее Метро. Вся погань постепенно сюда с поверхности переползает. Тепло, темно, лучше места для логова не придумать. Жрецы, другая мерзость. Но это там, на Востоке, что здесь даже придумать сложно.

Сверху влетело еще несколько камней, запрыгали по ступеням. Запалил карбидку. Направо уходил тоннель, длинный и узкий, не люблю тоннели. Сюда бы нормальный фонарь, нет фонаря, карбидка не берет, метров на пять.

Подземка навалилась, и от этого неожиданно вернулся слух. И этот поганый обезьяний лай я вполне услышал. Не ожидал, что столько их там, много, не пробьются.

— Дэв?! Ты зачем...

— Затем! Поверху не пройдем, ни сейчас, ни днем, подстерегут! Много этих... Патроны остались?!

— Все! У тебя гранаты, а?! Разгоним мартышек!

— А если не разгонятся?!

— Давай попробуем, не в трубу же эту лезть!

— Могут потом пригодиться, гранат почти не осталось!

— А у меня осталась! — рявкнул Курок, так что у меня в ушах даже задребезжало.

Остановить его я уже не успел, Курок взмахнул рукой, отпрыгнул ко мне, дикий, с перекошенным лицом.

Через секунду граната скатилась обратно.

Курок выругался. Громко и грязно. Дернул по тоннелю. Я за ним, и тут же в спину ударило, и мы покатались, тоннель заполнился пылью, голова загудела от ударной волны.

— Это что, они нам гранату обратно кинули?! — спросил Курок.

— Похоже... Похоже!

— Жить нельзя!

Курок прокашлялся.

— Жить нельзя, положительно!

— Это тоже они?! Пришельцы?!

— А?!

— Пришельцы! Идите в жопу, пришельцы!

Глава 13. Темные тоннели

Наверное, когда-то тут было хорошо. Зимой тепло от поднимающегося из глубин жара, летом прохладно от работы огромных вентиляторов, спрятанных в особых вентиляционных шахтах. Наверное, тут люди были, спускались по длинной автоматической лестнице, шагали по платформе, присаживались на скамейки. Сидели, ели мороженое, читали газеты или книги, дожидались поездов, уезжали.

Или не уезжали, просто дремали, убаюканные мелькающими вагонами, думали о своем. Потому что в подземном мире как-то лучше думается, суеты меньше. На поверхности тебя одолевают непонятные заботы, но стоит опуститься вниз, как мысли начинают совсем по-другому идти. Мягче, плавнее. Вот кто-то мне рассказывал, что на этих подземных станциях служили специальные люди, они следили за тем, чтобы пассажиры не забывали, зачем они сюда спустились, не засиживались чрезмерно, не занимали места в вагонах. А тех, кто совсем потерялся, проводжали в отдельные лечебницы, где их быстренько выздоравливали электричеством и кровопусканием.

Теперь тут было темно. Карбидка светила плохо, с мраком почти не справлялась.

— Что теперь? — спросил Курок. — Направо или налево?

И направо и налево одинаковая темнота, может, справа чуть погуще, так ощущалось.

— К центру куда? — спросил я.

— Направо, — ответил Курок через минуту размышлений.

— Туда и пойдем.

— Точно...

Курок поглядел вправо.

— А, ладно, ничего...

И Курок спрыгнул на рельсы. Я тоже.

Я шагал первым. Метров через сто наткнулись на поезд.

Верхнее Метро непроходимо не только из-за погани, хотя ее здесь тоже хватает. Поезда. Их слишком много. Некоторые стоят на станциях, другие застряли в тоннелях, некоторые столкнулись друг с другом, сорвались с рельс и перегородили путь. Прибавить сюда обвалы, затопления, прыгуны и просто ненормальные места...

Так что пробраться через все Верхнее Метро не удавалось никому. Пару станций пройти — уже подвиг. А когда-то тут собирались от войны прятаться, сейчас думаешь о такой наивности, и смешно. Хотя раньше и город был другой, не сильно тяжелый, не давил сверху, не прорывался снизу и не плюшил с боков. Наверное, и небо раньше тоже было легче, не насадало на крыши, а дома на землю...

Поезд синий, синего цвета. Под землей хорошо сохраняются цвета, этот синий. Курок устало плюнул.

— По бокам не пролезть, — сказал он. — Придется через вагоны.

— Можно под. Под вагонами.

— Устал я под, — Курок плюнул. — Хочу над.

Я достал открывашку.

Замок простейший, внутрь проникли легко. Курок ругнулся.

Скелеты. Первый вагон заполнен скелетами. Много. Одежда не истлела, они так и сидели. А некоторые лежали. Пробираться через это мне совсем не нравилось. Хотя, с другой стороны, мертвецы они и есть мертвецы, вокруг их полно, в домах, на земле, под землей, куда бы ты ни направился.

Перекатились в другой вагон, и там было то же самое. И в третьем. Курок смотрел под ноги. Или в потолок, по сторонам не смотрел.

— Что с ними случилось?

— Попрыгун, наверное... — ответил Курок. — Прыгнули в люк. Или выброс газа. Или... Да кто его знает. Наверху ведь то же самое. Вот, кстати, Петр считает, что попрыгун, он мог раньше случиться сразу со всеми. То есть такой большой попрыгун, общий. Сердце, ну и мозг, и другие человеческие органы, они работают на электричестве. И большое электричество могло состыковаться с маленьким электричеством человека, и все разом умерли. Во всем городе. Или спутники сработали...

— Некоторые не умерли, — заметил я.

— Да, некоторые... Я слышал, у некоторых людей сердце справа расположено, может, у них и электричество другое. Они могли и не умереть.

— Ерунда. Просто не умерли те, кто во время удара подпрыгнул и висел в воздухе. Отсюда и название, кстати. А те, кто стоял или сидел-лежал, они все погибли.

— Ну да...

Курок наклонился, поднял кость.

— Все? Все подпрыгнули? Много ты знаешь людей, которые все время прыгают?

— Но и в живых осталось немного. Я думаю, те, кто остался...

Лампа погасла. Курок хихикнул.

— Зловещий знак, — сказал он. — Тебе предсказалка-то что предсказала?

— Что мы будем жить долго и счастливо.

— Не знаю, не знаю... Почему темно?

— Вода пролилась.

Воды у меня было достаточно, я вообще с водой дружу. Заправлять бачок лампы в полной темноте тяжело, пришлось повозиться. Курок молчал. Я старался сосредоточиться на лампе, надо сказать Петру, пусть усовершенствует. Хотя, конечно, трудно настолько совершенное устройство еще улучшить, ни разу не подумаешь, что оно двести лет назад придумано. Триста. Наверное, это одна из тех вещей, что на самом деле вечны. Вот как револьвер. Прекрасная штука, только встречается редко. Или будильник. Шнырь говорил, есть такие будильники, что могут пятьдесят лет без завода ходить. А потом завел — и еще пятьдесят, получается, за один завод может две жизни человеческой пройти. Кого-то в фарш перемелет, другие сами помрут, а часы будут тикать и тикать. Порох. Тысячу лет назад его научились варить и до сих пор варят, польза от него просто невероятная. Наверное, порох — это лучшее, что человечество изобрело, стрельба — одно из самых бессмысленных его применений. А порохом можно ведь много совершить, горы двигать, реки прокапывать, салюты запускать, на Луну, наверное, тоже порохом отправляли.

Курок не выдержал, пустился бормотать. Правильно, понятно, человек в темноте жить не может, он не летучая мышь, не рыба безглазая, не древняя птица птеродактиль, которая ушами смотреть умела, человеку нужен свет.

Я думал, он про мать бормочет, а он про шахтеров.

— Раньше они никогда на поверхность не вылезали, они ненавидят поверхность, и задыхаются от чистого воздуха. Я вот никогда не видел шахтера, ни живого, ни дохлого, я вообще думал, что это только сказки. А не сказки. Если уж шахтеры выползают наружу, то...

— То что?

Я подвернул клапан, вода закапала на карбид, газ потек по пластиковой трубке, я чиркнул зажигалкой, стал свет.

Курок стоял чуть поодаль, втянувшись в плечи, зрачки расширены, здоровенные, черные и страшные, у меня даже мурашки по загривку пробежали.

В руке та самая красная коробочка, та, что Курок снял с шахтера. Что он так эти таблетки-то жрет...

Курок успокоил:

— Славные у шахтера пилюльки, после них — все кишки в холодке, не хочешь?

— Потом.

Я посветил вокруг. Вагон, скелеты. Ничего особенного. То есть ничего совсем особенного, мертвецы. Мертвецы, много, конечно. И что-то... Что-то в них было... Ненормальное. В каждом. Я смотрел и никак не ловил, что именно. Мертвецы как мертвецы. В последнем вагоне только... Никого. То ли закрыт был, то ли еще... Ничего.

Почти. В последнем вагоне на стене рисунок. Из черного распылителя сделанный, такие часто встречаются на стенах, раньше люди любили писать всякую чушь, ерунду, буквы и знаки. И тут тоже, в этом вагоне. Большой черный знак Пацифик. Этот самый. Перечеркнутый жирным красным крестом. А внизу подпись.

«Остановим Апокалипсис».

Апокалипсис.

— Апокалипсис — это...

— Конец света, — объяснил Курок.

— Конец света? — переспросил я.

— Вот все то, что вокруг, — покрутил пальцем Курок. — Все это и есть конец света.

Курок громко хрустнул костями. Не своими.

Выбрались из последнего вагона, прыгнули на пути, через двадцать метров начался другой состав, тоже синий. Двери во втором составе были перекошены, пришлось выбивать стекло.

Снова мертвецы, даже больше, чем в прошлом, почти по колено мертвецов, кости рассыпались и тресали, мы брели, как через февральский снег. И опять — что-то в этих трупах меня смущало, я осматривал каждый и снова никак не мог понять.

И Курок опять завелся. Теперь не про шахтеров, а про мертвецов, каких только мертвецов он в своей жизни не видел. Высоких, толстых, приземистых, мертвых в крайней степени и не совсем, начиная с мамы, когда она подавилась булавкой, он присутствовал рядом, до сих пор эта душераздирающая картина стоит перед глазами...

Последний вагон пуст.

Я вдруг догадался, увидел, что не так.

И совсем не удивился, когда мы наткнулись на третий состав.

— Опять... — Курок выругался. — Надо было идти налево. С чего ты решил, что направо... Три поезда друг за другом. Может, внизу пролезем? Я что-то не хочу через это...

Я не стал с ним спорить, просто запрыгнул в вагон. Человек не должен ползать, человек должен ходить. Высоко подняв голову. По-человечески.

Курок не отставал.

— Опять... — прошептал он. — Да что здесь... куда они все ехали...

— Никуда они не ехали, — сказал я.

— Что?

— Никуда они не ехали. Погляди на волосы.

— А что волосы?

Курок принялся разглядывать.

— Волосы...

— Они черные, — сказал я. — Волосы.

— И что?

— Ты что, не понимаешь? Они тут не просто... Это... Это китайцы.

Курок хмыкнул.

— Да, китайцы. Самые настоящие. У всех китайцев черные волосы.

— Ну и что?

— То, — я кивнул на скелеты. — Их посадили в вагоны, привезли сюда и пустили газ. Очень удобно.

— Их что, убили?

Я кивнул.

— Ага. Видимо, это китайское бешенство. Кто-то из пассажиров был зараженным, и они решили не рисковать.

— Но они не выглядят бешеными...

Я пожал плечами и направился по вагону. Три состава мертвецов. Вот. Неприятно. Китайское бешенство, а вдруг оно заразно? Сидит вот в этих трупах, а мы им дышим.

— Я не китаец, — сказал вдруг Курок.

— Все так говорят.

Третий поезд оказался самым трудным. Скелетов было гораздо больше. Еще больше. А последний вагон тоже пустой.

— Почему последние вагоны пустые?

— Там ехали добивающие, — ответил я.

— Кто? — негромко спросил Курок.

— Те, кто добивал. Они ехали в противогазах, а потом прикончили выживших. Ладно, какая разница...

Я выбил дверь, мы спрыгнули на рельсы. Четвертого поезда не было.

Шагал первым, Курок сопел за спиной.

— Раньше тоже плохо жилось, — сказал он.

— Что?

— Все. Ты вот говоришь, раньше другой мир был, люди правильно жили, и все было устроено правильно, разумно. А ничего подобного. Еще хуже, чем у нас. Все друг друга убивали, целыми поездами... Это нехорошее место.

— Знаю.

Погань, она любит глухие места. Где много народу загублено. Словно чувствует.

— Нехорошо здесь, — повторил Курок. — Точно-точно. Плохо тут...

— Вернемся?

Курок фыркнул.

Двигались дальше. Темнота скрадывала расстояние, но вряд ли мы прошли больше километра. Скоро станция, на круговой линии короткие перегоны. На станции залезем в какую-нибудь каморку, дождемся утра, а там на поверхность. Рядом уже, недалеко.

Шагали. Тоннель был однообразен, как все тоннели. Бетон, кабели, на стенах черные разводы от просочившейся воды, рельсы, покрытые ржавчиной. Никаких указаний.

— Вниз идем, — сказал вдруг Курок.

— Что?

— Не слышишь разве? Опускаемся вниз.

Я пока ничего не замечал. Но мы прошли еще метров триста, и я тоже почувствовал — шагалось слишком легко. Значит, под уклон.

— Такое случается, — сказал я. — Тут все смещалось-пересмещалось, ничего удивительного.

— Вниз идем, и платформы нет, — возразил Курок — Мне это не нравится.

— Станции на самом деле нет. Хотя под землей все путается. Ориентиров-то видимых нет... Давай поскорее.

Поскорее не получилось, Курок не мог поскорее, хрипел. Я уже думал предложить ему передохнуть. Пусть посидит, пусть табак свой пожует, а я вперед схожу, посмотрю, что там к чему, но быстро понял, что идея дрянная, разделяться нельзя.

Стало труднее дышать. Под землей вообще дышать трудно, воздух старый, вентиляция давно не работает, иногда пробивает сквозняком, и все. Я человек привычный, могу дыхание, если надо, хорошенько прибрать, Гомер научил как. А вот Курок через раз дышать не привык, и пыхтел, и потел, стал запинаться и в конце концов остановился и просипел:

— Все... Передохнем...

Привалились к стенам.

— А воздух-то кончается, — Курок потер нос. — Все ниже и ниже опускаемся... Не то что-то... Длинный перегон, дышать нечем, надо возвращаться...

— Возвращаться? А если до станции метров сто? Если тут совсем рядом?

— А если это метан?

Курок втянул воздух, будто унюхать этот метан собирался.

— А если он рванет, а?

Думать начал. Это хорошо. Но слишком поздно. Это плохо. Папы нет, Папа просигнализировал бы, метан — не метан. Даже если не метан, все равно опасно. Надышишься — и не заметишь, как сознание потеряешь, все тогда.

— Возвращаемся, — сказал я.

— Правильно, — кивнул Курок. — Все герои отступают, когда нужно. Конечно, если бы у нас были противогазы, мы бы не отступили, мы бы смело пошли... Что, опять через мертвецов пробираться придется?

— А ты что думал? Придется.

Но не пришлось.

Мы повернули обратно. Шагали тяжело, почти незаметный для глаза уклон прекрасно чувствовался плечами, Курок еле волокся, мне пришлось пропустить его вперед и чуть подталкивать.

Время растворилось, на поверхности я чую каждый час, это нетрудно, здесь ориентироваться нельзя. Считать не хотелось, сказывалась усталость, недосып, перепуг, и вообще, я велел считать Курку, но он три раза сбивался, считал неравномерно, ойкал, в считари совсем не годился.

Тогда я стал читать мерный тропарь, он ровно полчаса длится, а полчаса при нашем темпе — это километра два, но даже тропарь забылся, видимо, от смущения темнотой. Человек не может в темноте.

Курок булькал легкими, плохо ему, тяжело. Как вернемся, сразу начну его по-своему тренировать. В бочке у меня сидеть будет. С водой. Дыхание задерживать. А если всплывет раньше времени — по башке. В противогазах спать, в противогазах жить, веревкой поперек туловища обматываться заставлю, пусть Япет что хочет говорит, теперь по-своему буду. Тропари наизусть станет учить — это укрепляет мозг, вериги носить — это укрепляет дух...

— Стоп, — сказал я.

Остановились. Курок устал на меня. Дрянно выглядел, почернел. Под землей все чернеют.

— Как самочувствие?

— Плохо, — ответил Курок. — Ноги трясутся. Но ничего, я вытерплю.

Он достал свою коробочку, выкатил на ладонь три капсулы.

— Здорово помогают. Выпью сразу три, чтобы надолго. Повезло же шахтера найти, а?

— Повезло.

— Повезло. Будь здоров.

Курок проглотил пилюли.

— Тошнит немного, — сказал он. — Меня всегда под землей тошнит...

— Идти сможешь или передохнем все-таки?

— Смогу, — ответил Курок. — Смогу. Картофана знаешь? Однажды его мать забыла закрыть лекарства, он сожрал таблетку от паразитов. Только она не простая была, а лошадиная. Не сдох.

Курок хихикнул.

Испуган, отметил я. Ничего удивительного опять же, любой, в ком нет твердой веры, легко поддается панике. Особенно в темноте. А ведь тьма — это всего лишь низшая степень света. Я тоже темноту недолблю.

Двинулись дальше.

— Интересно, почему тоннель вниз шел? — спросил Курок — Я слышал, что есть такие тоннели, что загигают аж под Нижнее Метро.

— Зачем?

— Ну мало ли... Кто его знает...

— Только не говори про пришельцев, ладно? — попросил я.

— Мне рассказывали. Про эти тоннели. Будто внизу, глубоко-глубоко, есть пещеры. Целый пещерный город. Настолько огромный, что верхний город в нем может запросто уместиться, но там никто не живет. Потому что там тюрьма. Туда преступников сбрасывали...

— Пришельцев? — перебил я.

— Каких пришельцев, преступников...

— Пришельцев-преступников?

— Нет, обычных преступников. Злодеев и негодяев. Их так много развелось, что девать некуда стало. Вот и решили в пещеры скидывать, пусть не мешают. Мертвецы в поездах — это не китайцы, это преступники. Их везли, чтобы в тюрьму скинуть. Но не довезли...

Я вдруг подумал, что это похоже на правду.

— А может, эти подземные тюрьмы были уже переполнены и негодяев решили прямо здесь прикончить.

Курок замолчал.

— Должны уже поезда быть... — сказал он. — Эти, с мертвецами...

На самом деле. Идем уже давно, а поездов нет.

Курок закашлялся.

— Поездов нет, — сказал он. — Мы, кажется, заблудились.

— Как можно заблудиться на рельсах? Мы шли всегда прямо...

Отлично. Похоже на мутанта, мутант вот так примерно орудует, мозги сшибает с курса, наткнешься на мутанта — будешь весь день по кругу ходить, пока ноги не отвалятся. Но как мы тут на мутанта наскочили? На самом деле, на рельсах трудно заблудиться.

— Я слышал... — Курок дернул шеей. — Тут разное случается... Плутают. Тут Центр близко, зло сильнее...

— Ерунда, — ответил я. — Просто не туда свернули. Все просто.

— Мы не сворачивали, прямо шли...

— В темноте не заметили. Темнота обманчива очень, ты же знаешь. Свернули не туда на стрелке, вот и все дела, заблудились. Вернемся.

— Мы уже давно возвращаемся. Должны вагоны начаться, а ничего. Долго еще?

— Рядом.

Я вскинул карабин, выстрелил.

Пуля чиркнула по стене метрах в пятидесяти, искры вспыхнули, по стенам покатился гром. Эхо. На вагонах оно должно было рассыпаться и остановиться, но оно не остановилось, просто распрыгалось, затихло, и я понял, что там, впереди, ничего нет. На километры.

— Все, — сказал я. — Остановка. Надо отдохнуть.

Голова заболела, наполнилась неприятной тяжестью, собравшейся во лбу. От тяжести трудно думать.

— Давай костер разведем, — Курок сел на рельс. — Жрать охота...

— Нельзя костер, — сказал я. — Можем приманить... Кого-нибудь...

Это точно. Приманить запросто кого-нибудь. Ну и пусть. Лучше уж приманить, чем сидеть в этой пустоте. Все равно топить нечем. Разве что изоляции кабеля нарезать. Но она вонять будет, дымить, наглотаемся, ничего хорошего в этом нет, можем прямо здесь и уснуть.

Курок развязал торбу, стал доставать свечи.

— Ты чего? — спросил я. — Зачем свечи?

— Я сейчас.

Курок двинулся в темноту, со свечой. Через каждые десять шагов он останавливался, зажигал свечу и ставил ее на Рельс. Десять шагов — свеча, свеча — десять шагов, теперь по тоннелю уходила ровная цепочка из огоньков. Красиво. Все-таки астрономы иначе мыслят, не как все. Я бы вот никогда такого не придумал бы.

Семь свечей в одну сторону, а затем семь свечей в другую, а мы посередине, правильно, надо отдохнуть. Дрянная ночка выдалась. Это если мягко говорить.

— Мы в кармане, — сказал Курок. — В черной дыре.

— В какой еще дыре?

— В пространственной. Редкое явление, но встречается. Искривление, люди попадают в него и ходят по кругу до смерти...

— Как интересно, — сказал я.

— Говорят, надо кровью побрызгать, — сказал Курок. — Кровь любое пространство выпрямляет, сыздавна известно. Вот вы в Рыбинске от мутантов как спасались?

— Никак.

— Ясно. От мутанта есть несколько способов...

— Ну вот ты и побрызгай, — посоветовал я. — Кровью.

Курок пожал плечами.

— У меня крови мало, — сказал он. — И она неправильная вся, белокровная, такая не пойдет. Для того чтобы выбраться, нужна сильная кровь.

Поглядел на меня.

— Прыгни в люк, уродец.

— Я так и знал. Да пожалуйста, прыгну. Я просто к тому, что кровь очень помогает, облегчает. И надо немного, еще останется, ты не беспокойся...

— А я не беспокоюсь.

Пристрелить, что ли? Я снял карабин, стал поглаживать курок, поглядывать. Огоньки колыхнулись, заплесали на свечах, замерли, сквозняк.

— Что делать-то будем? — спросил Курок

У меня не было никаких идей — нельзя же считать идеей поливание стен кровью? Во-первых, это погано, во-вторых, кланяться всякой мерзости не в моих правилах. И никакой крови.

— Никакой крови, — я помотал головой.

— Как скажешь. Тогда есть научный способ, на мутантах опробован. Если человек вдруг понимает, что к нему привязался мутант, он действует так

Курок вытер лоб.

— Действует примерно вот как. Человек закрывает глаза, вертится, останавливается вдруг. Открывает глаза, намечает направление, кидаёт кошку, идет по кошке. Снова закрывает глаза — и снова вперед, и до тех пор, пока не выйдет мутант, он небольшой, ноги короткие, вполне можно его опередить.

— Опередить?

— Ага. Но это, конечно, если человек понимает, а такое редко встречается. На то и мутант, чтобы мутить. К нам, конечно, не мутант привязался, тут проблема, видимо, в самом тоннеле, не в порядке что-то с ним. Из-за мертвецов. Зло. Когда его слишком много, да еще в замкнутом пространстве, дурные вещи происходят...

Это правильно, прав Курок, абсолютно. Поэтому злодеев надо успокаивать как можно раньше. Если этого не делать, то они злодейской силы набираются, и сложно уже с ними. Тут все как у праведников, чем дольше негодяй упражняется во зле, тем труднее его победить. И с жизнью злодеи тяжело расстаются, в муках, в гноище и нарывах, геенна заранее протягивает к ним свои лапы, редкая вонь при смерти злодея повергает в трепет... Хотя о другом надо думать. Как выбраться. Понятно, что бродить туда-сюда бесполезно, забродимся, выбьемся из сил. И этот спуск вниз...

— Сначала кончится вода, — рассказывал Курок. — Вода всегда заканчивается первой, некоторые пьют очень много. А как кончится вода, так сразу кончится и свет, лампа ведь на воде работает. Без света туго. В темноте есть особенно сильно хочется. Еда быстро кончится, а здесь еды не найти, я даже крыс не видел...

Свечи. Пламя опять дрогнуло, огненная дорожка колыхнулась, точно сквозняк...

— Воду можно слизывать с рельс, — сказал я. — Рельсы тут длинные, так что воды вполне хватит.

— Язык сотрешь — рельсы ржавые, кстати.

— Это еще лучше, от рельс организм железом здорово пополнится.

— Главное, чтобы не свинцом. Свинец — очень вредный для человека. Слушай, Дэв, а кто тебя звал? Ну, там?

— Никто.

— Она? Она ведь? Красавица твоя? Знаешь, сирены, они под самых важных людей подделываются. Получается, она для тебя самая важная. А ты ее лечить не пробовал? Говорят, холодная вода помогает. Главное, держать подольше...

Неожиданно Курок замолчал, подумал чуть, а затем стал считать.

Вслух.

— Раз, два, три, четыре.

Я смотрел на него.

Сорок восемь — и свечное пламя колыхнулось снова. Интересно.

Курок считал еще два раза.

— Пятьдесят секунд, — сказал он. — В среднем. Каждые пятьдесят секунд в тоннеле что-то происходит... Точно сдвигается маятник огромных подземных часов... Знаешь, Дэв, в темноте люди не живут, в темноте они перестают быть людьми...

— Знаю, знаю. Пятьдесят секунд?

— Пятьдесят секунд, точно... Смотри на меня. Дэв, смотри на меня, ладно?

Ладно.

Астроном не спеша отправился вдоль свечей. А я размышлял о том, что в этом, наверное, имеется смысл. Включать в каждую группу вот такого, как Курок. Астронома.

Япет не дурак, что уж тут говорить. Интуиция, так это называется. Чутье, редкая способность в некоторые минуты воспринимать действительность непосредственно.

Вот сейчас нас эта самая интуиция серьезно выручила. Сначала Курок в приступе паники нагреб свечей, а потом в приступе непонятно чего расставлял их по рельсу. Я не очень хорошо понимал, что он задумал, ну да ладно.

— Надо разметить путь, — крикнул Курок.

Он добрался до последней свечки. Пламя колыхнулось.

— Опять выдох, — сообщил Курок. — Пятьдесят секунд — и снова. Как пульс.

Курок двинулся назад. Ко мне. Гася и подбирая свечи, семь штук потушил, семь осталось.

— Придумал выход? — спросил я.

— Вроде бы. Свечки еще есть... Есть вроде... Собирайся.

Я всегда собран.

— Отлично. Теперь слушай.

Курок стал вдруг серьезным и строгим, не похожим на себя. Астрономическим, пожалуй. А я к другому привык уже.

— Держись рядом со мной. Выполняй все мои требования. Если отстанешь... Тот, кто отстанет... Здесь и останется. Ясно, герой?

— Ясно, — ответил я.

— Тогда за мной.

Он двинулся вдоль горящих свечей, не торопясь, отмечая колыхания воздуха, на седьмой свечке наклонился и зажег восьмую, приставил ее на рельс метров через десять. Затем девятую, затем...

Продвигались. Курок шагал первым, считал, ставил свечу. Я начинал понимать. Он размечал пространство. Чтобы не пропустить поворот. Можно было бы натянуть леску, но с огнем вышло красивее. Когда в линию выстраивались все четырнадцать, Курок просто переставлял их из конца в начало. По одной.

— Медленно, тут спешить не требуется, — приговаривал

Курок. — Постепенно, совсем постепенно. Шагаем, уже немного... Все руки сжег, воск горячий. Перчатки, что ли, дай...

Я стал снимать с пояса перчатку, она зацепилась, и вдруг Курок ойкнул.

Дальняя свеча исчезла. Не погасла, исчезла, только что была на месте, и огонек мерцал и... И только темнота, воздух изменил запах, стало ощутимо холоднее.

— Бежим! — Курок ухватил меня за запястье и поволок

Мы пронеслись вдоль горящих свечей, воткнулись в темноту и тут же за что-то запнулись и покатались, лампа на шлеме погасла, я стукнулся о железо, прикусил язык.

Я пробовал зажечь карбидку, не получалось, Курок опередил, запалил свечку.

Тоннель. Точно такой же.

— Опять...

Я был немного разочарован.

— Свечей на рельсах нет, — указал Курок. — Не видишь разве?

— Вижу.

— Они там остались.

— Там?

— Ага. Ну... За поворотом. В астрономии это называется искривление пространства. Оно...

— Дальше можешь не продолжать, верю.

Великая наука астрономия, нечего сказать. Хорошо хоть кровью брызгать не пришлось.

Я поднялся на ноги.

— Надо отсюда подальше сваливать, — Курок подул на свечку, пламя запрыгало. — А то опять затянется. Обошлось без крови, однако.

— Это еще посмотрим...

Я отобрал у него свечу и быстро направился вдоль по тоннелю. Курок не отставал, успокаивающе пыхтел за спиной. Тоннель на самом деле был другой. Рельсы кривые, точно их нагрели, а потом резко остудили, отчего они сделались как змеи.

— А я ничуть и не сомневался, — Курок хлюпал носом. — Всегда знал. Что мы выйдем. Мы ведь герои. А настоящие герои легко выходят из любого лабиринта. Силой ума! И никаких жалких обрядов не требуется, никакой крови...

Я молчал, повторял про себя тропарь. Благодарственный. За то, что выпутались. Я повторил его раз, два и три, а потом уже сбился со счета, сколько раз, он вертелся и вертелся у меня в голове, пока Курок не сказал:

— «Белорусская».

— Что?

— «Белорусская», — повторил Курок.

— Не может быть... — Я направил свет лампы на стену.

Действительно, «Белорусская».

— Мы не могли сюда добраться, — Курок показал карту. — Это... Через несколько станций... И линия другая. Как мы перепрыгнули?

— Видимо, не туда свернули, — поморщился я. — В секретный тоннель.

— Ага... — Курок разглядывал карту, к носу ее почти приблизил.

— Тут полно секретных тоннелей, — сказал я. — На карте они не отмечены. Некоторые идут в три этажа. Мы могли провалиться...

— Могли... Мы все могли... Знаешь, Дэв, нет тут никаких тоннелей.

А ну его. Не хочу думать. Есть тоннели, нет тоннелей... Одной мерзостью больше, одной меньше. Надоело. Плевать.

— Тут все в одной плоскости. Тоннели...

— Прыгни в люк, Курок, мы почти пришли. Про тоннели подумаем после.

Глава 14. Московский зоопарк

Нас встретил дождь. Хмарь, застилавшая небо и не небо, все, хмарь, несмотря на дождь, не рассеялась, а как-то даже сгустилась, вода прижала ее к земле и теперь выжимала сажу. Солнца совсем нет, видимо, над гарью еще тучи.

Первый дождь.

Гомер всегда собирал первый дождь, хранил его в серебряной банке и, когда кто-нибудь начинал болеть, лечил его этой водой, конечно, только от желудочных заболеваний. Этим дождем вряд ли чего можно вылечить, скорее наоборот.

Мы сидели в вертолете, смотрели. Я изменился. Раньше я вот никогда так не сидел, просто. Все время что-то делал, стрелял, бежал, могилы рыл. А сейчас сижу. Могу час сидеть и смотреть, и двигаться не хочется.

Вода стекала по лопастям, собиралась в струйки.

Вот сейчас шевелиться совсем не хотелось. Я вдруг вспомнил, что ни одного дня в своей жизни не отдыхал, даже когда ослеп — и то сидел, патроны снаряжал. Взять бы вот целый день, дождливый или, наоборот, солнечный, пойти куда-нибудь... Куда у нас пойдешь...

В кино. Или в зоопарк. Или на рыбалку. Некуда.

Пойти на рыбалку, на нормальную речку, с песком, с прозрачной водой. Чтобы на берегу сидеть и видеть, как рыбы в глубине шевелятся, как трава извивается. И не страшно чтобы — потому что погони нет. Ни крокодилов в омуте, ни волкеров в кустах, ни голема, ни сыти, сиди себе, на солнышке грейся.

А потом домой вернуться и спать. Целый день, и целую ночь, и на следующее утро тоже.

— Кажется, здесь, — сказал Курок. — Это место. Вон там...

— Что вон там?

— Ничего... Чего ждать-то?

— Еще час. Темно. Не хочу во что-нибудь влететь. Как-то здесь пусто.

— А ты что думал, нас тут с музыкой встречать будут?

Всю ночь просидели в люке. Больше, где спрятаться, не нашли. Люк был пыльный и тесный и залитый вязкой от жары смолой. На дне мусор, перемешанный с костями и бурой асфальтовой жижей, пришлось ночевать, привязавшись к ступеням, стараясь держаться подальше от смоляных стен.

Но измученный Курок отключился мгновенно, во сне вляпался в смолу и присох косичками, проснулся, дернулся, зашипел от боли, стал ругаться:

— Сам виноват, не слушал маму. Мама говорила: меньше ругаться, меньше каркать, а я все время каркал и каркал — прыгни в люк, прыгни в люк, вот и прыгнул. И влип...

Курок зашипел, пытаясь освободиться, смола держала крепко, и Курок сдался, достал нож и стал отпиливать волосы. И смеялся при этом, говорил, что без этих кудрей гораздо лучше, потому что в лохмах приключаются блохи, а без них сплошная гигиена, и вообще, длинные волосы — штука опасная, застрянешь в каком-нибудь маховике — и все, готово, накрутило.

Я спрашивал, где Курок хоть раз в жизни видел маховик, на что он отвечал, что маховика он не видел, а вот желающих намотать космы на крепкий бандитский кулак встречал довольно, и вообще, он давно эту прическу окоротить собирался, случая подходящего не представлялось.

Он срезал оставшиеся волосы, с печалью на них поглядел, выкинул. Стрижка на него какое-то нехорошее впечатление произвела, точно не волосы отпил, а, к примеру, руку. Думал, что скажет про плохую примету, не сказал.

Потом сверху потекло. Хорошо потекло, щедро, я вскарабкался по лестнице, с натугой приподнял плечами люк и обнаружил дождь.

Первый.

Вода все прибывала, скапливалась на дне колодца, поднималась и скоро достала до ног Курка. Надо выбирать.

Сдвинули люк, ступили на поверхность.

Стало светлее, воздух сделался чуть прозрачнее и чище, почти сразу мы заметили вертолет. Пузатый, зеленый, совсем целый, неповрежденный. Побежали к нему, забрались внутрь.

— А я такой видел, — сказал вдруг Курок.

— Что ты видел?

— Вертолет. Вертолет летел по небу. Утром. Я вышел посмотреть на Венеру, а он летит.

— Летит, значит...

— А может, и приснилось... — Курок помотал головой. — Стрекозу увидел, вот и приснилось. Бывает.

Это вряд ли. Вряд ли человеку может присниться то, что он не встречал. Летящий вертолет он вряд ли видел... Хотя...

Я вот, к примеру, видел во сне кита. самого настоящего, я потом сравнил, уже здесь. В книжке про зверей, в одной половине было про лесных зверей, в другой про морских, там и кит был. Не такой, какой мне приснился, но похожий. Длинный, такой же синий. Я раньше ничего про китов не знал и даже не слышал про них и не понял, что это кит, но впечатление от него помню. Кит осторожно плыл по нашей реке, между камышами, с трудом вмещаясь в берега, пошевеливая хвостом, выпуская фонтаны и ворочая глазами. Он смотрел на меня, но мне совсем не было страшно, мне казалось, что это мой кит.

Но киты — это одно, с ними люди живут не одну тысячу лет, может, мои далекие предки — китобои, и память о китах жила в моей крови. А с вертолетами люди жили не очень долго, может, лет сто всего, не успели вертолеты закрепиться. Значит...

Если, конечно, Курок не врет. А он может и врать.

— Ну? — я поглядел на Курка.
— Видел, — Курок кивнул. — Летел. Свистел. Давно. Во сне.
— А цвета какого? — спросил я.
— Какого, обычного, вертолетного. Вот такого, как и здесь. Не вру. Видел вертолет, только не знаю, сон это или не сон.

Курок видел вертолет. Если не врет, конечно. Если не врет...

Значит, еще кто-то остался. Кто может летать на вертолетах... Вряд ли.

Хотя вертолет выглядел исправным. Ничего не сломано и не разбито, все стрелки на своих местах. То есть он не упал, а вполне нормально тут приземлился. Пилоты вышли и не вернулись. Не оставили ничего, ни оружия, ни снаряжения. А может, его потом разграбили. Курок проверил — топлива в баках нет, прилетел и остался.

Навсегда.

Перед нами серело круглое здание, похожее на банку, с дырами в стенах, с обломанными колоннами, по нему, кажется, стреляли. Справа зоопарк. Вообще, то, что это именно зоопарк, понятно было только по карте. Вход ничем не напоминал нормальный вход, обычные руины, развалины почти что, вбок торчала низкая башенка. А вот слева...

— Смотри, — прошептал Курок. — Узнаешь?

Я тут не был никогда и узнать ничего не мог. Слева подпирало небо высоченное здание, не просто высокое, но еще огромное, тяжелое, сидевшее на земле плотно и уверенно, навсегда. Здание состояло из трех частей, в центре высокое, по бокам пониже. Центральная верхушка была срублена наискосок, острие шпиля с ржавой звездой болталось сбоку и уже успело обрасти какими-то воздушными водорослями, похожими на бороду, безобразно спускавшимися вниз. Погодную установку я бы разместил именно в нем. В центральном корпусе, наверху.

То есть цель нашего путешествия — именно оно. Вероятно.

— Не узнаю. И что?

— Как это что?! — прошипел Курок. — Это оно и есть! Смотри!

Он достал из штанов тоненькую книжку в мягкой обложке. Книжка была с повышенной тщательностью завернута в полиэтилен, причем не в один слой, а в несколько. Начался неторопливый процесс разворачивания, который длился почти пять минут, наконец, Курок все-таки извлек книжку и сунул ее мне.

На обложке большими красными буквами написано: «ГЕНОЦИД X».

Я чуть не вздрогнул. Геноцид. Алиса тогда говорила. Про геноцид. Может, она тоже это читала?

Чуть ниже и буквами поскромнее:

«Час X близок! **ОНИ** идут!»

А уже совсем пониже совершенно мелкими буквами сообщалось: «Читайте в серии: «Это явилось с Юпитера», «Пришельцы-расчленители», «Похитители мозгов из космоса», «Славный Полдень», «Вторжение пожирателей с Титана», «Киборги-пришельцы — убийцы полицейских».

Сам «Геноцид X» оказался не совсем книгой, скорее картинками, к которым прилагались пояснения и коротенькие рассказы.

На первой странице была нарисована какая-то штука, похожая на тарелку. На верхней картинке эта тарелка висела над городом, на средней эта тарелка уже горела, зацепившись за шпиль высокого здания, похожего на...

Похоже, действительно похоже, только шпиль набок завален.

— Дальше смотри.

На нижней картинке блюдо уже совсем обрушилось на город, и из него выбирались треногие существа наперевес с оружием, которое весьма напоминало наши мазеры.

Эти зеленые ребята мне совсем не понравились.

На последующих страницах мои опасения подтвердились — зеленые типы занялись всевозможными безобразиями. Врывались в дома и отстреливали в них местных жителей,

поджигали спящие селения, уничтожали армейские подразделения, и никто людям не мог помочь.

— Так оно все и было, — сказал Курок. — Это они, я читал, у них тактика как раз похожая. Сначала они захватывают мозг, — Курок постучал себя по голове. — Всех, кто находится у власти — они их захватывают. А потом уже тарелки прилетают. Зависают над самыми главными мировыми городами — и начинают бомбить. Ну а когда все бомбы уже сброшены, они сами вылазят. Видишь там такой, с глазами? Настоящий трупер.

Похоже, на самом деле — на одной из картинок по городской улице шагало чудовище. Черное, с гнилыми большими глазами, трупера весьма и весьма напоминавшее.

— Они прилетели и упали, и давай всех убивать... Кто успел, тот спрятался, кто не успел, тот погиб. Ты посмотри, там на странице картинка покрупнее, вот...

Курок открыл страницу, где космический диск цеплялся за островерхий дом со шпилем и от этого начинал гореть.

— Все в точности! — Курок тыкал пальцем то в бумагу, то в небо. — Это оно и есть. Пришельцы летели мимо, зацепились за острие, повредили корабль и упали с разбега. Вот прямо сюда! Никогда не думал, что это... Правда.

Курок выглянул в дождь и стал всматриваться в плену.

Никакого пришельческого корабля там не было. Дома. Руины то есть. И хмарь, через которую едва просвечивали и тут же исчезали силуэты других, далеких зданий.

— А где тарелка? — спросил я. — Обратно улетела?

— Не, взорвалась. Я расскажу, как все случилось. Пришельцы зацепились и упали — бамц. Они вышли и стали осматриваться. А наши по ним стрелять стали!

Курок кивнул в сторону дома-банки с колоннами.

— А пришельцы в них!

Он указал на вход в зоопарк. Бесформенные камни с оплавленными краями. Действительно, похоже, что стреляли из какого-то небывалого оружия.

— Стреляли-стреляли, а тарелка взорвалась. И из нее все и высыпалось — вся гадость эта. Жнецы, медузы всякие, зараза. Тут метро рядом проходит.

Курок указал за спину.

— Наши хотели всю эту гадость пожечь, а она в метро унырнула. И все — распространилась! Метро — оно везде, сам знаешь, во все дома, под всеми улицами идет. Умные люди предлагали еще раньше бетоном залить, чтобы не лезло оттуда ничего, но нет, не успели...

Курок закашлялся.

— Не успели... Хотели газ пустить, а тоже не успели, вот и получилось. Люди спали спокойно, а тут к ним прямо в дом и влезало... Вот весь город и уничтожили, сразу, за одну ночь. Все сходится, погляди! Дом похожий, все похоже, даже звезда. Вот! Да ты посмотри!

Курок сунул книжку мне под нос.

И правда, звезда была. На картинке. Примерно такая же, как здесь. Что-то он разволновался.

— Отсюда все пошло, — Курок кивнул на улицу. — А я думал, сказка... Совпадение просто удивительное. Может, пойдем уже?

Курок поежился.

— Хотя кто ж в дождь ходит? Подождем?

— В дождь как раз и ходят, — возразил я. — Дождь следы хорошо смывает.

— Следы это важно.

— Не только наши, но и этих. Которые тут живут. Забыл, мы должны их обнаружить.

— Да, обнаружить... Тут должны быть следы.

Я оглянулся на высотку. Если погодная установка там, то они нас уже заметили — там наверняка круглосуточная охрана. Поэтому лучше сыграть под лопухов, они нас заметят, а потом...

Потом как-нибудь разберемся. А пока побродим, пусть сами проявят себя.

Мы выбрались из вертолета и направились ко входу в зоопарк.

Приятно ходить в дождь. Легко как-то, особенно после этой жары. Гомер рассказывал, что есть страны, в которых почти всегда идет дождь. И люди в этом дожде живут, настолько привыкли, что уже не замечают, и работают, и спят под дождем, даже крыши над домами не ставят. Хотя теперь, наверное, нет больше этих стран.

— Теплый... — Курок подставил лицо под капли.

— Пospешай, теплый.

В лаз, который когда-то был входом, не сунулись, обошли справа. И сразу увидели яму.

Наверное, пруд. Довольно большая яма, заросшая травой и хилым кустарником, глубокая. Вода ушла. Мы потянулись направо, по набережной, заросшей сухой травой. То и дело мы запинались за небольшие, позеленевшие фигурки из меди, изображавшие животных, но только ненастоящих, то ли древних, то ли вообще выдуманных, с крыльями, с зубами, со щупальцами. Еще из травы торчали кости, ребра каких-то больших зверей, их причудливые черепа и желтые когти, Курок подобрал острую белую кость и стал размахивать ею, как саблей.

— Что-то не видно никого, — сказал он. — Хотя вряд ли все вот так на виду...

— Потерпи, — посоветовал я. — Те, кому надо, сами нас найдут.

— Я-то потерплю, только вот... Мне бы...

Он уставился во мглу.

— Что тебе?

— Зоопарк посмотреть, — выдохнул Курок. — Я читал про зоопарк, тут животные в клетках жили.

Животные жили в клетках, от них ничего не осталось. Ни от животных, ни от клеток. Ни решеток, ни небьющегося стекла, ни механических тигров-проводников, рассказывающих посетителям про повадки зверей и называющих каждого правильным именем.

Мы двинулись вдоль, переступая через высохшие деревья и вывороченные камни.

Большая община, так Япет говорил. Технически развитая. Погодой управляют... Нет тут никого. Никаких больших общин. Любая община обустраивает вокруг себя местность. Засеки, ловушки. Да хотя бы отходы. Что-то должно быть.

Человек оставляет след, люди тем более. Пыль, прах, запустение. Или они маскируются, или...

Надо высоту проверить.

Курок вертел головой в два раза чаще обычного, шея у него щелкала, но хруст не мешал ему болтать, рассказывать то есть:

— Раньше тут зверей было... Их было очень, очень много. Животные из Америки, из самой Австралии, и даже Бео-вульф, первая собака, рожденная на Луне, твой тезка, она тоже жила здесь. Потом стала Вода и все животные, кроме белых медведей, утонули. А медведи выжили, потому что были привычны к холодной воде. Но при этом они все здорово озверели и сожрали всех служителей. А когда Вода ушла, медведи вырвались в город, им было что поесть. Потом их все-таки перебили...

Я увидел страуса. Он стоял на берегу высохшего пруда, настоящий страус, хотя не исключено, что и цапля, они вроде бы похожи...

— Решили переделать всех животных в роботов, — продолжал рассказывать Курок. — И уже приступили, а потом началась свистопляска и... Не совсем получилось. Но люди все равно приходили смотреть на животных, потому что они все-таки выглядели почти как живые. Только лучше. Их можно было не кормить, отключать на ночь и ремонтировать по мере необходимости. И всем эти животные очень нравились. Потому что их позволялось гладить, и они улыбались детям...

Курок болтал. Достал кусок табака, сказал, что это последний, не хочу ли я попробовать, я отказался, тогда он запихал табак в рот, стал жевать и одновременно умудрялся рассказывать про механических зверей.

Наверху, далеко за тучами прогремело. Гроза. Первая за этот год. А раньше они часто случались. Как заводилась на земле какая погань, так сразу и гроза в этом месте. И молнией всю нечисть враз выжигало. Поэтому погань гроз боялась, а добрые люди, наоборот, открывали навстречу стихии и окна и двери. Даже сам воздух в грозу считался целебным, вливался в дома и уничтожал зловредных бактерий.

А сейчас грозы редки. Особенно здесь. Япет говорит, что из-за воды. Вода, как и огонь, чистая стихия, это всем известно. Героев, если от них хоть что-нибудь осталось после смерти, или топят, или сжигают. Сжигать предпочтительнее, но и топить тоже вполне себе ничего, можно. Вот Вода — она ведь тоже хотела мир отчистить, как уже раньше неоднократно случалось. Но в этот раз погани завелось так много, что даже Вода не справилась. И тогда она ушла под землю. И в лесах ее мало, редко где ручей, река или озеро, болота в основном. А тут и подавно. Прячется вода. И гроз нету. Они тоже прячутся. В облаках, а может быть, в космосе.

Небесное электричество, его почти не осталось, не хватает даже на нормальный гром.

— Громовых вышек мало... — вздохнул Курок. — Громовые вышки раньше везде ставили, а теперь мало. Вышки притягивали грозы, молния била в штыри, а потом по проводам в землю. Очень мудро все было придумано. Дело в том, что в земле все время заводятся разные твари. Личинки, куколки, икра бегемотов, они все там, сидят со своими жвалами... И если землю не бить периодически молниями, то вся эта дрянь вылезит, вылезит, вылезит... Вот везде вышки и ставили. Или в колокола еще звонили, звон, он тоже личинок истребляет. А сейчас вышек мало...

— Это ты сам выдумал? — спросил я.

— Это и так ясно. Смотри, дракон!

Из тумана выступил дракон. Самый что ни на есть. Похожий на кенгу, только раз в двадцать больше. С короткими лапками, с толстым хвостом, с тяжелой квадратной мордой и выступающими за эту морду зубами. Дождь капал, собирался на голове дракона и каким-то образом вытекал из ноздрей двумя струями.

Курок хихикнул:

— Да это не дракон. Динозавр. Робот динозавра. Чучело робота динозавра. Да не, это не робот... Роботов потом разобрали. Они ломаться стали, детей пугали. А детей тогда уже совсем мало оставалось. А чинить роботов было некому, тогда решили заменить. Вместо них статуи поставили. Из пластика. Вон такие.

Справа из сгнивших деревянных обломков, поросших колючими рыжими цветами, торчала конструкция, похожая на невысокую треугольную вышку.

— Это жираф, наверное, — сказал я. — Только какой-то худой...

— Жирафы они и должны быть худые, — возразил Курок. — Худые и длинные, они в воде стоят.

— Зачем им в воде стоять?

— От слепней спасаются, от хищников. Очень удобно так спастись — забежал в глубину — и стой себе.

— Жираф толстый, кажется, — сказал я. — Он жир летом запасает, а зимой пережидает в дубраве...

Курок стал спорить. Доказывал, что жирафы — это не от слова «жир», а от слова «жироскоп», жироскоп — это прибор для сохранения равновесия, поэтому жирафа трудно, почти невозможно уронить, а это здорово помогает в выживании. Хорошо выживать, когда ты не падаешь, вот ему мама рассказывала историю, как по пустеющему городу бегали одичавшие жирафы, голодные и бесприютные, и нападали на всех подряд...

Я вдруг представил.

Наверное, это очень печально — жить в умирающем мире. Когда землю трясет, и непонятно из-за чего. Когда реки мелеют и уходят, а небо по ночам играет пугающими огнями, а земля не родит, а если родит, то чудовищ. Когда приходишь в зоопарк на животных посмотреть, дети ведь очень любят животных, раньше любили, это точно, а вместо

животных сначала работы, а потом просто пластмассовые истуканы.

А потом и вообще ничего нет, даже этих самых истуканов, да и детей нет. И ходить никуда невозможно, только по-крысиному бегать.

В мертвом уже не так страшно, ясно уже, что ничего плохого с тобой не случится, хуже некуда. А вот в умирающем... Вроде и надежды еще теплятся, но с каждым днем солнце для тебя светит все холоднее, весна все не приходит и не приходит...

Небольшая гора, а вокруг каменная канава. Железные скелеты с обрывками шкур, провода изнутри торчат.

— Почему они синие? — спросил Курок. — Медведи или белые, или бурые, почему синие?

— Выцвели. Сначала белые, потом синие. А вон слон...

Слон узнавался легко, хорошо сохранился, похож на свинью, только гораздо громаднее, толще и круглее, метров, наверное, в десять высоты.

— Смотри! — хихикнул Курок. — Слон с трубой!

На самом деле. Большой, пухлый слон, а из бока торчит железная черная труба с круглыми заклепками.

— Может, там внутри кто-то? — предположил Курок.

Мы подошли ближе. Я постучал по слоновьему боку, постучал кулаком. Пузо у слона оказалось толстым и гулким, слон был пуст и когда-то давно обитает, сейчас вокруг царили хлам, пыль и запустение, дождь размыл следы.

В брюхе у слона имелся люк, я попробовал замок открывашкой, не получилось, хитрый замок, если даже открывашке не по зубам.

— Запустение, — грустно сказал Курок. — Труба есть, а дымом не пахнет...

Ветер. Прилетел со стороны высотного дома, неожиданный и влажный, с разных сторон загудело, слишком много дырявого железа, звук получался тяжелый и тянучий.

— Япет говорил, что где-то тут, — Курок почесал мизинцем в ухе. — А ничего пока не видно...

Он стал оглядываться, но все больше смотрел в одном направлении, шурился.

Отправились дальше, направо, в кусты. Иногда налево, зоопарк оказался совсем небольшим, мы бродили по нему, изучая указатели в виде птичек, рыбок и осьминожек, переворачивали кости, и костяные и железные, Курок, стараясь пересвистеть ветер, свистел зубами.

Животных, ну, настоящих животных, мы не встретили. Только чучела, подделки, фигуры. Они стояли кое-где, без порядка, в некоторых узнавались львы, в других лошади — по росту, некоторые не узнавались, скрученные в спирали, они совсем не походили на живых существ. Казалось, что в один момент эти животные ожили и разбрелись кто куда.

Следов людей не обнаружили. Никаких. Гильзы нашли, но этого добра у нас полно. Нашли тряпки, грязные и кровавые, но этого тоже полно.

Больше ничего. Даже воздух, он другой. Необитаемый, что ли.

Или гении маскировки, или мы не туда вышли, или...

— И что? — спросил Курок. — Где они? Люди?

Я пожал плечами.

— Разыщем.

— Где?

Я пожал плечами.

— Где-нибудь... Надо еще поискать. Немного. Терпение.

И мы поискали еще. Немного. Обошли зоопарк в третий раз, заглянули в здание с аквариумами, битое стекло, сухие кораллы, рыбы скелеты и черепахи панцири. Курок заинтересовался, выволок расколотый на две половинки панцирь и стал прилаживать его в качестве брони, сказал, что он идиот.

— Надо туда, мне кажется, — Курок указал в восточную сторону. — Там...

Пусть первые нас заметят. Я не хотел идти в сторону высоты. Если действительно в

ней установка погоды, то там наверняка ловушки. Как простые, так технически сложные, а значит, высокоубойные. Лучше пока от них подальше держаться.

— Пусть сами нас отыщут.

Возле ограды на самом востоке валялись синие бочки. Жестяные. Я поднял железную трубу и направился к ним, Курок пробормотал что-то про переутомление и неадекватное восприятие действительности, бочки оказались звонкие. Они издавали пронзительный звук и назойливое дребезжание, я лупил по железу почти полчаса, пока у меня не заболела рука. Никакой реакции в окружающем пространстве.

Пустота.

— И что? — спросил Курок. — Что все это значит?

— Теперь будем ждать, — ответил я.

— Ждать... Ну конечно! Сядем на гору и станем ждать!

Мы прождали до вечера. Не на горе, под каким-то навесом, где раньше, видимо, обитали лохматые животные — на столбах болталась черная шерсть, да и запах сохранился соответствующий.

Солнца не было, весь день лил дождь, с короткими промежутками. Из земли вылезли черви, необыкновенное количество, просто тысячи. Черви издавали неприятный звук, светились бледно-розовым и заползали на всё. На нас тоже, приходилось постоянно отряхивать. Курок ругался, на червей, на меня и вообще на нескладную судьбу, и мастерил кирасу из черепашьего панциря, и рассказывал про некоторые прежние кулинарные приемы, про лапшу из червей, про бульон, про червей, жаренных в муке, мама рассказывала, что раньше это ели направо-налево.

Потом из-за шпиля высотного дома стала напирать ночь, Курок принялся громко вздыхать и хрустеть кулаками, я сказал:

— Ладно. Надо найти местечко для ночлега. Где-нибудь поблизости... Я думаю, вон там.

Интересно, что мы здесь делаем?

Глава 15. Сумрак

Мне показалось сначала, что это фонарь. На тротуаре торчала бледная изломанная фигура. Фонарь, в который ударила молния, он оплавился, оплыл и стал похож на окостеневшего богомола.

Наверное, в этом и была задумка. То есть тактика его, охотничьи повадки. Вот так стоять. А если кто пойдет, то подумает, что это фонарь. Илидохлый богомол, на самом деле.

Но я уловил. Издалека еще. Волну, что ли.

Зло. Настолько чистое, что меня затошнило. Я осторожно скопился на Курка. Он, кажется, чувствовал то же самое. Как-то лицо поменялось, точно перед бедой большой. Не, людям не место рядом с таким. Наоборот, то есть — им с нами не место.

Зло здесь было везде. В стенах, в брусчатке, в пыли и в воздухе, в небе, прижавшем нас к земле. Безнадежность.

— Кто это?! — с ужасом прошептал Курок.

— Сумрак... Кажется... Это сумрак... рассказывали же.

Шнырь рассказывал. Многие про них рассказывали. Трехметровые чудовища, с тяжелыми когтистыми лапами, с маслянистой шкурой, отрывающие голову одним ударом. Появляющиеся из ниоткуда. Похищающие людей, от которых потом находят...

Не похоже.

Существо шевельнулось. С неживым звуком. Посмотрело на нас.

— Действительно, наверное, сумрачник, — еле слышно сказал Курок. — Прыгни в люк... Его нельзя убить... У меня пять патронов, специально зажал, последнее желание.

Курок стал поднимать винтовку.

Медленно, чтобы не спугнуть.

— В шею, — напомнил я. — Или в колено. Лучше в колено, посмотрим, как он вблизи.

— Хорошо, в колено.

Курок выстрелил.

Сумрак исчез. Вот он только что был, торчал, как головешка, и вот пропал, растворился совершенно, причем, похоже, он растворился еще до выстрела. То есть где-то между ударом по капсюлю и вылетом пули.

Понятно. Скорость. Сумрак двигался слишком быстро, глаз не ловил, ни одно существо в нашем мире не способно двигаться с такой скоростью...

Погань. В чистом поганом виде погань.

— К стене!

Схватил Курка за рукав, оттащил к стене.

— Плотно прижмись!

Хорошо бы угол еще найти. Против слишком быстрого врага действовать можно только так, спиной к стене. Теперь он не нападет сзади.

— Ого! — Курок продолжал целиться. — Его не подловишь...

Сумрак снова возник. Прямо перед нами, метрах в двадцати.

— Опа...

Курок повернулся в его сторону, и он тут же растаял. Курка ударило о стену, вывернуло ему кисти, выдрало оружие.

— Пальцы... — простонал Курок.

Просвистело, ударило в стену прямо над головами, мы пригнулись. Под ноги упала сломанная пополам винтовка.

— Ох ты...

Страшно. Еще ничего не произошло, а я уже испугался, по-настоящему, до железного привкуса под языком. Никогда не испытывал, даже похожего. Настоящий страх. Ужас. Гомер рассказывал. А еще он рассказывал про Сердце Тьмы, которое здесь. И чем ближе ты к нему, тем более кошмарные твари там обитают.

Почему страшно-то...

Движение. Засек краем глаза. Повернулся туда, стараясь поймать упреждение. Выстрел. Ничего. Пуля вжикнула по стене. Ничего.

Принялся читать тропарь. Вслух. Громко. Курок стучал зубами.

Дробь. В этот раз я засыпал в ствол дробь, двойной заряд и пороха насыпал в полтора раза.

— Ты его видишь? — спросил Курок — Видишь?

Я выстрелил влево.

Ничего.

— Куда палишь?

Плана никакого не было. Обычно в схватке я веду себя по-другому. У меня в голове как-то само собой складывается картинка, то есть как все там дальше делать. Каждый мой шаг, каждый шаг противника, вправо-влево. А здесь нет. Я не знал, что делать.

Я стал перезаряжаться. Шомпол, капсюль, порох, пыж, дробь...

Рывок.

Я успел разжать пальцы, и мне их не вывернуло. Карабин отлетел в сторону. Из ствола торчал согнутый шомпол.

И никого.

— Мама... — ойкнул Курок

Стало уже дико страшно. Курок трясся. И я, кажется, тоже.

— Убей его! — попросил Курок — Убей его, пожалуйста!

Я достал гранаты. Две. Двигается быстро. Чтобы так двигаться, воспринимать мир надо тоже по-другому, и быстрее, и острее. Вот взять собаку. Она гораздо лучше слышит, гораздо лучше видит и чует тоже лучше, хотите удивить собаку, плесните на нее скипидаром.

Выдернул чеку правой, выдернул левой.

— Сидеть.

Гранаты полетели в стороны, запрыгали по булыжной мостовой. Курок бухнулся на асфальт.

Грохнуло. Хлестануло воздухом, волна оттолкнулась от стен и удвоилась, выбила из стен кирпичную крошку, вывернула шестиугольную брусчатку, осела, и почти сразу меня схватили за шею и швырнули на камни. Я успел подвернуться, перекатился и вскочил на ноги, одновременно вытаскивая из ножен секиру. Даже взмахнуть пару раз успел.

Мне показалось, что это топор. Прямо в позвоночник. Удар был настолько мощным, что на несколько секунд я потерял сознание.

Очнулся. Живой.

Ясно. Убивать не хочет. Во всяком случае, сразу. Я его задел и разозлил, теперь он хочет поиграться.

— Беги! — крикнул я.

Курок побежал. Я рванул в другую сторону.

Сейчас он станет выбирать. Обоих можно ведь и не догнать, надо выбрать. Хотя не было у него выбора, выбор сделал я. Выбор всегда должен остаться за человеком. Я бегая быстро. Курок не очень. И он толще. Мясистее. Гораздо выгоднее, с точки зрения хищника, расход энергии ниже добычного прироста.

Поэтому я побежал совсем медленно и почти хромая.

Но он выбрал Курка.

Курок воткнулся в невидимое препятствие, упал. Попробовал подняться, но рядом возник он. Нескладный и неловкий, он протянул руку, Курок закричал и пополз, и тут же сумрак исчез.

Направился ко мне.

Я разжал пальцы, уронил гранату, побежал. Через секунду я почувствовал, как что-то сунулось в ноги и одновременно ударило в голову. Больно, через шлем больно. Почти сразу рвануло, засыпало камнями.

Я поднялся. Выпрямился, опираясь на карабин. И тут же ткнуло в грудь, я упал снова и снова поднялся. Сумрак проявился.

Рядом он выглядел страшнее. Гораздо. Поганое. Наверное, когда-то это было человеком, давно, может быть, еще до Воды. Во всяком случае, руки, ноги имелись, голова тоже. Только... Ноги короткие, длинные руки... то есть лапы, почти земли касались. От пальцев ничего не осталось, вытянутые, полусросшиеся, с когтями. Лицо. Лица, собственно, тоже не осталось. Череп, с кожистыми дырками вместо носа. Рот, похожий на прорезь, без губ, этот рот пошевелился и выставились зубы, черные и острые. И слюна черная и густая стекла по подбородку.

Сумрак не шевелился. Застыл, как уродливая странная скульптура. Я видел такие, наверное, древние художники все-таки путешествовали по будущему в своих болезненных предвидениях. Суставы. Как шары, красноватые, шишковатые на фоне бледной, почти синей кожи.

Глаза. Про глаза я ничего не сказал, я их сначала просто не увидел. Слишком маленькие, слишком разнесенные по сторонам головы. Наверное, я никогда не видел ничего более ужасного. Ни волкер, ни шейкер, никакая другая дрянь не выглядели столь омерзительно. Запад. Запад есть Запад.

И часы. На левой лапе часы. Блестящие железные и круглые, стрелочные.

Стрелять бесполезно. Скорострельность не та. Наверное, чтобы попасть, нужен шестиствольник. И то...

Сумрак исчез. Из левого плеча брызнула кровь. Из ноги, и снова из плеча, и снова удар в голову.

Потом меня стали рвать. Курок кричал. Все, кошечки...

Глава 16. Аптека

Открыл глаза. Пошире. Надо мной висел ржавый крест, а рядом чаша и змея. Аптека, кажется. Солнца не стало совсем, сумерки.

Скосил глаза.

Курок.

Посиреневел. Стал похож на дикую сливу. Смешно. Было бы. Мы висели. Связанные в коконы, не слюной или паутиной, обычными веревками. Над столом. На столе валялось мясо и кости, и плоские красные коробочки, шахтерские снадобья, три штуки, в глазах, что ли, троеится...

Я проморгался, коробочки не исчезли, три штуки, Курок забрал тогда ведь одну...

Воняло тухлым. Гнилью. Падалью.

Лицо у Курка было перепачкано кровью, из носа выдувались и лопались с плотным звуком пузыри. Я хотел спросить его, как он себя чувствует, но решил, что не надо. Плохо он себя чувствует. Рука, кажется, сломана. Что-то трещало. И пальцы. Правильно говорили — не стоит на Запад соваться. Не стоит, ни в коем случае, человекам тут не место.

А мы сунулись — и вот. Я, герой. Переоценил свои силы. Весьма переоценил.

— Эй... — позвал Курок.

— Да...

— Что скажешь?

— Жарко.

— Ага, точно. Жарко... Как в Африке совсем.

— При чем здесь Африка?

— Я — эфиоп.

Курок хихикнул.

— Слышь, Дэв, а он нас сожрет?

Ответил правдиво:

— Сожрет, ты же его видел.

Курок всхлипнул.

— Тебе сколько лет? — спросил он.

— Не знаю точно. Какая разница...

— Никакой... Может, покричать?

Я чуть не расхохотался. Закричать. Чтобы еще пара штук приперлась.

— Где они? — спросил Курок — Где?

— Кто они?

— Ну эти... твои... Праведники... Облачные люди, с сияющими... саблями. Заповедный полк... Почему они нас не спасают...

Я хотел сказать, что Облачный полк совсем для другого предназначен, решать другие, более важные проблемы, и конкретно нам на помощь он не придет... Но не стал его расстраивать.

— Надо подождать, — сказал я. — Совсем немного. И они появятся.

— Как немного?

— Совсем немного. До утра.

— До утра... Дэв, мы не доживем до утра... Почему так долго...

— Доживем. И до этого утра, и до следующего. И потом... Раньше утра они все равно не могут прилететь.

— Почему?

— Воины Света... Они не любят темноту.

— Значит, сдохнем...

Мы висели. Мне было не очень плохо — вниз головой я был привычен висеть, руки только затекали. Курку приходилось хуже. Он то и дело терял сознание, а когда не терял, то бормотал про астрономию. Как там хорошо жить, в небесных сферах. Везде тихо и спокойно.

Курок сходил с ума. Это и понятно, вниз головой особо не развесишься, если без

привычки. Да и с привычкой тоже, не очень висенье радует. И из-за страха тоже.

Темнело. Красный свет за окном постепенно таял, в широкие пустые окна вползала чернота и тишина.

Тишина. За окном никто не орал. Не верещал, не визжал, не завывал, ничего не обрушивалось от подземного траса и не трескалось от жары, не выл ветер в уцелевших радиовышках, не позвякивали остывающие стекла, я не слышал ничего из всего обилия ночных звуков, привычных для Востока, для Севера. Мир молчал, и это было ненормально и страшно.

— Больше никуда не пойду... — шептал Курок — Никуда-никуда, вот только домой вернусь... Буду грибы выращивать... Зачем мы сюда пошли... Дэв...

— Руками шевели, — посоветовал я. — И ногами, веревки должны ослабнуть.

Я не очень верил, что веревки ослабнут, эта сволочь связала слишком хорошо, опутала, сколько ни шевели руками, сколько ни дрыгай ногами, все равно ничего не получится.

— Вращательные движения, — посоветовал я. — Кистями. И ногами. Вращай, веревки ослабнут...

— Я дышать не могу...

— Старайся.

— Стараюсь... А ты знаешь, что мы первые?

— Что первые?

— Первые люди на Западе.

— С чего это вдруг? — спросил я.

— Ну ты уж мне поверь...

Курок закашлялся и стал брызгать в разные стороны кровью.

— Поверь, я знаю... Самые первые, ты, да я..

— Я же слышал...

Я на самом деле слышал. То один, то другой на Запад пробирались, кое-кто даже обратно возвращался. Но лично никого не видел. Алиса... Алиса могла и приврать.

— Никто и никогда еще... Слухи — это вранье все, их Япет распускает... Все, кто пробовал, не вернулись, три группы... Полтора года назад, по восемь человек...

Курок забулькал.

— По восемь человек... И ни один не вернулся. Ни один!

Курок ударил затылком в стену.

— Тогда я и придумал... Проникновение мелкими незаметными командами... группы вторжения... Четыре отряда, по два человека... Двое везде проскочат незаметно, это моя идея...

Курок замолчал.

Четыре отряда. Вот так

— Мы первые... — Курок засмеялся. — Первые, кто прорвался... Жаль, что только в одну сторону...

Громко и страшно он засмеялся.

— Я астроном... Какие сейчас астрономы, прыгни в люк какие... Поэтому я и придумал, пока не поздно... Тут планетарий. Совсем рядом. Ты знаешь, что такое планетарий?

— А спутники?!

Плевать мне на планетарий!

— Нет никаких спутников... Ни выжигающих, ни замораживающих, никаких...

Изо рта Курка выбралась тонкая багровая нить, потекла.

— Как нет?! Мы же чуть не сварились...

— Какао, — выдохнул Курок. — Смесь, Доктор сделал. Изнутри печет, а безвредно. Бедный Папа... Ты прости. Но он утонул, не сварился. А Перебор со своими в душилке насмерть угорели, Доктор потом чуть подправил... Нет спутников... А планетарий есть... Так и не увидел, проклятый туман!

Курок застонал. От боли. От обиды.

— А как же Большой Поход?

— Мы... Мы и есть Большой Поход... Ты и я...

— Что?!

— Так вот. Послушай... После того как те не вернулись, Япет запретил на Запад соваться. Ты же знаешь, он осторожный, риск не любит. А Доктор... Он вперед смотрит, понимает, что нечего по норам сидеть. Вот он Япета и уговорил — в последний раз попробовать... Поспорили... А тут ты как раз...

— Чужой.

— Не в этом дело... Япет устал. И не верит уже ни во что. Не верит, что можно. А Доктор наоборот. Если мы не вернемся, они еще сто лет не выберутся, сдохнут...

— Зачем было обманывать? Я бы и так пошел, меня натравливать не надо.

Курок собрался с силами и продолжил:

— Они боялись. Что у тебя... желания не хватит. Что ты назад повернешь! Поэтому надо было, чтобы ты поверил. По-настоящему. Что это возможно! Наши, все, кто пытался сюда проникнуть... У них не было веры. А у тебя есть. Много, на двоих хватит, на всех... Надо было лишь немного подтолкнуть. Труп чужака, карта, навигатор. История про центр управления погодой... Опасное задание. Невозможное задание! А я просто в планетарий хотел. С детства хотел, с детства... А даже не увидел...

— А почему ты?

— Дурачка не жалко... Но это уже неважно! Я, ты, неважно! Важен принцип! Ты понимаешь, Дэв? Никто не мог, а мы смогли! Сюда! Теперь остальные поверят! Теперь только утра дожждаться... Облачный Полк... Дождаться утра... Мы вернемся — и все будут знать, что это можно...

Все вранье. Никто не мог. Никогда. Я смог. Все равно бесполезно.

Курок заплакал. Шевелился и обо что-то там ударялся, получался долгий звук. И звон. Снаружи. Кажется, тут где-то собор. Колокола там звонят, грустно, сквозняки звонили в колокола...

Или ветер, пусть лучше ветер.

— Я придумал, я убедил. И тебя... Это я выбрал, я виноват... Прости, а?

— Брось, — сказал я. — Ты правильно все придумал. Так и надо было. И доказал — мы же вдвоем. И планетарий свой увидишь.

— Нет, не увижу... Я потому и вызвался... Ты вернуться должен...

— Вернемся оба.

Я попытался набраться злобы. Силу ведь можно не только в уверенности черпать, но и в злобе, вот я и пытался. Я не мог умереть в таком месте. Никак.

Ненавижу.

Сумрака. Его белую склизкую кожу, его опухшие суставы и толстый язык, я хотел его смерти. Именно смерти — я надеялся, что в нем сохранилось хоть что-то, хоть капля человеческого, маленький оборвыш души. Потому что я хотел увидеть в его гнилых вонючих глазах страх...

Япет. Доктора, все их ухищрения...

Злоба не собиралась. Жалкая хитрость.

Наверное, из-за усталости. Я устал. И сейчас и вообще, устал так, что в нужный момент не нашлось сил. Из-за страха. Утомительное чувство, ничто так не поедает человека, как страх.

Не злоба нужна, злоба тут не пойдет. Правда. Надежда. Я хочу вернуться.

Я проиграл. Не справился. Значит, в моей душе недостаточно было ее, этой правды. Его тьма оказалась сильнее моего света.

Сам виноват.

Остались тропари. Я вспоминал их по порядку, повторял раз за разом. Курок выл.

Он вернулся к утру. Сумрак. Притащил что-то, бросил в угол. Сначала я испугался, что

это человек, но потом добыча зашелестела и запахла, а я успокоился — так шелестеть и пахнуть никакой человек не мог. Это шелестело было явно недовольно своим положением, шелестело все настойчивей и сердитей.

Сумрак стоял рядом. Он не смотрел на нас и не двигался, точно впал в спячку. Часы тикали в тишине. Громко. Мне стало интересно — как он их заводит, я стал об этом думать и, наверное, долго думал. Но потом я вдруг понял, что часы с автозаходом. Сумрак двигался — и они тикали.

Нож. Мачете, вернее. Длинное, кривое и ржавое, он держал его в руке. Воняло.

Зашелестело сильнее, и из угла показалось что-то похожее на ежа. Или на змею. Или все-таки на ежа, плоская еж-змея. Погань. Она заверещала и попыталась удрать, сумрак тут же сдвинулся. Он исчез, и через секунду шелестение стихло и из шелестелки выставился клинок, сумрак объявился в дальнем углу. А эта тварь принялась бродить вокруг лезвия и через несколько оборотов сама себя намотала, лопнули кишки, и некоторое время тварь билась в агонии, распространяя еще более густое зловоние. Перевернулась кверху брюхом.

Сумрак продолжал стоять, из-под ежа растекалась черная лужа, и тикали, тикали часы, потом сумрак сдвинулся и оказался совсем рядом, стал смотреть. Из дыры, заменявшей ему ухо, показалась желтая ползучка.

Сумрак рывком выдернул мачете и принялся рубить ежа. Долго, выдерживая между каждым движением паузу, а часы тикали и тикали, били по голове стальными молоточками.

Это продолжалось больше часа, я почему-то так считал. От ежа остались мелкие куски, и сумрак утратил к ним интерес, он переместился к окну. Мачете не выпустил.

Очнулся Курок.

Всхлипнул.

— Осторожно, — попросил я.

Говорить тяжело. В голове тяжело. Сердце ворочалось, стараясь загнать кровь в ноги. Получалось плохо, ног я вообще почти не чувствовал.

— Сдохнуть... — прошептал Курок — Сдохнуть...

— Это он сдохнет, — сказал я. — Я вырежу ему язык и вобью в глотку кол. Обещаю.

— Это мы сдохнем... Мы... У меня в голове... Камни...

— Дыши равномерно, — посоветовал я. — И пореже.

Курок захрипел.

— Прыгни в люк... — всхлипнул Курок уже громко. — Это выдрин пух... Еще раньше здорово наглотался... Почти год продержался... Доктор сказал — полтора месяца в лучшем случае, если будешь таблетки жрать, если курить бросишь... А я год, я хотел в планетарий. Из него все видно, ты это можешь представить...

— Мы не умрем. Мы герои, Курок, герои не умирают.

— Еще как умирают. Слушай, Дэв, а как это... Ну, не хочу, чтобы он... Сам хочу, сам... Есть способы, а?

Способы были, учил меня в свое время Гомер. На случай безвыходных положений. Когда надеяться уже нечего. Три, по крайней мере, способа. Не то, чтобы быстро и уж совсем безболезненно, надежно.

— Нет способов. Не думай о ерунде.

Курок засмеялся. С пузырями.

— Не хочу, тварь...

Я тоже не хотел. Совсем. Страшно. Интересно. Проверить. Трудно придумать способ лучше, я и сделать ничего не могу, связан и пребываю в руках Его.

— Не хочу!

Мне не было жаль Курка. Жалость — это для послезавтра.

— Тише...

Но Курок уже не мог тише.

Сумрак вздрогнул. Посмотрел на мачете и шагнул к Курку.

Курок забился, стучаясь головой о стену. Сумрак поднял рубило.

— Эй! — заорал я. — Эй! Повернись!

Сумрак повернулся.

Посмотри на меня, погань! Я убивал таких, как ты, десятками! Сотнями! Я и тебя убью!

Я умудрился плюнуть. Во рту скопились слюны и кровь, я харкнул от души и попал ему прямо в лоб.

Он сдернул меня со стены одной лапой, уронил на пол, поволок. Сначала в одну сторону, затем в другую, затем поперек Рывками, без смысла, это было хуже всего.

Потащил меня к витрине, к битому стеклу, вдавил и снова замер.

Я увидел солнце. Сегодня гарь не вернулась, и солнце висело как новенькое, веселое и молодое. Небо еще. Не серое, а нормальное, голубое и глубокое.

Вдруг...

Не знаю, я лежал затылком в толченом хрустале и чувствовал, как растекается кровь. Моя. А еще я видел крест. Маленький. Совсем маленький, на секунду я подумал, что мне померещилось, что в глаз мне попала соринка, или сосуды полопались окончательно и наполнили глаза призраками, или, может быть, это сотрясение, и этот крестик у меня на самом деле в голове, мерещится и кажется. Но крестик сместился и стал весьма бодро двигаться и исчез за несколько секунд, осталась белая полоса, которая растаяла.

Я улыбнулся.

Я понял, что все будет в порядке. Крест. Знак. Того, что мы спасемся. И спасемся не потом, а сейчас. Непременно. И не случайно.

Даже не Знак, а Знамение, Гомер рассказывал. Нет, с ним не случалось, но он знал людей, с которыми это происходило, не дурацкое пророчество, не безумное предсказание...

Точно, Знамение. На что-то очень похоже, на нормальное, человеческое, где-то я это уже видел, только никак не вспоминалось, где...

Я почувствовал, как мне вдруг сделалось хорошо. Легколегко, тяжесть из головы отлила, мозг прочистился, и я попробовал сесть. Конечно же, веревки меня удержали, тогда я сказал:

— Эй, дерьмо, посмотри на меня!

Сумрак ожил. Движение его было, как всегда, неуловимо, через секунду я оказался на столе. Он навис надо мной и стал нюхать, пошевеливая пальцами и постукивая лезвием. Ждал.

И я ждал. Что сейчас он взмахнет мачете.

Но получилось не так. Сумрак исчез. Вот только что был, обтекал кровавым моим плевком, и вот нет. Я принялся ворочать глазами, стараясь разглядеть, куда он делся.

Курок замолчал. Больше не хрипел.

Сумрак возник у входа. Он, казалось, к чему-то прислушивался, стоял. Возле стены появилось размытое пятно. Пестрое колыхание воздуха, состоящее из отдельных лоскутков. Оно медленно смещалось вдоль. Сумрак исчез. И пятно исчезло. Что-то мелькнуло, звякнуло, и сумрак возник снова.

Без руки. То есть без лапы. Вместо нее кровавый обрубок. Сумрак глядел на него с удивлением. Не глядел, а разглядывал. Без звука. Ему оттяпали конечность, а он молчал. Снова пропал. Но на этот раз его было заметно по кровавой радуге, оставшейся в воздухе.

Возник снова.

Теперь у него не было ноги. И кровь, она вытекала медленно и клейко, словно не вытекала даже, а выдавливалась. Сумрак стоял некоторое время, затем его повело в сторону, он потерял равновесие и упал, ударившись головой о стол.

— Курок! — закричал я. — Курок! Очнись!

Курок висел молча, не шевелясь, как-то неприятно вытянувшись, стал гораздо длинней, чем он есть на самом деле.

Я принялся извиваться, изо всех последних обозленных сил, растягивая мышцы и стирая зубы, со стола мне удалось свернуться, лучше бы я этого не делал. Пол был покрыт черной липкой дрянью, в которой медленно ворочались тонкие длинные, как нити, черви.

Сумрак шевелился. Медленно и равнодушно, как механизм. Мутное пятно появилось вновь, рядом со мной. От него исходили прохлада и легкий ветерок, и вдруг с громким хлопком пятно остановилось.

Человек. В камуфляжном пестром комбинезоне. С окровавленной саблей в руках. Человек дрожал, трясся, точно его била какая-то бешеная лихорадка. И сабля тряслась, разбрызгивая кровь. Человек повернулся ко мне.

Я не смог разглядеть его лица, оно расплывалось, шевелилось, жило отдельной жизнью, глаза постоянно меняли цвет, губы плясали.

— Курок! — заорал я.

Человек уронил саблю. Он попытался протянуть ко мне руки, но упал на пол.

— Живы! — сказал голос. — Живы... Ой, мама, все волосы белые...

Парень. Мелкий. Как Шнырь примерно, лет десять, десять лет — прекрасное время для войны.

— Вчера не успели, — сказал он. — Хотели вчера еще идти вас выручать, но темнеет быстро, пришлось до утра отложить...

— Сними веревки, — велел я.

— Сейчас, сейчас...

Парень выхватил нож, разрезал мой веревочный кокон.

— Оружие... есть?

— Конечно, твое ружье.

Парень сунул мне в руки карабин. Мой карабин, конечно же, я его не удержал. Руки не слушались, как и ноги. Почти все не слушалось, немного вращалась голова. Рюкзак, шлем, другая снаряга — все лежало на улице, видимо, он собрал.

— Руки мне разотри.

— Да, сейчас. Потом то есть, надо папке помочь... — он кивнул на лежащего человека. — Ему сейчас плохо будет...

— Ладно...

Я дотянулся до плеча. Прокусил. Ничего. Не почувствовал. Укусил еще, стараясь поглубже. Боль. Прекрасно. Рука шевельнулась. Согнул в локте, согнул еще. Не отсохла. Рука. Принялся сгибать, тут же пришла тянущая боль.

Взялся за левую. Кровообращение лучше восстановить как можно скорее, в руках, затем в ногах, я старался. Сумрак перестал двигаться, он дополз до угла и теперь лежал там, продолжая выталкивать кровь, я очень надеялся, что он жив, очень.

Парень занимался человеком. Пытался напоить его из зеленой железной фляги, она громко била человека по зубам.

Я поднялся. Качало, под коленками играла трясучка, я шагнул к Курку.

— Он умер, — сказал парень.

— Что?

— Он умер. И волосы у него умерли...

Я снял Курка со стены, поймал, он повис на мне, волосы на самом деле белые. Поседел. Вынес его на улицу, опустил на брусчатку. Пульс.

Нету.

Подсунул нож под веревки, стал срезать. Осторожно, стараясь не поранить. Освободил от веревок, принялся растирать руки. Холодные. Совершенно. Плохо. Хлопнул по щеке, по правой, затем по левой. Прищемил нос.

Курок был мертв. Безвозвратно. Я ударил кулаком в сердце, но оно не запустилось, изо рта выплеснулась уже чернеющая кровь и плоские белесые ленты.

— Кишкодер, — сказал парень. — Он бы все равно умер.

Он бы все равно умер. Кишкодер. Выдрин пух. Сумрак. Тут все сделано, чтобы мы умерли, какой к черту планетарий...

Закрыв ему глаза. Астроному.

Наверное...

Наверное, я должен был что-то почувствовать. Нормальное, человеческое. Жалость. Сострадание.

Но я не почувствовал ничего. Дыра. Пустота. И нет сил. Потом. Придет время, и я вспомню всех, кто стоял рядом. Обязательно.

А сейчас время для живых.

Вернулся в здание.

Человеку в камуфляже на самом деле было плохо. Корячило мощной судорогой, он бился на полу и стонал, кусая губы. Сумрак лежал в углу.

— Помоги, — попросил парень.

Я поглядел на сумрака. Лежал. Не шевелился. Ладно, займемся живыми, о мертвых позаботится Господь. А о некоторых Сатана. Каждому свое.

— Что с ним?

— Откат, — ответил парень. — Припадок после ускорителя, нам его вытаскивать надо. Другие могут подойти. Ах ты...

Человека выгнуло, горло напряглось, кровь из глаз уже почти брызнула. Парень не мог его удержать, слишком легкий.

— На ноги! — велел я.

Сам прижал руки, мелкий бухнулся на ноги. Человека крутило, выворачивало, изо рта потекла пена, глаза закатились. Я вытащил из-за голенища метательный нож, попытался разжать зубы. Зубы у него оказались совсем изломанными, а я их доломал. Но нож всунул.

— Минут пять колотить будет! — сказал мелкий. — Надо держать!

Мы стали держать.

— Это ускоритель! — кричал парень. — Без него сумрака не убить! Потом припадок...

Припадок не прекращался. Кровь смешивалась с пеной, глаза окончательно спрятались под лоб, мелкий подпрыгивал вместе с ногами, руки я удерживал еле-еле — мужик был здоровенный.

Скоро человек перестал дергаться и просто лежал, растекшись, с закрытыми глазами. Мы отпустили человека, поднялись на ноги.

— Я Егор, — сказал мелкий. — А это папка. Его надо тащить, он не скоро поднимется...

— Что с ним?

Я подобрал карабин, проверил. Все в порядке. Зарядил. Надел шлем, надел рюкзак.

— Ускоритель. Мрака по-другому не одолеть, они быстрые. Такие быстрые, что не видно даже. Надо в ногу вкалывать особый состав... А потом всегда последствия страшные... Раз в полгода можно только, иначе внутренние органы разрушаются. А папка уже второй раз за неделю вкалывает... Надо уходить, они скоро вернуться, они чувствуют и днем...

— Вы где здесь располагаетесь? В высотке? Далеко? Придется тащить.

— Здесь, — Егор помотал головой. — Здесь недалеко. Пойдем...

Я попрыгал. Стекло хрустело под подошвами. И прыгать было приятно, ноги разминались.

— Они чувствуют, — Егор указал на сумрака. — Каждый охраняет свою территорию. Убьешь одного, тут же другой на его место... Иногда уходят, за добычей идут... Я лямки прихватил, надо папку обмотать...

Егор достал из рюкзака лямки.

— А этот? — я кивнул на сумрака. — Ноги у него не отрастают? Руки?

— Не, он одноразовый. Только быстрый. Пристрелить — и все.

Я подошел к погани. Он продолжал улыбаться, губы шевелились, точно говорил что, аж послушать захотелось, что могут такие твари говорить...

Прицелился в голову, тридцать граммов, это не пуля, это снаряд, разнесет все, не собрать пинцетом, слона остановит.

— Надеюсь, что тебе больно, — сказал я. — Надеюсь, это продолжится еще долго.

Но я не выстрелил.

— Правильно, — одобрил Егор. — Правильно ты его оставил. Другие придут, живьем его жрать станут. Они тут друг друга жрут.

Егор свернул из лямок носилки.

Я наклонился, подхватил тело Курка, забросил на спину. Тяжелый.

— Не унесем... — сказал Егор. — Надо папку... Твой друг уже мертвый...

Мертвый. Это он прав.

Я бережно прислонил Курка к стене. Пусть посидит. Вернусь, скоро вернусь, заберу, не оставлю. Аптечный переулок, мертвые к мертвым.

Подняли носилки, поволокли. Покачиваясь. Я тоже покачивался, не очень хорошо замечал, что вокруг, мы возвращались к зоопарку, кажется.

— Как отца зовут?

— Папку? Старший имя у него...

Мы тащили Старшего. Никого вокруг. Пустота, шаги. Зоопарк, он выпрыгнул неожиданно, видимо, Егор срезал.

— К слону, — указал Егор. — Туда. Это памятник. Слону, само собой.

— За что слону памятник? — спросил я.

— Он людей много спас, когда-то давно. А теперь мы тут живем.

Егор пошарил в карманах, достал связку многочисленных ключей. Снял замок, открыл люк. Мы залезли в слона. Сначала подняли и засунули туда Старшего, затем сами, Егор зажег лампу.

Внутри слон выглядел совсем по-другому, казался больше, чем снаружи. Внутренним бокам были приделаны откидные койки, посередине стол, в передней части слона верстак, а над головой перекрытие с лестницей, чердак. Запасы везде. Консервные банки, вода в бутылках, мешки. Оружие. Книжный шкаф.

Печка. Железная. На плите кастрюля, на трубе носки сушатся.

— Тут безопасно, — сказал Егор. — Стенки толстые, пули даже не пробивают. Сумрак тебя задел?

Я вдруг вспомнил, что сумрак меня задел и не раз. Даже не задел, порвал. Руки, плечи, ноги. Не болит.

— Задел... Давно?

— Вчера.

Я стянул куртку, сбросил термोजилет, остался в майке.

— Ого... — протянул Егор.

На самом деле ого. Сумрак хорошо поработал. Левое плечо разодрано, почти на сантиметр мясо распорол. В других местах тоже, не так глубоко, и не больно, не больно.

— Больно?

— Нет, — признался я.

— Это от страха. Потом заболит. Антидот нужен.

Егор достал из рюкзака аптечку, вытряхнул шприц, кинул мне.

— От всего помогает, — объяснил он. — Еще из старых запасов. Только чешешься потом.

Я вколол антидот.

— Теперь сироп...

Егор сунул мне флажку. Сироп был сладкий и какого-то освежающего вкуса, я сделал несколько глотков и запил водой. В голове почти сразу возник звенящий холодок, приятно.

Егор налил из флажки в кружку, сунул Старшему. Тот прихватил кружку зубами, стал пить, мелкими глотками, одолел полчашки, отключился.

— Энергозатраты большие, — пояснил Егор. — Нельзя слишком быстро двигаться. Организм сам себя жрет, нужна энергия. Он еще долго так пролежит, тогда он почти день лежал. И двигаться ему лучше поменьше, а то когда он двигается, у него кровь из глаз брызжет.

Егор выпил сиропа сам.

— Сумрак меня целый день тащил... — с какой-то гордостью сказал он. — А вечером его папка прикончил. Вот этой саблей. Башку отрубил, и на куски. Он их уже семнадцать штук убил, представляешь?

Я представлял. Убить семнадцать сумраков — это сильно.

— Их можно только так, с ускорителем. А еще лучше с двойным ускорителем — чтобы наверняка. Или ловушки электрические, мы две штуки сделали. Они работают на конденсаторах, все очень просто — сумрак туда наступает, и его током убивает. Правда, ни одного мрака мы пока еще так не убили, но надо ловушек поставить побольше...

Я хотел рассказать ему про крест в небе, но не стал, Егор мог подумать, что я свихнулся. К тому же это был мой крестик, я не хотел делиться ни с кем.

Если есть я — значит, у меня должна быть цель. Предназначение. Не просто уничтожать погань — это любой дурак умеет. А настоящее. Великое.

Какой Герой без Предназначения?!

Глава 17. Корпускула дьявола

Память.

Дураки. Смеются надо мной. Если бы знали...

А почему это смешно? Ничего смешного здесь нет, ничего. Красавец и чудовище... Я совсем не красавец.

И она... Она не виновата.

К Алисе я заглядываю почти каждый день. Через день, тут рядом, в подвале.

Алиса не меняется. Не чувствует боли, не спит и не пьет. На прошлой неделе я нашел тыкву и выдавил сок, целую бутылку оранжевого сока. Добавил туда лимон и сахар, принес ей, а она не посмотрела в мою сторону.

А сок был ничего.

Вот и сегодня. Она не разговаривает со мной. И не смотрит. Она вообще ни с кем не разговаривает. С крысой только.

Знатная крыса, сидит возле головы Алисы, глаза круглые, блестящие.

Похудела. Кости торчат, костюм...

— Крысу надо бы пристрелить.

Я вздрогнул и обернулся.

Серафима. Стоит, жует пластиковую трубку. Не похожи.

— Что?

— Крысу пристрелить, — повторила Серафима. — А вдруг она переносчик?

— Чего переносчик?

Серафима пожала плечами.

— Ну, вот этого, — она кивнула на Алису. — Где-то она ведь это подцепила.

Серафима брезгливо поморщилась. Крыса почуяла врага, спряталась.

— А я бы и ее пристрелила, — Серафима выдула из трубки пузырь. — И крысу и ее. Неизвестно, чем все это кончится. Она всех своих убила... И нас может. Вдруг это заразно?

И на меня так посмотрела.

— Я в карантине два месяца почти просидел, — напомнил я и сразу же понял, что зря сказал — получалось, что я будто бы оправдывался.

Серафима промолчала.

— Шныря проверяла? — спросил я.

— Проверяла. Солому режет.

— Что?

— Солому, — Серафима сделала пальцами стригущее движение. — Режет солому.

— Зачем?

— Планер хочет сделать.

— Из соломы?

— Ага. Да ну его... Слушай, Дэв, скажи Япету, а? Чтобы убрали его от нас. Я все время боюсь — у него эти бородавки... Пусть он с близнецами ходит.

— Бородавки не заразны, — сказал я. — Они у всех есть.

— У меня нету, — тут же перебила Серафима. — Нету.

— Есть. Просто у Шныря они внешние...

— А у меня внутренние, да? — перебила Серафима. — Ну-ну.

Похожи.

— Я к тому просто, что бородавками все заражены, просто у некоторых они вырастают, а у других нет...

— Понятно, понятно, — снова перебила Серафима. — Ладно, пойдем собираться. И все-таки...

Серафима сделала паузу, поглядела на крысу, поглядела на Алису, сказала:

— Я бы ее пристрелила.

Я бы тоже пристрелил. Года два назад. Наверное, даже год. Сейчас...

Открыл глаза.

В слоне.

После укола и сиропа я отключился и уснул, проснулся... Не знаю когда, сколько времени прошло. Старший сидел, закутавшись в плед целиком, только пятки торчали, черные и безнадежные, в слоне было тепло и уютно, хотел бы я жить в слоне. Егор спал возле печки, в большой плетеной корзине, привешенной к потолку. Корзина покачивалась, Егор улыбался.

Старший перекачивал в ладонях алюминиевую кружку, механически, как робот. Увидел, что я проснулся, кивнул.

И я кивнул в ответ.

— Слушай. Пожалуйста, послушай, это важно. У меня мало времени осталось. И в голове каша, трудно... Трудно выстраивать. Постарайся понять.

— Постараюсь.

— Что-то с полюсами случилось, — сказал негромко Старший. — С магнитными полюсами, с этого все началось. Это и продолжается, компасы врут. Но уже не так сильно...

Он отхлебнул из кружки сиропа.

— Затем с атмосферой. Засуха, она почти все выжгла, особенно юг... Голод, и с юга все на север рванули. Китайцы... И другие... С границ поползла война... Потом затрясло, почти везде... Еще Вода, после землетрясений всегда вода. И болезни...

Старший посмотрел в потолок. Он не спросил, как меня зовут, и кто я, и откуда я пришел, и, главное, зачем я пришел, мне показалось, что он был как-то ушиблен и не очень хорошо понимал, что происходит. Смотрел сквозь меня, бормотал, улыбался.

— Бешенство... — старший вытер пот. — Вообще весь мир разваливался, по швам трещал.

Он начал потеть, потел крупными каплями, и пот был не нормальный, прозрачный, а мутный, Старший протер лоб ладонью, на ней остался бордовый след.

— Опять... — сказал он.

Я кинул ему полотенце, Старший стал протираться.

— Что-то с кровью происходит... Ладно... Мир рушился, и тогда кто-то... Я не знаю кто, кто-то придумал, как все исправить. С помощью этого.

Старший сунул руку под рубаху, извлек кольцо. То самое, с птичьей лапкой. Пацифик.

Как у нас.

— Частица Бога, — хрипло сказал Старший. — Какая прекрасная идея...

Егор спал, видимо, к такой болтовне он был вполне привычный.

— Частица Бога... Я покажу...

Старший попробовал дотянуться до стола, у него не получилось. Я заметил альбом на столе, подал его Старшему, он достал фотографию, а других фотографий в нем не было.

— В этом секрет, — сказал он. — Только в этом...

Старший уронил карточку, я поднял.

Нога. Блестящая такая нога, огромная. Где-то я это уже видел. Памятник. Под этой ногой стояли люди. Все старые, ни одного молодого. В синих халатах, в оранжевых смешных туфлях, в белых касках. У каждого на каске блестел пацифик. И очки, почти все они были в очках и почему-то улыбались, никогда не видел столько улыбчивых людей. И на рукавах халатов тоже пацифики.

Это ученые. В белых касках, все ученые в белых касках, они держали перед собой плакат. На нем был нарисован птичий знак, а внизу крупными красными буквами приписывалось:

«Даешь Частицу Бога!!!»

— Даешь Частицу Бога...

Старший отхлебнул снова. Сироп. И еще отхлебнул, а потом поглядел в кружку. Человек кровью потеет... Его надо лечить серьезно. Хорошо бы его к нам, к Доктору... Не донести, конечно. Курок...

Курок остался там. Надо его достать. И похоронить. По-человечески. Он меня обманул, но все равно. Человек

Я поднялся с кровати.

— Погоди...

Значит, Старший меня все-таки видел. Разговаривал со мной. И это не бред. Хотя так и бредить можно.

— Погоди, — негромко попросил Старший. — Пожалуйста, я хочу рассказать. Егор маленький, много не понимает. Я хотел написать... я не умею. Послушай, я тебе расскажу.

Старший облизнул губы.

— Когда все возникло... Ну, когда Мир возник, не только наш, а вообще весь, он первое время был... Пустой. Одинаковый, что ли... Вернее, никакой. Требовалось придать Миру свойства... Я не очень хорошо понимаю, я механик... Эта самая частица, она преобразовала хаос в порядок. Сразу, одним шагом, везде, Дыханием Бога... Это не бред! — громко прошептал Старший. — Не бред! Они сами так говорили! Сами ученые!

— Я верю, — сказал я.

Старший улыбнулся поломанными зубами.

Свет. Свет Творения, Слово Его, Дыхание Благодать, все, как рассказывал Гомер. Я помню, вот как сейчас. Сначала Тьма, потом раз — и сразу Свет, и всего-то лишь достаточно одного Слова.

— Мир уже древний очень, очень, даже представить сложно как. И чем дальше он существует, тем меньше в нем света.

Это тоже правильно. Поколения грешников породили так много зла, что Благодать стала улетучиваться, а Свет рассеиваться. Чем больше тьмы, тем меньше света, все про это знают. А именно светом мир и скреплялся. Как кирпичи цементом.

— Вот они, — Старший указал трясущимся пальцем в фотографию. — Они хотели все исправить. Чтобы ни наводнений, ни тряса, чтобы эпидемии прекратились. Частица Бога, короче, они ее выделить хотели. Эта штука...

Старший ткнул пальцем вниз, под ноги.

— Насколько я понял, Нижнее Метро — это прибор. Огромная машина, она трансформирует поле.

Нога...

Памятник! Я вспомнил. Точно, нога памятника, мы тогда из него с Алисой вылезли. Там еще что-то написано было, про прорыв какой-то... В изучении пространства, кажется.

— Прибор, — повторил устало Старший. — Самый большой в мире. Он должен был воспроизвести первые мгновения, в которые частица Бога была еще сильна. Мир пошел в раскачку, а они хотели его спасти... Только ничего не получилось... Там, — он опять указал вниз. — Там, еще глубже самих тоннелей, там шахты... Детекторы... Они должны были улавливать Частицу... Что-то развернулось не по плану...

Старший задрожал. Сильно, на секунду мне даже показалось, что он опять впал в ускорение, лицо сдвинулось в размывку. Губы затряслись.

— Мне надо отойти, — сказал я. — Тут мой товарищ, я его...

— Подожди, пожалуйста, — шепотом попросил Старший. — Еще немного, это важно, я должен рассказать.

Старший потряс головой.

— Что-то пошло не так, — сказал он. — Причины... Причины... Кто эти причины теперь разберет... Эксперимент был запущен, и они ее получили...

— Частицу Бога? — спросил я.

Старший промолчал. Сплюнул в кружку.

— Не знаю, что они там получили... Вряд ли это была Частица Бога... Скорее наоборот. Корпускула дьявола.

Он усмехнулся.

— Ты хочешь сказать... — я вздрогнул. — Ты хочешь сказать, что у нас тут... Ад?

— Не в прямом смысле, конечно, — ответил Старший. — Но что-то подобное наверняка. Античастица, видимо, исказила... Она все исказила. Это как грязь, она замазала все...

Пространство, время, материю. Законы природы были отменены... Они виноваты, вот эти.

Он кивнул на фотографию.

Улыбаются, в касках, в очках. Оптимисты. Сразу видно — знают, что делают. Это их и сгубило. Гордыня. Решили встать вровень, нет, гордыня, определенно, шесть человек впали в гордыню, и мир был уничтожен, вместо Света явилась Тьма.

Корпускула дьявола.

С другой стороны, им было отчего впасть в гордыню. Могучи были. На Луну летали. И кажется, на Марс. Может, на Солнце даже.

— Вы откуда? — спросил Старший. — Дубровка? Печатники? Там еще кто-то оставался...

— Варшавская. Мне надо сходить...

— Успеешь. Варшавская...

Старший сплюнул в кружку.

— Кажется, все, — сказал он.

— Что все?

— Все. Егора не буди, пусть спит... Мало осталось... Зачем вы пришли?

Мертвец. Еще один. Что же они все вокруг умирают-то...

— Мало осталось, — Старший улыбнулся. — Зачем?

— Зачем? Да мы...

Я хотел рассказать про Япета. И про Доктора. Про то, что одни сволочи хотели проникнуть на Запад, а другой хотел посмотреть планетарий, а я был просто дураком...

— Мы здесь, чтобы установить контакт. Мы ищем всех, кто еще... Кто еще человек

— Кто еще человек... Друг у меня был.

— Что? — не расслышал я.

— Друг. Вместе тут жили...

Старший снова плюнул. Привычка дурная. Гомер меня плевать отучал почти полгода. За каждый плевок в лоб, за каждый харчок по морде. Потому что по плевкам тебя любая погань вычислит.

— Друг... Разошлись-то всего ничего, утром встретились... Отчего вот так? Отчего нормальный человек вдруг делается чудовищем? Что с нашим воздухом?

— Не знаю.

— А я знаю. Это уже другой воздух, не наш. Эксперимент продолжается, врата открыты. Послушай меня, это важно. Ты на Вышке бывал?

— На Большой?

— Ага. На Большой... Говорят, раньше еще больше встречались, ладно... Был?
— Нет еще. Слышал. Видел еще, издали только. Мы на юг ориентированы...
— Я тоже. На Вышке не бывал то есть. Не успел, собирался... Там архив должен оставаться. Ты знаешь, что такое архив?

— Да.

Еще плевков.

— На Вышке. Или рядом где-то, не знаю точно... Когда все это происходило, они фиксировали. День за днем. Там должен быть ответ.

Плевков

— Ответ. Его можно найти.

Наверное, действительно можно.

— Зачем?

— Чтобы узнать, как все началось.

— Зачем?

Было ясно, зачем. Чтобы узнать, как все закончить.

— Нижнее Метро еще работает, — прошептал Старший. — Работает. Вода...

— Что? — не расслышал я.

— Вода... Она стала закручиваться... Поэтому и ушла вниз, течения сбились... Нижнее Метро закручивает воду, закручивает воздух... Ты знаешь, что из города нельзя выйти?

Плевков

— Нельзя, — Старший потрогал виски. — Кажется, кровь, давление, что-то такое... Когда человек попадает сюда, его сразу начинает закручивать... А когда он выходит из зоны, в голове лопаются... Ты видел здесь птиц?

— Ну да... Немного.

Птиц на самом деле мало. Они все над МКАДомдохнут. И вниз падают, сюда не пролетают.

— Вот! Немного. Птицы сюда ни пролететь не могут, ни вылететь... И яды тут ни при чем... Чертова мельница, она мелет...

Старший замолчал и поежился.

Он поежился. Ему явно стало хуже, побледнел еще больше, вокруг глаз синие круги.

— Ты хоть понимаешь, что я тебе рассказал? — спросил он.

— Конечно. Ученые хотели, чтобы все наладилось само собой, и построили Нижнее Метро. Машину, которая должна была вернуть в мир Благодать. Но получилось наоборот. Возможно, они сами не все были благостны, а может, это произошло попусущением Его. Но вместо Благодати машина стала производить воздух зла. Им пропиталось все вокруг, и все вокруг разрушилось, и даже мертвым покоя нет — если не отсечь им голову, то превращаются они в бродячие и алчущие трупы. А мельница вертится.

— Точно. Мельница вертится.

И снова сплюнул.

— Тебе плохо? — спросил я. — Может, лекарства...

— Нет лекарств. Ничего нет... Жернова, крутятся во тьме, перемалывают... Души тоже... Корпускулы дьявола, они вокруг... А можно остановить.

Вдруг сказал он.

Логично. Кто рожден, тот рано или поздно помрет.

— Можно отключить. Где-то должна быть кнопка.

Старший выставил палец, сделал нажимательное движение.

— Кнопка всегда есть. Рычаг. Этих все больше и больше, мраков. На восток продвигаются. Скоро они и до вас доберутся, до Варшавской... Что-то устал я. Как тебя зовут?

— Дэв.

— Дэв — это демон, да?

— Герой.

— Герой — это хорошо... Еще. Насчет ускорителя. Ты должен знать, как его использовать, по-другому отсюда не выбраться. Запоминай.

— Запоминаю.

Старший достал сумку с контейнерами, в которых хранились шприцы.

Он рассказывал. Как правильно использовать ускоритель, я слушал, кивал, спрашивал, а думал про другое. Про слона. Люди живут в слоне. А люди не должны жить в слонах, люди должны жить в домиках.

Домик должен стоять на опушке леса, возле реки. Крыша должна быть черепичная, а на стене висеть ружье. Хотя нет, ружье совсем не понадобится. В будущем мире совсем не нужно будет оружие, мы положим его в железные сундуки и глубоко-глубоко закопаем.

Закопаем и забудем. Даже я закопаю свой карабин и больше не возьму в руки никакое оружие, ну разве что топор, дров нарубить.

Все будет хорошо.

Главное, найти кнопку.

Рычаг, вентиль, заглушку, не знаю, что там есть. Выключатель. Отыскать, а там я разберусь — нажимать или заворачивать, я не тупица, как-нибудь справлюсь.

И все наладится.

Я снова стал представлять свой дом, в подробностях, причем в самых мелких, вплоть до узора на ручках серебряных кружек, до квадратиков на ковре, до запаха кофе — мы будем выращивать кофе, жарить его и молоть в кофемолках на собачьем приводе, ловить тараканов или морить тараканов и играть по субботам в домино. Или по понедельникам, в какой-нибудь день, которому есть свое место. Вот сейчас мы не знаем, какой день сегодня, то ли вторник, то ли воскресенье. И число какое, не знаем, разве что месяц. Сейчас, кажется, август. Но до конца я не уверен...

Старший замолчал.

Лежал с закрытыми глазами, голова свалилась набок. Я подошел к нему. В руках Старший крепко сжимал кружку.

Белая эмалевая кружка, красная кровь.

Глава 18. Переулок кривых фонарей

Надо слушать тех, кто вокруг. Господь расставляет на пути только нужных людей, устами их подсказывает, что делать. Ничего просто так не бывает, каждый шаг оставляет след.

Цель. Простая и понятная. Кнопка. Рычаг. Заглушка, что там еще может быть? Вентиль. Завинтишь, и все кончится.

Как же тогда Облачный Полк? Гомер говорил, что наше дело ждать и готовить плацдарм для выброса. Когда в Урочный Час сгустится воздух и Воинство Света сойдет на землю и обрушит огонь на головы пустых и нечестивых, мы же будем стоять одесную.

Гомер мог и ошибаться...

Первый раз я подумал, что Гомер мог быть не прав. Он ведь тоже... Ну, как я, вырос на развалинах, ничего не видел в жизни. Мог ошибаться.

А что, если Облачный Полк не может пока сойти? Если он ждет сигнала? Подтверждения, что мы уже достойны. Зеленой ракеты. Может, эта вот зеленая ракета и есть кнопка? Может, пока она нажата не будет, ничего и не произойдет?

Мир стоит, пока есть хоть один праведник, так всегда говорил Гомер. Надо нажать кнопку.

Надо похоронить Курка. Конечно, мертвецам не жарко, конечно, мертвецы не танцуют, но все равно. Сожрут. Нехорошо, когда человека погань жрет.

И еще кое-что.

Я хотел разобраться с сумраком.

Мрак. Первый раз меня коснулся мрак, настоящий, жирный и бесспорный. Не мелкая

грязная погань, назойливо повисающая на ногах и пытающаяся выклевать глаза, настоящая тьма, вползающая в душу, разрывающая сердце. И там, в глубине, осталось. Пятнышко. Клякса. Грязь. Зерно. Крючок, впившийся в легкие.

Страх. Сумрак меня напугал.

До одури.

И теперь я боялся. Только не самого сумрака, а того, что это останется со мной. Зерно утвердится, прорастет и пустит корни — и вот уже поселится внутри голодная лилия, и надо будет ее кормить, кормить, а потом она выпустит в кровь свои семена...

Надо было вырвать. Прижечь. Раз и навсегда.

Солнце уже садилось, приобретая свой обычный вечерний цвет. В небе растерянно вспыхивали первые звезды, было ощутимо холодно, я поежился и обнаружил, что не надел куртку и не надел шлем — и куртка, и шлем могли бы помешать. На бой в рубашке и штанах. Почти голый. Первый раз, наверное, в жизни. Про такое Гомер тоже рассказывал. Как раньше герои, те самые древние герои, вступавшие в схватку с чудовищем, раздевались догола. И всегда побеждали. Потому что голый человек чист и первозданен, он готов вот прямо немедленно предстать на высший суд, он ничего не боится, и не берут его ни жала, ни клыки. Подумал, что совсем раздеваться не стоит, я все-таки не до конца готов.

Переулок кривых фонарей. Кривой переулок кривых фонарей. Выпуклая брусчатка под ногами, идешь, как по спине огромной рыбы, Гомер говорил, что совсем древние люди думали, что мир покоится на рыбе, и поэтому любили брусчатку.

Солнце еще держалось, но тени удлиннились и исковеркались, и старое кресло откуда-то, оно медленно покачивалось, будто кто-то в нем сидел еще совсем недавно. Я понюхал воздух. Обычный воздух Запада.

Я поспешил. Аптека за углом. Сейчас. Уже.

Минуту. Всего минуту. Надо только выглянуть...

Страх. Поганое зерно.

Я прижался к стене. Тропарь. Давно не читал. Теперь самое время. Победа. Мне нужна победа. Только победа, ничего, кроме победы. По-другому просто не может быть. Аминь.

Выглянул.

Несколько.

Четверо.

Егор говорил, что они по одиночке охотятся, как львы.

Что у каждого территория, и каждый ее охраняет. А тут сразу четверо. Стоят. Не шевелятся. Прямо перед аптекой. Курка нет. Я оставил его у стены. Сидеть.

Куски. Большие, рваные. Черные.

А Курка нет.

И страх.

Гладкое жирное лицо, распухшие красноватые суставы. Лапы со сросшимися длинными пальцами. Мясо...

Что-то воткнулось в спину, между лопатками, стало скручивать, холодно. Тошнит.

Выглянул еще.

Эти сдвинулись. Ближе. Стали ближе, я уже их даже почти слышал...

Солнце зацепило антенну на крыше, потянуло ее книзу.

Заметили. Но наверняка еще можно уйти. Успею. К черту. Уйду к северу, стану жить. Нетрудно найти. Трубу. Какую-нибудь трубу на окраине. Обустроиться. Крыс ловить. Или лягушек. Жить.

Никогда не думал, что может быть по-другому. Без оружия, без пороха.

Потихоньку.

Гомер всегда говорил, что выбора нет. Что я такой родился и что по-другому никак. У каждого свое предназначение, и в сторону не свернуть.

А я и не пробовал.

Запад. Правильно никто сюда не ходит. Правильно. Тут начинаешь сомневаться.

Сомнение — это и есть корпускула дьявола. Уверенность — искра божья. Только тот, кто верит в себя, может победить. Я прошел. И я вернусь. Вытащил цилиндр. Он еще хранил холод, приложил к голове.

Ничего. Сейчас, сейчас...

Прав Гомер, по-другому нельзя.

Выглянул.

Еще ближе. Заметили. Уже не отпустят.

Мне стало легче. Не отпустят.

Свинтил крышку. Вытащил шприц. Тяжелый и тоже холодный. В бедро, нужно колоть в крупные мышцы. Поехали. Надавил на поршень.

Холод.

Две минуты. Старший говорил, что начинается через две минуты. Но он не говорил, что это будет так больно.

Нельзя двигаться слишком резко, могут связки порваться. Надо плавно, очень плавно. Нельзя ни во что врезаться — разобьешься. А еще нельзя...

Холод потек по ноге. Вниз к ступне. По кости. Сначала мне показалось, что кость взорвется, вырвется через мясо и кожу, боль ударила в колено, и я едва не заорал. Но это было только начало.

Холод пополз вверх. Тазобедренный сустав, позвоночник, ребра, лопатки, шея...

Наверное, я отключился. Волна дошла до черепа, в мозг врубился гвоздь, распустился там стальным цветком. Ослеп. Это была не отключка, просто погасли глаза. Давление. В уши, в нос, голова взорвалась и разлетелась в разные стороны, миллионом кусков, и к каждому была прикреплена ниточка — для того, чтобы они смогли вернуться обратно.

Боли не было.

Слух, он вернулся первым, и вдруг я услышал. Мозг немного сдвинулся вперед, и я слышал.

Шорохи. Листья по крыше, переругивание летучих мышей. Вода. Обрывки этих звуков смешивались в незнакомую мелодию, красивую и необычную. Люди. Люди так не могли, слишком красиво. Это разговаривали они. Сумраки переговаривались между собой, и язык их походил на песни ангелов, хотя сам я никогда не слышал.

Я открыл глаза.

Мир сделался красным. Не из-за солнца. Глаза. Сосуды полопались. Видимо, не только мелкие, но и крупные. Пульсы. Они прорезались везде, от ушей до пальцев ног. Я стал видеть дальше и четче. Трещины на стенах. Паутину, болтающуюся на фонарях, рисунок, сделанный карандашом на стене дома напротив.

Сумраков.

Они стояли вокруг. Неподвижно. Засохшие деревья. Смотрели, не на меня, в стороны, не замечая. Похожие. В обрывках грязного тряпья, с веревками вокруг туловищ. Переговаривались.

Тот, что стоял справа, сделал шаг. Он очутился рядом со мной, но в этот раз я видел, как это произошло. Четыре мягких и одновременно неуклюжих, враскачку, шага, раз-два-три-четыре и протянул лапу. Браслеты. У того, в аптеке, были часы, у этого браслеты, несколько штук, от запястья до локтя. Коготь почти коснулся моего лица.

Рот маленький, вцепляться не могут, могут только жрать. Убивают по-другому. Затем жрут, отдельно. Мясо...

Браслет. Тот самый, который нашел Курок. Зря он взял браслет, нельзя из могилы ничего брать...

Ярость залила привычной волной, я сделал выпад, вперед и чуть вверх, секирой, даже не рубил. Попал в локоть, в распухшее сочленение, в сустав, затем сразу в бок. Лапа разорвалась, и пока она падала, медленно, переворачиваясь и сжимаясь, я нанес еще удар.

Мир тек мимо за красной пеленой ускорения, движения распадалась на отдельные мелкие составляющие, каждый жест был самостоятелен и при этом каким-то образом

сливался с остальными... Передать сложно. Резкость исчезла, удары были не ударами, а плавными касаниями. Секира коснулась сумрака под правым плечом, он вздрогнул и сделал шаг назад. Рана разошлась, и через несколько долгих мгновений показалась кровь, ленивая и густая. Сумрак издал равномерный шорох, его товарищи ответили, я прыгнул вперед, в ушах неожиданно свистнул ветер.

Секира описала сияющий полукруг, голова уroda отделилась от тела, покатилась. Оставшиеся обменялись безразличными шепотками и сдвинулись ко мне, двое по флангам, один в центре.

Я отступил. Не ожидал, что схватка будет выглядеть так. Мне представлялись скорости, погоня, прыжки, уклонения. Ничего подобного. Схватка с сумраками в режиме ускорения походила скорее на шахматы.

Тот, что справа, сделал свой ход. Взмахнул лапой. Метил явно в горло, но я уклонился легко, всего лишь наклонив голову. Сумрака повело, он потерял равновесие, и я тут же пустил ему вдогонку секиру. Лезвие чиркнуло по костистой спине, срезало кожу. Сумрак выпрямился.

Я отпрыгнул.

Сумраки замолчали. Двое стояли, окаменев и чуть набычившись, третий шевелился. Ворочал головой, стараясь поглядеть на спину, с которой я срезал изрядный лоскут кожи. Сумраки не торопились. И неожиданно я понял — препарат разогнал меня до скорости, на которой сумрак казался ощутимо меня медлительнее. И это давало мне преимущество, причем значительное. Снял с плеча карабин.

Раненый сумрак улыбнулся мне в глаза. Улыбнулся. Он должен был кричать от боли, он должен был кататься от боли по брусчатке, а он, наоборот, улыбался. Дальше произошло ужасное, сумрак скрючился, дотянулся до лоскута, уцепился за него покрепче и дернул. Я услышал, как пронзительно затрещала шкура, как хихикнул сумрак, разглядывая собственную кожу, как одобрительно зашуршали остальные, и вдруг я почувствовал в руках карабин и выстрелил.

Первый раз я видел, как летит картечь. Она выплеснулась из ствола горячим выдохом, разошлась в зонтик, врубилась в чудовище.

Хорошая картечь, изготовленная Петром, мягкий свинец снаружи, твердый уран внутри, двойной заряд пороха. Почти в упор. Верхняя часть туловища разлетелась в рваные лохмотья, ноги еще продолжали стоять.

Тишина. Я ничего не слышал. Карабин рявкнул, и слух мой просел, в ушах образовалась тяжелая вата. Я убил второго. У этого уцелела голова. Возьму ее, приделаю потом на стену, раньше так всегда люди делали, только оглох вот всмятку.

Попробовал пошевелить барабанами, глухо, ничего. Двое. Две штуки.

Продолжали стоять.

Ненормально. Совсем ненормально. Накидываться скопом, так надо. Любая обычная погань совсем по-другому действовала бы, насакивала вместе, а не по очереди. Но сумраки были другие. Не знаю, по какой причине, но они работали по очереди.

Сумрак шагнул вправо. Второй тоже. Принялись описывать круг. Это было уже знакомо, волкеры, если особенно молодые, иногда так делают, кружат, кружат, поджидают, ловят момент, готовятся к броску.

Эти...

Опять не так, опять через перекресток — эти просто брели вокруг. Волоклись, чуть ли не заплетаясь, и я не знал, что дальше. Чего ожидать.

Шагали, шагали, потом тот, кто шагал вторым, начал отставать. Он отставал все больше и больше, и теперь они рисовали круг друг напротив друга. А я в центре. Я ждал. Слишком просто все получалось как-то...

Резко. Всего на мгновение я выпустил из вида того, кто был за спиной. Этого хватило. Наверное, шестое чувство, вернее, Бог в ухо шепнул. Прыгнул в сторону, сухожилия хрустнули, мимо пролетела тварь. С распростертыми лапами, с яростью, с ревом. Рева я не

слышал, конечно, но он был, этот рев. Морда перекошена раз.

Сумрак в ярости был хорош. Мне понравилось. Я тоже был в ярости, ярость — это прекрасное чувство. А эти их лапы...

Некоторые сумраки умели работать, я оценил. Левой в голову, и тут же правой снизу, башку снести, кишки выпустить. Лапищи у него были длинные, когти или сросшиеся пальцы, не разглядеть, успевал только уворачиваться, приседать и подпрыгивать, вбок, влево, вправо, секирой я уже не атаковал, так, парировал удары.

Второй. Почти сразу присоединился, и почти сразу они стали работать синхронно, один по низу, пытаясь оторвать ноги, другой старался снести мне голову. Наверное, со стороны, ну если бы кто мог меня видеть, то решил бы, что я похож на мячик Мячик, в который играют два непонятных существа, прыг-скок, прыг-скок.

Сожрали Курка.

Ненавижу.

Они прижимали меня к стене. Шаг за шагом, верно и неотвратно. И все-таки достали.

Гомер учил — никогда не ввязывайся в драку. Противника надо обезвреживать сразу и предпочтительно навсегда, в шею, в шею надо стрелять. Рукопашная схватка — вещь непредсказуемая, любой, даже самый сильный и опытный боец может рано или поздно запнуться о предательский камень.

Сделать неверное движение, потянуть кисть, моргнуть в неподходящее мгновение, может отвлечься, упустить вдох, забыть про выдох, руки могут вспотеть, и рукоятка верного меча проскользнет, и песок в глаза, да мало ли причин для последней ошибки?

Ошибка стоит дорого. Ошибка — это жизнь. Любая, даже самая мелкая и безобидная рана приведет к поражению. К смерти. Если нет возможности успокоить противника с двух ударов, лучше отступи, в этом нет ничего позорного, отступление сейчас — победа в будущем. Надо было, наверное, отступить. А так они все-таки достали меня. Я даже не увидел кто. Коготь, чирканул по ребру, зацепил мясо. Мне показалось, он ребро вообще вырвал — меня подбросило в воздух, развернуло, и я обрушился на асфальт.

Однажды я падал с третьего уровня. Невысоко и, в общем-то, неопасно, приложился несильно, встал и вперед. Падение на брусчатку в состоянии ускорения... Наверное, как этажа с пятого, не меньше, земля ударила меня всего, сразу, ребра сложились, и зубы, передние все, в осколки, нету, плечи, колени, даже пятки, не знаю как, но я умудрился стукнуться даже пятками.

Правая рука сломалась, под каким-то диким углом, как палочка, кость вылезла наружу, красная пелена стала гуще, через несколько тянучих мгновений пришла боль. Сумрак надвинулся, облизываясь, я дотянулся до потерянной секиры.

Сумрак прыгнул. Я успел выставить секиру, упереть рукоять между булыжниками, острие направив вверх.

Лезвие пропоролло брюхо, сумрак сел, залил меня черной дрянью своих кишок. Секира разрезала его почти пополам, но он продолжал барахтаться, пытался дотянуться до моего горла, столкнул его набок

Третий.

Остался один. Он стоял чуть поодаль. Медленно стоял, наблюдая как бы. Я отполз от мертвечины, мог бы и не отползать, все равно перепачкан был, год не отмоешься.

Надо было подняться, встать на ноги, не хотелось вот так, лежа.

И я поднялся.

Правая рука болталась вдоль туловища, побрызгивала кровью, сломанное ребро выставилось справа, особой боли не чувствовал, но знал, что она скоро придет. Кажется, еще нога. Тоже правая, в колене. Надрыв сухожилий. Или чашечка. Мениск, не знаю, плевать, Курка сожрали...

Поднял секиру. Левой. Ничего, левой я тоже не промахнусь.

— Сюда!

Крикнул я, но ничего, разумеется, не услышал.

Сумрак переместился ближе. Поднял секиру. Я думал, что он собирается закончить с нашей беседой, но на меня он и не поглядел. Склонился над третьим.

На секунду мне показалось, что он хочет помочь товарищу, но это была погань. Сумрак принялся жрать своего. Еще живого.

Наверное, это было самое мерзкое, что я видел в последнее время. Запредельное.

Но это стоило увидеть. Чтобы понять окончательно — мы не можем существовать вместе. Ни в одном городе, ни на одной планете. В одном воздухе.

Я пополз. Подальше. Сил на последнего не осталось, ладно, и так неплохо, троих...

Горло сжалось. Спазм, в голову шибанула кровь, брызнула из носа и из глаз, как у Старшего, ладно. Я полз. Не очень хорошо представлял куда, подальше. Из оружия остался лишь нож и усиленная граната, ножом стану отмахиваться, граната... Граната тоже пригодится.

Скорость падала. Я ощутил это предельно ясно — ускоритель прекращал действие, пятнадцать минут упоительной стремительности подошли к концу.

Боль. Почувствовал, как наливаюсь жаром. Горела кожа, только не снаружи, изнутри. Не знаю, как это могло быть, именно изнутри, отчего хотелось ее немедленно содрать. Сердце. Ощутил, как оно висит там, в глубине, за ребрами, как натянуты вены и артерии, до звона, вот-вот оторвутся. Печень разбухла кровью, желудок сжался, залитый кислотой. Даже с позвоночником что-то, мускулатура пульсировала, расслаблялась и напрягалась, резко увеличилась подвижность, позвонки терлись друг о друга, и снова больно, больно, очень больно, к черту вериги...

В голове опять что-то взорвалось, мир скачком вернулся к привычной скорости, меня качнуло, не устоял. Снова больно, почему же так больно...

Пополз.

Переулок кривых фонарей, солнце опустилось, и сумерки слились с сумраками. Трое. Я успокоил троих, четвертыйобедал. Перекусывал. Погань питается поганью, давно известно... Вырезал когтями длинные узкие полосы, комкал их в шары и отправлял в рот. Не успевал дожевывать, и предыдущие полосы свисали из пасти черными червями.

Я остановился. Передышаться не получалось совсем, легкие не сжимались. Ребра. При каждом вдохе-выдохе поломанные острые кости скребли меня изнутри, решил не дышать, просто ползти, ползти, а там видно будет.

Вот и полз.

Вернулся слух. Тоже разом, звук вернулся, но лучше бы он не возвращался. Переулок был наполнен чавканьем. Сумрак жрал.

Сумрак продолжал жрать. На меня не смотрел. Я отползал, загребая рукой. Останавливался, лежал. Про Курка думал. И про Алису. Страшно. Хуже нет смерти. Все лучше, чем так.

И про этого почему-то думал, про Предпоследнего, того, который дневник записывал, а потом умер в тоске и одиночестве. И в ужасе. Грустно мне было. И за себя, и за всех остальных.

Упал. Звезды. Горели особенно ярко. И крупные, точно любопытное небо опустилось пониже, чтобы посмотреть, что тут у нас происходит, еще Гомер говорил, что часто такое случается — в самые страшные дни звезды сияют просто нестерпимо...

Чавканье стихло.

Сумрак наелся. И теперь смотрел на меня. Я знал, что он смотрит на меня.

А пошел он...

Все пошли, надоели. Надоели все.

Я достал гранату.

Все-таки нет. Не я. Не сложилось. Такое тоже бывает. История помнит победителей, прах проигравших разносит ветер.

Получи.

Выдрал кольцо, потратил последние на это зубы, разорвал губу. Получи. Граната

запрыгала по булыжникам.

Я считал — два, три, четыре, пять... Взрыв, должен быть взрыв.

Ничего. Сумрак двинулся ко мне. Разболтанной походкой людоеда.

Все, значит.

Почему-то я вспомнил Предпоследнего, не его даже, а тоску. Того дня. Когда он ходил в кино со своим сыном и каждую секунду понимал, что дальше уже ничего не будет. Что сына он не увидит, вот они, последние мгновения. И я сейчас тоже ощущал эти последние мгновения. Жалко было мне всех моих будущих несостоявшихся дней, очень жалко. Но по-другому нельзя, я дотянулся до пояса и вытащил нож.

И тут же рядом возник сумрак. Возник, исчез, запястье, боль, сломанная рука повисла, нож упал. Он схватил меня за шею, сжал и швырнул в стену, я воткнулся в кирпичи, и это снова было больно, только я уже не чувствовал, хотелось, чтобы все оно уже кончилось, потому что я устал, барахтался в грязи, скопившейся возле стены, а жизнь упорно не обрывалась, продолжалась, боль — это тоже жизнь, у мрецов не болит, у кошки боли, у собаки боли, у Данилки не боли, откуда я это знаю...

Небо засветилось, к земле потянулись лучи, и в них вспыхнуло золотом огромное яйцо, а сумрак был снова здесь, он держал меня за шею, разглядывал ожерелье из слез, разглядывал пацифик, сорвал, слезы рассыпались. Я не из тех. Не из настоящих, сияющих и беспрекословных. Настоящие так не гибнут. Мордой в прах, со ртом, набитым грязью, надо выплюнуть, обязательно выплюнуть, душа выходит с последним вздохом, рот не должен быть забит, увидеть небо...

Потом я, кажется, умер.

Глава 19. Вопреки

— Странно как-то...

— Что же тебе странно?

— А ты разве не видишь? Пауза.

— Чего я должна не видеть?

— Шея-то сломана.

— Сломана... Может, вывихнута.

— Это у тебя вывихнута! Тишина.

Покой. Ничего. Пустота. Легкость какая-то. Ни рук, ни ног не чувствую, точно плыву. Или в воздухе вишу.

— Сломана. Шея. Ребра, руки...

— Он не умрет, — сказал третий. Гомер. А другие...

Курок. И еще...

— Пульс есть, — неуверенно произнес Курок. — Пульс ничего еще не значит, это может быть... Остаточные явления. Телесное электричество истекает.

— Может быть, и электричество. Пульс хороший.

— Он не умрет, — повторил Гомер. — Такого просто не может быть...

— Сердце сильное. Он бегал много, вот сердце и борется. Это может еще долго продолжаться...

Алиса. Она права, это может еще долго продолжаться, это точно.

— Ему башку почти открутили. Руки сломаны... Кожа содрана... и сгорела. Я думаю, что он готов. Не шевелился ведь...

— Это же Рыбинск, они там вообще не умирают.

— Ты в глаза ему смотрела? Все вывернутые, и сосуды лопнули. Его перемололо внутри и снаружи...

— Он жив, — сказал Гомер. — И внутри и снаружи перемололо, а он жив. А знаете почему?

— Почему? — спросили Курок и Алиса в один голос.

— Потому.

— А предсказательница? Она прямо ведь сказала — не ходи в неходь. А он сунулся.

— Она сумасшедшая. И потом, предсказания на героев не распространяются. Герои всегда действуют вопреки. Всем предсказаниям. Всем нельзя, а им можно. Никто на Запад не мог пройти, а он смог. Жаль, я планетария не увидел...

— Героя нельзя убить так просто, он выживает после самых страшных ран... Потом имя. Такие имена просто так не дают.

— А он увидел планетарий. За меня.

Почему? Почему они все в разные стороны говорят...

— А если бы ему голову оторвало вообще? — нервно спросил Гомер. — Она что, приросла бы?

Молчание.

— Не знаю, — сказал Курок. — Не оторвало же. Вот если бы оторвало, то я бы точно сказал, что он — не герой. А так..

— Надо, это... тропарь прочитать, — предложила Алиса — Это ему поможет? Он сам всегда...

— Я прочитаю, — сказал Курок — Сейчас.

Откуда он знает тропарь?

Они все меняются...

Курок начал читать тропарь.

Самодельный. Не очень складный и не очень красивый.

— ... пусть будет. Пусть будет солнце. Свет его растопит лед, и сгинет тьма...

И дальше. Про землю, освобожденную от пришельцев, про справедливость, про мир и покой, который распространится. Про то, что все это закончится. Уже скоро. Ну, или когда-нибудь. Но закончится.

Курок читал, Алиса зевала громко, Гомер молчал.

... небо наполнится жизнью, и мы тоже вернемся в небо...

Мы вернемся в небо... Крест. Тот, что я видел. Знамение. Я вспомнил, на что он похож. Алиса похихикивала, Гомер насвистывал.

Курок читал. Его голос набрал уверенности и уже дрожал, Алиса стала его передразнивать, а Гомер говорил:

— Он мне еще руки должен, я же помню. Руки-то зарыл. Алиса, скажи ему про руки.

Откуда он знает Алису?

— Да замолчите вы, я делом занимаюсь.

— Прыгни в люк!

— Сама прыгни! Ты, вообще, что тут делаешь?!

— И в самом деле...

Я видел море. С песком и волнами, с дельфинами и белыми, как бумага, птицами. С далеким парусом, с тяжелыми дождевыми облаками, собиравшимися на горизонте. С ветром, недалеко от меня из песка торчал шест с привязанным длинным треугольным флагом — и ветер играл полотнищем, шелк хлопал и струился бирюзой.

А за спиной у меня были горы. Я не оглядывался и не видел их, но точно знал, что они там есть. Уходящие в небо пики, цепляющие тучи, с ручьями и водопадами, зеленые и белые.

По берегу навстречу мне бежал кто-то, издалека, маленькая фигурка, торопилась и размахивала руками.

Я засмеялся и помахал ей в ответ.

— А потом он из Рыбинска, — напомнил Курок. — Он рыбак, как и остальные...

— Ну вот, — сказал Гомер. — Все-таки умер.

Глава 19. Вопреки

— Летом здесь, наверху. Ближе к осени в слоне, совсем уж в подвал лезть не хотелось,

папка не любил подвалы. И я тоже не люблю. А ты?

Молчание. Шорох. Ветер. Ветер тут воет, никуда от этого не деться. И звенит что-то, похоже на звенелки из гильз — когда нанизывают гильзы на веревочку и вывешивают на сквозняке. Чтобы наполнить пространство звуком. Раньше любили звенелки.

— Понятно. Никто подвалы не любит. И высоту тоже. Лучше всего в слоне. Он железный, печь в одном месте топится, а тепло распространяется сразу со всех сторон. Мы с папкой случайно его нашли, думали, он цельный, а он полый, в нем раньше ведра хранились. Мы открыли, а ведра посыпались...

Над головой висит синий шар. Со звездочками. Самодельный шар, кривой, из бумаги, на боку дверка, в нее свечу надо вставлять, получается лампа. Свеча горит. Вообще кругом много самодельных вещей. Из проволоки и из бумаги, из дерева, из пластика, и все это игрушки. Плохо сделанные. Замки, машины, люди.

— А я думал, ты не выживешь, не верил... — вздыхает Егор. — Не выживают после такого...

— А Курок?

— Кто? А, друг твой... Так я тебе сколько раз говорил — умер он. Тогда еще умер. Не помнишь разве?

Егор вздыхает. Пересаживается на другой стул. В комнате много стульев, разные, самодельных много.

— Зря ты его выручать пошел, друга своего. Он же умер, ты видел. Он поседел даже.

— Видел.

Поседел. На самом деле, поседел.

— Они тебя ждали. Сумраки. А ты пошел... А я, дурак, уснул. Все проспал, все проворонил...

Егор шмыгает носом.

— Не плачь.

Теперь молчит уже Егор.

— Не плачь, — повторяю я. — Не надо.

Отец у него. Был отец, стал мертвец. Это трудно понять. Это дико трудно понять.

— Твой отец поступил правильно. Я бы так тоже поступил. Ты его помни, героев нужно помнить. Я своего отца помню.

— И я помню. И буду. Обещает Егор.

Егор, хорошее имя, человеческое. И на Западе люди есть, и вполне себе нормальные люди. Даже очень хорошие люди. Везде люди. Потому что это наша земля.

— Курок... Это... Который умер? — Да.

— Понятно. Ты с ним разговаривал. И с Гомером каким-то. А кто такой Гомер?

— И с Гомером...

— Ну да. Ты все время Гомера какого-то звал, в бессознании. Он кто, папка твой?

— Что-то вроде.

— Ясно, — Егор вздыхает. — Умер тоже?

— Да. Давно.

Егор молчит, пересаживается со стула на стул.

— Ты со всеми разговаривал. Кричал, стихи какие-то читал.

Я с трудом поворачиваю голову.

Алиса сидит возле печки. Смотрит в стену. С утра.

Она почти всегда сидит и смотрит. В одну точку. Молчит.

И я каждый раз сомневаюсь.

— Который день?

— Двадцать четвертый. Если считать...

— Понятно.

Алиса поднимается и уходит. Я смотрю ей вслед. Я боюсь. Боюсь, что она...

— Твоя подружка неразговорчивая совсем. Бука.

Настоящая.

— Ни слова еще не сказала мне. Как приволокла тебя, так и молчит. Бука, бука...

Бука. Если бы Егор знал, насколько он прав.

— Она — Алиса?

— Ага.

— Это она тебя приволокла. Знаешь, на кого ты был похож?

— Нет. И не хочу.

— Хорошо. Как знаешь. Ты с ней тоже болтал. Как с настоящей.

— Она что-нибудь рассказала? — спрашиваю я у Егора.

— Ничего. Ни слова не говорит. Я с ней болтаю, а она молчок. А она вообще умеет?

Я не знаю. Не знаю, как ответить на этот вопрос. Раньше умела. Сейчас не знаю.

— Не знаю, — ответил я. — У нее... горе. Она... человека тоже потеряла.

— Жаль... Видно, что не так. Крысу за собой везде таскает, таких никогда не видел, просто сверхкрыса...

Егор грустно смотрит на полку. На ней тоже крыса, сплетенная из нарезанных прозрачных шлангов, выкрашенная в дурацкий оранжевый цвет. Веселая. Зубы из монет сделаны, блестят.

— Почти все время сидит, — кивает Егор на пол. — Сядет и сидит, в стену смотрит. Или по крыше гуляет. Или на крыше сидит.

— Долго гуляет?

— Не-а... Она тут все время. Как притащила, так и сидит. Два дня от тебя не отходила. Меня не подпускала. Как посмотрит...

Егор поежился.

— У нее глаза страшные, я на нее смотреть не могу. И не спит она.

— Она спит. Только с открытыми глазами.

— Я так и думал. Я сам иногда так сплю, потом голова болит. А эта Алиса, — спрашивает негромко Егор, — она без оружия ведь... Она не боится?

— А чего ей бояться?

— Ну, сумраков.

— Не боится.

— Да... — Егор чешет голову. — Молодец. Она красивая. Она кто... Подруга?

— Почти. Жизнь мне спасла. Несколько раз даже.

— Молодец. Пойдем гулять?

— Пойдем.

Егор начинает вертеть колесо, и кровать превращается в кресло.

— Это папка сделал, — рассказывает он. — Специальное кресло, оно распрямляется и обратно. Я плохо ходил, болел часто, лежал много — вот он меня и вывозил. Тут воздух на балконе хороший, и молнии часто летают. Шаровидные.

Егор показывает, какие тут летают шаровые молнии, получается, что просто с капусту. Вывозит меня на крышу.

Высота.

— Молнии все убивают, всю вредность. А воздух придает сил. И дождевая вода здесь чистая.

Егор везет меня вдоль бордюра. Прекрасный вид.

Сверху город похож на раздавленного паука. Прижали хорошенько каблуком, расползся в разные стороны, кольца, линии, снова линии, снова кольца, все пересекается, перепутывается.

Раньше город разворачивался везде. На поверхности, под землей и даже над нею, дороги змеились между домами, сами дома ползли ввысь, и все смешивалось в непонятной и пестрой карусели, и посторонний человек не мог во всем этом разобраться, и даже местные, зайдя в другой сектор, часто плутали. И для заблудших придумали особый компас, который стрелкой указывал правильное направление, куда идешь, туда он и показывает.

Запад, Восток. Запад больше, накатывается багровым приливом через центр, въедается широким опасным языком...

— ...Не помню совсем. Маму то есть. Ее сумраки поймали, когда я был совсем маленьким. Тогда отец решил с ними воевать. Они с центра лезут, здесь не живут. Он много про них узнал, я потом расскажу. Ускоритель нашел. Но это не он придумал, это другие, военные.

— Тут есть военные?

— Раньше были. Видишь, внизу вертолет? Они сюда прилетали. Очень давно и неизвестно зачем. Вертолет весь был забит ящиками, а в них контейнеры. Сумраки тоже давно были, военные пытались их убить, вот прямо здесь, у метро...

Верхнее Метро. Разноцветные линии, разделяющие город на неровные ломти, поверх линий разметка — черный штрих — непроходимые участки, красный — ходить осторожно, зеленый — безопасно, зеленого мало. Верхнее Метро разведано плохо и опять же только с нашей стороны, что творится, к примеру, на большинстве станций Кольцевой, мы не знаем. Есть путеводитель, но многие тоннели засыпаны, в других полно погани, в некоторых реки, или болота, или поездами все забито. Непроходимость.

Нижнее Метро чернеет растопыренной птичьей лапой. В Нижнем Метро порядок, во всяком случае, в восточной части. Только пройти все равно нельзя, да и не полезет туда никто. Что происходит на Западе... Запад он и есть Запад.

— Папка говорил, что город такой большой, что за всю жизнь его нельзя обойти.

— Это смотря какая жизнь.

Город плывет почти под ногами.

— Вчера двадцать минут гуляли, сегодня можно побольше. Хотя нет, нельзя. Простынешь.

Мне смешно. Но я с ним не спорю.

— Ты как-то быстро выздоравливаешь, — улыбается Егор. — Ты что, богатырь?

Я начинаю кашлять. Хорошее слово. Богатырь. Хорош богатырь, ложку поднять не может.

— Значит, здоровье повышенное. Есть такие люди, все как на собаках... А у меня, наоборот, пониженное... Зрение у меня плохое, с детства.

— Плохое?

Егор смотрит вниз из-под ладони.

— Странно... Сейчас вроде по-другому... Вижу почти все. И резко... Никогда так не видел.

— И зубы не болят, — добавляю я.

Егор сидит прямо передо мной, и я вижу, как он начинает проверять языком зубы, надувает щеки, даже пальцем прощупывает.

— Не болят, — поражено говорит он. — На самом деле не болят. Даже дырки, кажется, заросли. Это почему?

Я пытаюсь повернуться на правый бок, не получается, больно, ребра, кажется, потрескивают. Падаю на спину. Надоело на спине.

Вообще надоело валяться. Шея не поворачивается, какой-то горб на ней вырос, как воротник. Руки. Руки работают. Не очень хорошо работают руки, шины мешают — и на правой, и на левой. Не сгибаются. Но согнутся, рано или поздно. И на ногах шины, сломанный я совсем. Кривые шины Егор сделал, неумеха. Хотя и так сойдет.

Зато кожа нравится. Новая выросла, гладкая и толстая, по ощущениям гораздо толще. Здорово.

Зубов, правда, меньше. Гораздо меньше, чем раньше. Дырки, они зарастают, это верно. Рядом с Алисой не только дырки зарастают, раны затягиваются. Кости, кожа, сухожилия.

А зубы новые нет, так и буду дальше без зубов. Когда умирал, не очень расстраивался, на том свете новые зубы выдают. Все, кто претерпел за правду, при записи в Облачный Полк получают утраченные конечности, отлитые из чистейшего золота, в том числе и зубы. А

сейчас без зубов туго, в живых-то. Лицо просело, скособочилось, постарел сразу.

— Это отчего? — спрашивает шепотом Егор. — Это... Почему?

Я молчу. Но Егор и сам не дурак, думать умеет.

— Почему?

Егор вкатывает меня под крышу.

— Так... Она... Она что, эта?!! Это?!!

Глаза у него округляются, челюсть отвисает. Так он и стоит. Не меньше минуты.

— Она настоящая?!

— Ага, — отвечаю я. — Самая-самая.

— Папка про таких рассказывал... Но мы никогда не встречали...

— Вам повезло. Особенно тебе. А я вот встретил.

— И что? — спрашивает Егор совсем уж еле слышно. — Что случилось?

— Со мной ничего.

— А с кем? — осторожно спрашивает Егор.

— С другими... Сказки знаешь?

— Какие?

— Разные. Всякие. Про гостей. Пришли к людям гости, сели за стол, едят. А один мальчик уронил ложку. Полез за ложкой, глядит, а у гостей-то копыта.

Егор оглядывается.

— У нее копыта? — шепчет он.

— Почти. Но вообще она хорошая. Добрая. Тебе понравится.

— Ага, добрая. Отец говорил, они детей сманивают. А потом... Что потом?

— Не знаю. До потом не дошло. К счастью.

— Они... — Егор неопределенно кивает. — Они... Такие, как Алиса... Ты как с ней познакомился?

— Она меня спасла. И еще... Долгая история, в двух словах не расскажешь. Ты насчет Алисы не беспокойся, ты уже вырос. Совершенно вырос. Но лучше, так, на всякий случай, лучше тебе бороду отрастить. Тогда точно не заинтересуется.

— Бороду... А если не растет...

— Лучше, чтобы росла. Знаешь, борода вообще против всякой погани лучшее средство. А Алиса...

— Она... опасна?

Егор меняет табуретку, подсаживается поближе к дробовику. Правильно. Я бы сам так поступил.

— Я не знаю. Скорей всего, нет. Она... Раньше любила игрушки... Она смотрела на игрушки?

— Нет... Она только в стену смотрит. Или в угол. Она точно не опасна?

— Не опасны лишь помидоры. Да и то... Она...

Сбежала. За мной. Сюда.

— Ясно.

Появляется Алиса. Садится возле стены. С рук у нее спрыгивает крыса, начинает обход комнаты, обнюхивает пол, стулья, все обнюхивает. Егора.

— А ну... Иди...

Он достает сухарь. Крыса нагло забирается ему на колени, отбирает сухарь, относит Алисе.

— Ладно... Вы тут развлекайтесь, а я за водой поднимусь. Чаю хочется.

Егор подбирает ведро и удаляется, шаркая ногами.

Я остаюсь с Алисой.

Молчим. Только крыса хрустит сухарем, да перекатываются на ветру звонкие гильзы.

Хочется поговорить. Спросить, узнать. Но страшно. Ладно, потом, успеем.

Моя каталка стоит рядом с полкой, на ней книги. Большие, тяжелые, в таких обычно картинки. Я дотягиваюсь до ближайшей, с трудом устраиваю ее на животе.

Современные художники. Культура. Современные... Знал я одного современного, но недолго...

Листаю. Очень быстро выясняется, что время всегда одинаковое. Бойко рисовали раньше, бойко, почти как сейчас.

Москва, вид сверху. С птичьего полета вроде как, тогда еще птицы летали и во множестве. Я такую же картину видел, у Япета, в одном из старых альбомов.

Если просто смотреть, то обычная вроде как картина, город и все присущие ему признаки: реки, мосты, кварталы, коммуникации над и коммуникации под, все как полагается. Но есть и секрет, второе дно, не различимое нормальным взглядом. Под изображением особая инструкция, обучающая, как смотреть по-другому. Чуть скосить глаза к носу, постараться смотреть не на, а сквозь, так, словно картинка находится чуть дальше своего реального расположения, расслабить глазные мышцы, распустить ось зрения, и вот видно уже другое.

Зеленые кишки труб и тоннелей, вываливающиеся из распухшего чрева, острые кости подземных путей, протыкающие серую кожу асфальта, провалы — как глубокие язвы, сквозь которые видны перепутанные сухожилия и больные бубонные вены. Черная кровь из лопнувших тромбов бензостанций. Концентрическая сыпь навсегда остановившихся в красном светофоров. Иглы энергетических мачт, как спицы экзоскелетов, стягивающие сломанные ребра кварталов, мосты, как медицинские стяжки, скрепляющие расплзающиеся части районов. Лишаи парков и мокнувшая экзема забродивших прудов. Нарывы стадионов и пролежни переулков, и если осторожно отдалить альбом от себя, то видно станет окончательно — мертвец, стухший, с истлевшими конечностями и объединенным черепом, и дороги уже не дороги, а плоские солитеры, и мелкие люди на улицах похожи на мух, а машины на червей, въедающихся в догнивающую кожу.

Возвращается Егор с ведром.

— Вы огни видели? — спрашивает он. — Когда сюда шли?

— Нет, — отвечаю я.

— Да... Огни появляются. На севере. Можно вечером посмотреть.

— Обязательно. Посмотрим.

— Вчера красные были. Висели, висели, а потом в разные стороны — и разлетелись. Отчего огни, а?

— Не знаю. Выясним.

Выясним. Вот полежу еще немного и встану. Через месяц. Ну, через полтора.

— У нас еще много работы, — говорю я.

— Работы... А разве мы... Разве ты не собираешься домой возвращаться?

— Нет. Зачем? Это старая жизнь, нужно искать новую.

— Где?

Я киваю в сторону севера.

— Старший говорил, что на севере есть ответы.

— Тебе очень нужны ответы?

— С некоторых пор. Видишь ли, Егор, с некоторых пор меня интересуют ответы. Потому что мне все это немного надоело. Вот эта вся жизнь.

На самом деле надоела. Люди могут жить по-другому. И должны жить по-другому. Старший. Он полагал, что все из-за Нижнего Метро. Курок думал, что из-за пришельцев. Гомер считал, что разверзлась преисподняя. Кто-то да прав. Посмотрим. Я одно знаю — после зимы всегда лето. По-другому никак. Старший верил, что все это можно прекратить.

И я тоже верю.

— Через месяц отправимся на север, — говорю я. — Надо запастись теплой одеждой.

— Но ты же совсем не ходишь...

— Сегодня не хожу, завтра хожу. Я иду на поправку. У тебя есть что-нибудь для зимы?

Егор пожимает плечами. Видно, что идея ему не нравится.

— Есть?

— Для зимы у нас слон, — отвечает Егор. — В нем тепло.

— Отлично. Слон. Пересидим в слоне. Я, ты и Алиса...

— Как? — удивляется Егор. — Она тоже?

— А как же? Не на улице же ее оставлять. Не расстраивайся, до зимы еще далеко, борода успеет отрасти.

Егор начинает потирать подбородок

Алиса смотрит в стену.

— У нас есть термические одеяла, — сообщает Егор. — Они, наверное, подойдут.

— Одеяла — это хорошо. Еще кое-что надо будет собрать, я потом скажу.

— Ладно... Тут магазин недалеко, там все есть, даже валенки.

— Валенки? Здорово. Алис, тебе валенки нужны?

Алиса смотрит в стену.

© Острогин М., 2010

© Издательство «Эксмо», 2010

Иллюстрация на обложке Владимира Манюхина